

А. А. Соловьев

ИЗРАЗЦЫ И ПЕЧИ ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА

(конец XVI — 1-я треть XIX вв.)

АРХИТЕКТУРНО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

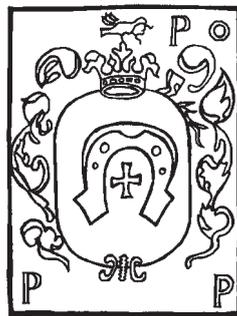

А. А. Соловьёв

ИЗРАЗЦЫ И ПЕЧИ ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА

(конец XVI—первая треть XIX в.)

АРХИТЕКТУРНО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

Полоцкое
книжное издательство
2013

УДК [738.81+697.243]:272-788-523(476.5-21Полоцк)
ББК 85.125(4Бей)
С60

Рецензент: доктор исторических наук Д. В. Дук
В оформлении издания использованы рисунки А. А. Соловьёва
Дизайн обложки А. Судника

Соловьёв, А. А.
С60 Изразцы и печи полоцкого иезуитского коллегиума (конец XVI — первая треть XIX в.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв. — Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2013. — 95 с. : ил., VIII с. цв. ил.

ISBN 978-985-6936-52-7

В настоящем издании археолог Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника А. А. Соловьёв представляет результаты исследования изразцов и печей крупнейшего на территории Беларуси комплекса зданий бывшего иезуитского коллегиума времён его становления в конце XVI—первой трети XIX в. Монография познакомит читателя с коллекциями изразцового материала, собранного за восемь лет археологического изучения автором книги этого уникального архитектурного памятника. В работе раскрывается специфика строительства и конструктивных особенностей печей вышеуказанного периода на примере их остатков, найденных на территории и в корпусах бывшего коллегиума. Книга адресована историкам, археологам, реставраторам и всем, кто интересуется историей материальной культуры позднего средневековья и нового времени.

УДК [738.81+697.243]:272-788-523(476.5-21Полоцк)
ББК 85.125(4Бей)

Научно-популярное издание

Соловьёв Александр Александрович

**ИЗРАЗЦЫ И ПЕЧИ
ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА
(конец XVI—первая треть XIX в.)**

Архитектурно-археологический очерк

Ответственный за выпуск А. Судник

Подписано в печать 28.06.2013. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,09. Уч.-изд.л. 11,77. Тираж 150 экз. Заказ 842.
ООО «Полоцкое книжное издательство». ЛИ №02330/0494447 от 08.04.2009.
Проезд Замковый, 4, к. 16, 211400, Полоцк.
Тел./факс: 8(0214) 42-16-86. E-mail: ooo.pki@mail.ru
ЧУП «Джи энд Ди». ЛП 02330/0150065 от 15.06.2008.
Ул. Бурдейного, 37, к. 191, 220136, Минск

ISBN 978-985-6936-52-7

© Соловьёв А. А., 2013
© Оформление. ООО «Полоцкое книжное издательство», 2013

NON MULTA, SED MULTUM¹

Представленное на суд читателя монографическое исследование А. А. Соловьева посвящено изразцовым печам полоцкого иезуитского коллегиума XVI—XVIII вв. Автором избран в качестве предмета исследования только один из видов ремесленной продукции — печные изразцы и печи, изготовленные из них. Всего же в Полоцке насчитывалось более двух десятков ремесленных специальностей. Спектр вопросов, рассмотренных исследователем, представлен и разнообразен.

Декоративно-прикладное искусство в целом и изразцовое производство в частности являются и будут в дальнейшем оставаться предметом научных изысканий еще многих поколений исследователей. Производство изразцов — это не просто вид ремесленной деятельности, это ремесло, возведенное в ранг искусства. По разнообразию мотивов и приемов изготовления можно судить о массовости, представительности и многогранности талантов наших предков. Печные изразцы, рассматриваемые как предметы декоративно-прикладного искусства, представляют собой своего рода окно в повседневный мир наших предков, в их представления и верования, эстетические предпочтения.

Благодаря обнаружению во время археологических раскопок печных изразцов с декоративными мотивами или сюжетными изображениями исследователь получает возможность открывать новые страницы прошлого. Совокупность артефактов предопределяет целостность общей картины. В этой связи изразцовые печи иезуитского коллегиума являются великолепным материалом для реконструкции панорамы действительности минувших веков.

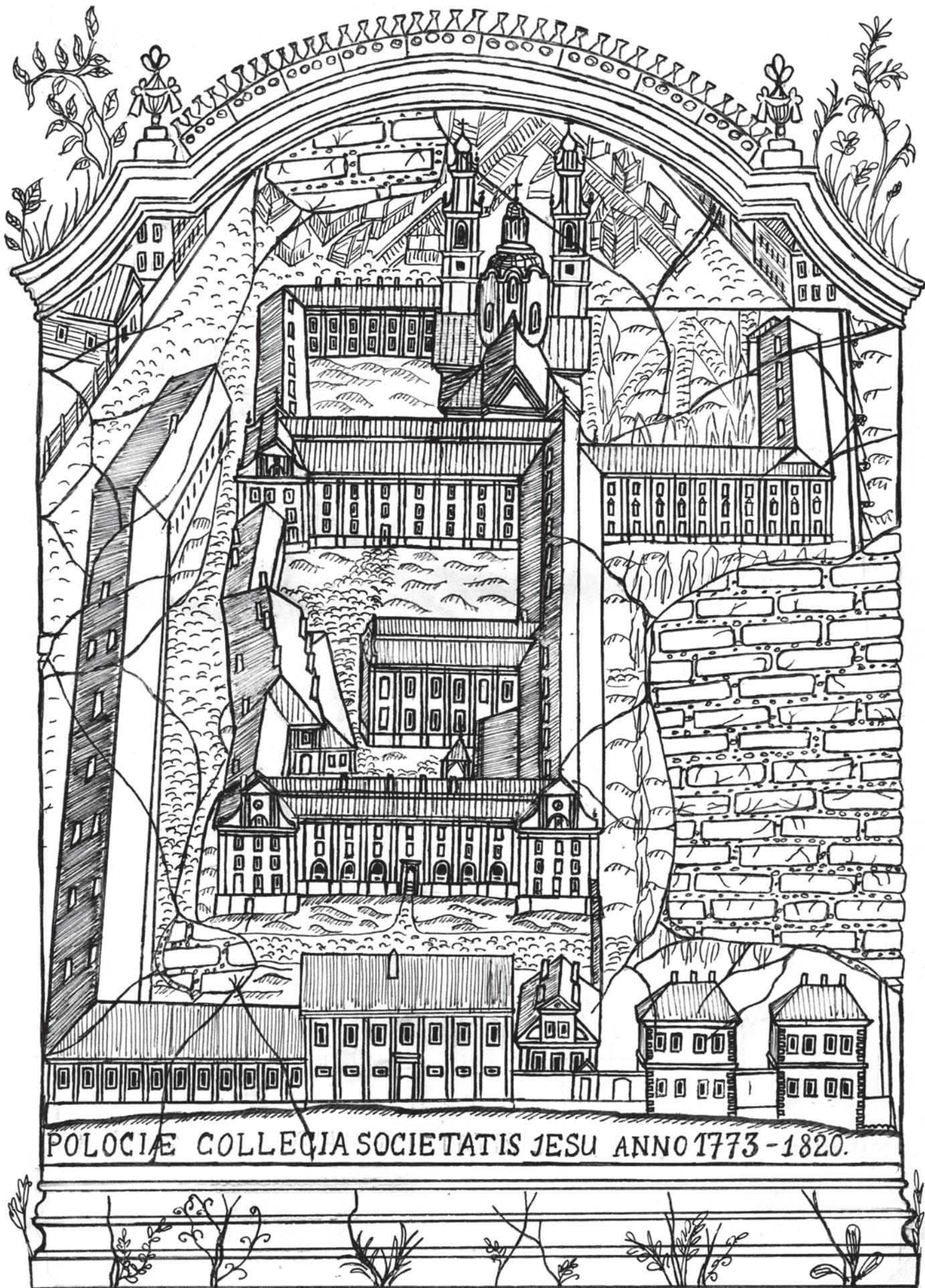
В представленном монографическом исследовании археологу Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника А. А. Соловьеву удалось открыть, изучить и представить детальные реконструкции печей, изразцов и основных сюжетов богатейшего и крупнейшего на территории Беларуси комплекса зданий бывшего иезуитского коллегиума времен его становления (XVI—XVII вв.) и расцвета (XVIII в.).

В процессе реконструкции корпусов бывшего иезуитского коллегиума в г. Полоцке исследователями, в большей степени А. А. Соловьевым, были собраны коллекции печных изразцов начиная с конца XVI в. и вплоть до XX столетия. Эти коллекции в совокупности с данными археологического изучения фундаментов печей и системы дымоходов позволили воссоздать обширную картину разнообразия жанров и стилистики изображений на печных изразцах различных эпох в процессе их эволюции. Автор предложил графические реконструкции печей коллегиума с детальными планами их расположения в различных корпусах.

Представленная монография наглядно иллюстрирует, какой огромный потенциал для исследователя представляет собой отдельно взятый масштабный архитектурный комплекс полоцкого иезуитского коллегиума по ряду архитектурных, ремесленных и художественных традиций. В их многообразии очевиден богатейший историко-культурный потенциал Полоцка, многое из прошлого которого нам ещё предстоит возродить.

*Д. В. Дук,
доктор исторических наук, доцент*

¹ Не многое, но много (лат.).

POLOCIAE COLLEGEIA SOCIETATIS JESU ANNO 1773-1820.

ВВЕДЕНИЕ

В течение нескольких столетий изразцовая печь была главным элементом интерьера каждого жилого помещения. Она выполняла не только утилитарные, но эстетические и даже, в определённом смысле, идеологические функции.

Остатки первых изразцовых печей в Полоцке были обнаружены во время проведения археологических раскопок на Верхнем Замке при расчистке дворца княжеского наместника. Дендрохронологическим методом (по спилам древесины) они были датированы исследователями 1304 годом. Печи имели вид глинобитных куполов, поставленных на крепкую основу. Единственное их отличие от предшествовавших им сооружений — это наличие единичных вмурованных «кахлей» — высоких грубых сосудов. Этот конструктивный элемент печи появился в Полоцке в результате торговых связей Полоцка с Ригой и Ганзейским союзом, куда входили и немецкие города, и где собственно были изобретены печные изразцы.

Само слово *kachel* переводится с немецкого языка как «посудина», первоначально так называли обычный печной горшок. В белорусском, украинском польском и русском языках это слово обрело известные нам сегодня звучания: «кафля», «кахля», «кафель». В русском языке получило распространение слово «изразец», но так называют в основном коробчатые изделия, которые появились значительно позже, и их пластины, независимо от способа изготовления, имевшие узор, который вырезали или «изрезали» на их лицевой пластине или матрице для оттиска. Отсюда произошло и русское название данного вида декоративно-строительной керамики.

За два столетия развития полоцкие изразцы проделали путь от грубых единичных сосудов, вмурованных в стенки печей, до поливных готических и ренессансных изделий с гербами, портретами людей и мифологическими сюжетами. При этом горшковые изразцы сосуществовали с первыми коробчатыми экземплярами, среди которых были как стеновые пластины, так и карнизы и коронки — глазурованные и терракотовые.

В начале XVI века в Полоцке появились печи, обложенные геральдическим и сюжет-

ным кафелем с монограммой и образом Девы Марии, а также мифических существ. Дальнейшее развитие изразцового дела в Полоцке было прервано известными событиями Ливонской войны (1563—1581).

После отвоевания Полоцка у русских войск в 1579 г. в городе обосновались иезуиты. Благодаря помощи и покровительству польского короля Стефана Батория и последовавших за ним правителей иезуиты в течение нескольких десятков лет прочно закрепились в городе, активно укрепляя свою материальную базу. В 1585 г. иезуитская школа получила статус коллегии и с этого года началось развитие и формирование самого крупного архитектурного ансамбля города — Полоцкого иезуитского коллегиума, который формировался в течение нескольких столетий.

Известно, что иезуиты находились в авангарде дела распространения католичества. Они быстро приспосабливали для своих нужд научные и технические достижения своего времени, а также быстро осваивали язык, культуру и обычаи тех народов, в среде которых им доводилось проповедовать католичество. Здания полоцкого коллегиума, архитектурно-художественная отделка их фасадов и интерьеров также должны были служить этой цели, являясь своеобразной витриной достижений католической церкви. В связи с этим большое значение иезуиты придавали производству архитектурно-строительных материалов, из которых они воздвигали свои постройки, и в частности, печным изразцам.

Без этого вида архитектурно-строительной керамики невозможно было соорудить печь в доме любого зажиточного горожанина или шляхтича. Развалы изразцовых печей стали надёжным признаком для определения мест расположения и жилых корпусов коллегиума. Сами же изразцы, в особенности внешние пластины коробчатых изделий, это своеобразные страницы воображаемой глиняной книги, по которым возможно проследить смену архитектурно-художественных стилей на протяжении нескольких столетий — от Ренессанса до Классицизма.

Именно производство изразцов превратило пригород Полоцка Якимань (Экимань) в крупный гончарный центр. Небольшая

изразцовая мастерская могла располагаться и на территории коллегиума.

Изучению полоцких изразцов и печей большое внимание уделяли Л. Г. Паничева, Н. И. Зданович, О. А. Трусов, Д. В. Дук, которые посвятили им свои многочисленные статьи и монографии.

Так, статья Л. Г. Паничевой «Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV—XVII вв.» посвящена исследованиям остатков древнейших белорусских изразцовых печей, найденных в Полоцке на Верхнем замке. Ею была изучена их прямоточная конструкция, приведена хронология их перестроек и типология строительных материалов.

Статья Н. И. Зданович «Полацкая кафля», а также монографии: «Беларуская паліваная кераміка»¹, «Кафлярства ў Беларусі (на матэрыялах калекцыі полацкай кафлі)»² посвящены не только технологии изразцового производства в Беларуси, но и конструктивным особенностям печей и опыту их реконструкции. Ею же опубликована фотография полихромной печи конца XVIII в.

В монографиях О. А. Трусова «Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVIII вв.»³, «Старонкі мураванай кнігі»⁴ приводится хронология изразцов и опубликованы уникальные снимки и проектные рисунки печей XVII в.

При изучении территории полоцкого иезуитского коллегиума⁵ Д. В. Дуком были раскопаны и исследованы развалы нескольких печей бывшего деревянного корпуса «скромного коллегиума» и предложена реконструкция одной из них⁶. Позднее им был найден развал и изразцовый набор от печи другого корпуса⁷. Д. В. Дуком так же по местам находок расшифровки геральдических изразцов была составлена геральдическая карта Полоцка⁸.

Большое внимание изучению убранства и внутреннего устройства печей XVI—XVIII вв. уделяется польскими исследователями. Монография Марии Дамбровской «*Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII w.*», основанная как на письменных источниках, так и данных археологии, содержит богатейшие сведения по их устройству, методы

и опыт документирования и реконструкции как отдельных изразцов, так и самих печей. Её статья «*O siedemnastowiecznych kaflach i piecach z tereny ziem polskich*» позволяет проследить аналогии между полоцкими и польскими изразцами, уточнить их функционально-конструктивное назначение и ознакомиться со спецификой и опытом реконструкции печей того времени.

Во время изучения уцелевших корпусов и территории полоцкого иезуитского коллегиума была собрана большая коллекция мисочных и коробчатых изразцов кон. XVI — нач. XIX вв. Почти все найденные экземпляры имеют аналоги в материалах из археологических раскопок в разных частях Полоцка. Большинство изразцов было представлено фрагментами, находки же похожих изделий на территории и корпусах коллегиума нередко позволяли их восстановить целиком. Некоторые пластины, найденные во время исследований коллегиума, имеют аналоги в коллекциях археологических материалов из раскопок в других городах Беларуси. Последнее позволяет сделать предположение о происхождении того или иного мастера (откуда он родом или где учился), который их сделал, когда он переехал в Полоцк. За время 12-летнего изучения территории и строений иезуитского коллегиума археологами Д. В. Дуком и А. А. Соловьёвым было найдено несколько сотен разнотипных и разновременных изделий⁹.

При этом во время изучения изразцового материала появилась возможность выделить несколько печных наборов, которые были довольно популярны в Полоцке при возведении и украшении печей. С учетом выявленных остатков печей на этажах корпусов коллегиума, ценность найденного материала значительно возрастает, ведь открывается возможность не только проводить более точную реконструкцию внешней отделки фасадов печей, но выявлять их конструктивные особенности и взаимосвязь с интерьерами помещений, в которых они находились. Сравнение находок из корпусов и изразцов, найденных в ямах, расположенных на территории вокруг строений коллегиума, позволило также сделать привязку части находок к развалам печей. Исследование остатков печей, выявленных в помещениях коллегиума, даёт возможность частично восстановить их конструктивные особенности не только на уровне фундаментов, но и дымоходов.

¹ Здановіч, Трусаў, 1993.

² Здановіч, 2005.

³ Трусов, 1988.

⁴ Трусаў, 1990.

⁵ Дук, 2000.

⁶ Дук, 2001.

⁷ Дук, 2002а; Дук, 2002б.

⁸ Дук, 2007; Дук, 2010.

⁹ [1—156]

Данная монография познакомит читателя с коллекциями изразцового материала, собранного автором за восемь лет археологического изучения полоцкого иезуитского коллегиума. Она также раскрывает специфику строительства и конструктивных особенностей печей кон. XVI — 1-й трети XIX в. на примере их остатков, найденных на территории и в корпусах комплекса коллегиума.

Период существования кадетского корпуса не затрагивается в силу того, что на начальном этапе новые владельцы возведенных иезуитами зданий либо строили оштукатуренные печи, либо облицовывали их старыми изразцами. Материалы кон. XIX — нач. XX в. достаточно бедны и однообразны, чтобы на них останавливаться. Собранный материал, относящийся к иезуитам и пиарам, несмотря на некоторую ограниченность, даёт возможность для качественных и, главное, более достоверных реконструкций изразцов и печей. Для этой цели нами были помещены максимально возможное количество цветных и графических иллюстраций, а в списке использованных источников, большинство доступных инвентарных номеров материалов, сданных на данный момент в фонды НПИКМЗ¹.

Для лучшего понимания содержания книги в начале каждой главы помещены иллюстрации, исполненные в стиле старинных книжных гравюр. Они подготовлены на основе археологических находок, обнаруженных при изучении полоцкого иезуитского коллегиума, описаний технологии производства, выявленных в научной литературе, а так же мотивов архитектурных элементов корпусов коллегиума и декора изразцов. На этих рисунках в собирательных образах показан процесс изготовления изразцов, цель ис-

пользования геральдических изделий и само строительство печей в корпусах коллегиума. Изображения людей и интерьеров на данных иллюстрациях не стоит увязывать с конкретными историческими личностями, а так же с остатками разрушенных зданий или существующих корпусов коллегиума.

Предлагаемые читателю материалы по изразцам и конструкциям печей позволят не только оценить архитектурный потенциал полоцкого иезуитского коллегиума, лучше понять специфику изготовления изразцов и конструктивные особенности печей того времени, но также выявить новые проблемы и поставить новые вопросы, связанные с особенностями производства этого вида декоративно-строительной керамики и печного дела XVI—XVIII вв. Это обеспечит работу для будущих исследователей, которые смогут уточнить и скорректировать многие из предложенных нами реконструкций и выводов. Необходимо дальнейшее изучение территории и зданий полоцкого иезуитского коллегиума. Должны быть заложены раскопы перед южным фасадом корпуса «А», во внутренних двориках и на месте разрушенных корпусов. Необходимо продолжать изучение засыпки сводов и подполий существующих зданий.

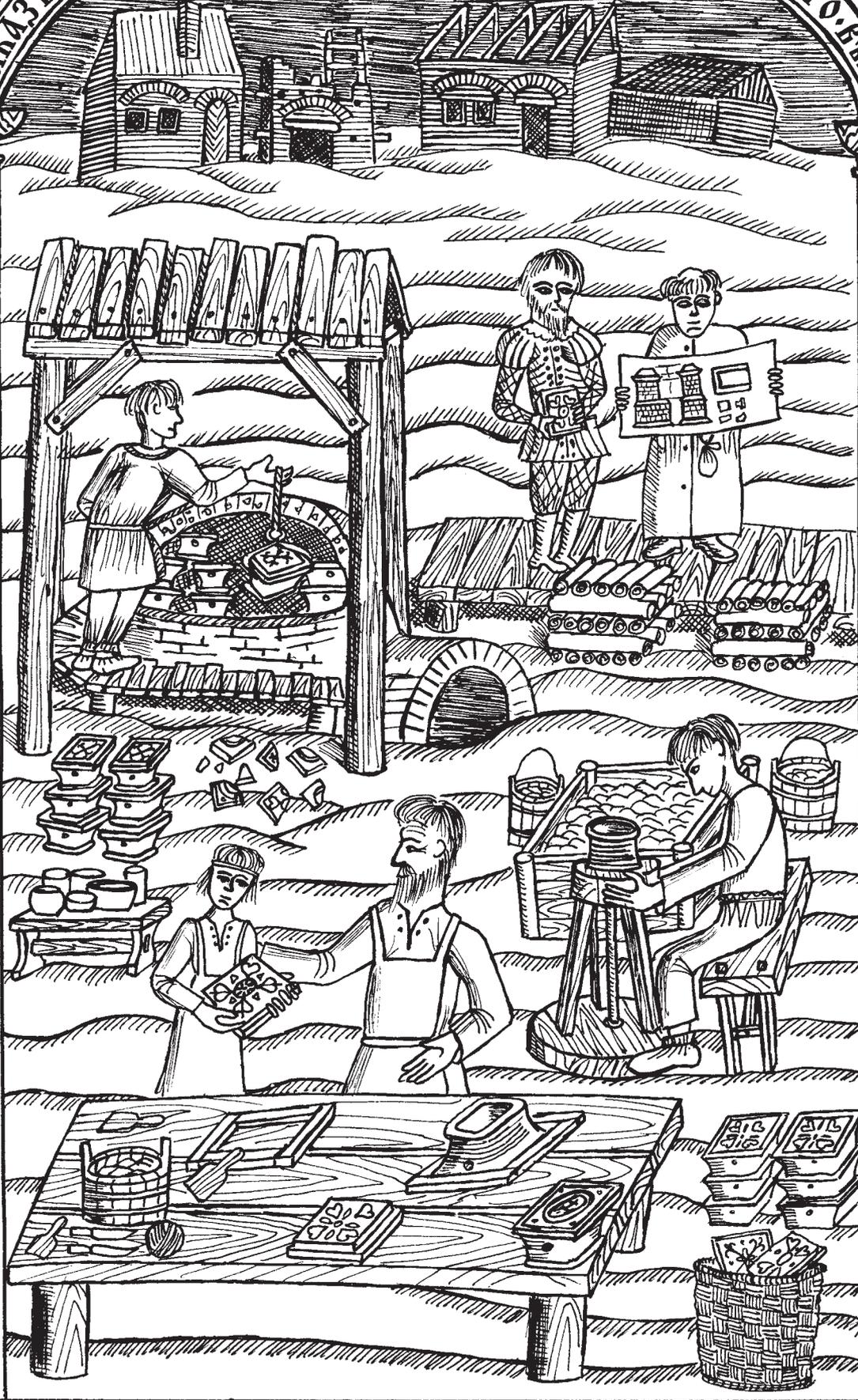
Большое внимание необходимо уделить и изучению Экимани, которая была в то время гончарной слободкой, принадлежавшей иезуитам, и имела отношение к изразцовому производству.

В дальнейшем стоит попробовать на практике проверить предлагаемые реконструкции, гипотезы и выводы — изготовить изразцы, собрать печь и протопить её, чтобы объективно оценить имеющиеся наработки, понять жизнь людей того времени.

---

¹ [1—156]

ЗАКАЗЪ ИЕЗУИТАМИ КАХЛЕЙ ДЛА ПЕЧЕЙ КОЛЛЕГИИ XVII-ГО ВѢКА

ИЗРАЗЦЫ КОНЦА XVI — 2-й ТРЕТИ XVII вв.

Найденные при изучении полоцкого иезуитского коллегіума изразцы представлены в основном мисочными и коробчатыми (пластинчатыми) изделиями.

Первые получили свое название из-за необычной формы, напоминающей конические сосуды с расширяющимся кверху устьем. Высота их стенок обычно не превышает размеров устья, а иногда и равна ему. Форма венчика бывает круглой или четырехугольной (квадратной или прямоугольной). Поверхность стенок может иметь рифление, которое образовывалось при вытягивании изделия на гончарном круге. Донце подобных «сосудов» иногда расширяется к низу. Таким образом, рифление стенок, расширенные или неровные края донца позволяли прочно вмуровывать эти изделия в глиняную стенку печи.

В наименовании изразцов коробчатого типа, или как их еще называют — пластинчатых, также отражены их конструктивные особенности и специфика изготовления. Так, задняя часть такого изразца (румпя или коробка) при его изготовлении формировалась отдельно в виде цилиндра без дна (тем самым напоминая мисочный изразец), которую позже мастер срезал, и, слегка придав ему форму прямоугольника или квадрата с мягкими округлыми углами (внешняя поверхность стенок румпы делалась рифленой для лучшего сцепления со стенками печи посредством глиняного раствора), сажал его на заготовку лицевой пластины (которую еще не успели вынуть из формы, состоявшей из глиняной или деревянной матрицы с нужным узором и деревянной рамки), затем тщательно скреплял их, усиливая внутреннюю сторону глиняным валиком. За счет этого утолщения по периметру пластины изразца образовывался массивный контур, который с внешней стороны имел конические, а на изразцах более поздних столетий — вогнутые очертания и, соответственно, он был наиболее прочной частью изделия, благодаря чему большая часть, находимых археологами, изразцов представлена обломками их уголков.

Таким образом на тыльной стороне изразца образовывалась полая (обычно открытая) коробка. От нее и пошел первый вариант названия. Второй вариант наименования —

коробчатый — происходит от наименования лицевой стороны изразца — пластины. Позже, с появлением карнизных, поясковых и прочих видов изразцов, данное название распространилось и на них.

Почти всегда в месте соединения пластины и румпы щепкой или пальцами делались проколы. В большинстве случаев эти отверстия расположены вдоль вертикальной оси изразца. Предназначение их до сих пор неясно. Так, О. А. Трусов полагал, что они делались для стягивания изразцов проволокой при строительстве печи¹. В своих предположениях он опирался на результаты изучения целых и разрушенных печей XIX—XX вв., которые были сложены из кафеля фабричного производства. Но в дальнейшем это предположение не получило подтверждений. Во-первых, ни в одном развале печи XVI—XVIII вв., изученных белорусскими археологами, остатков проволоки не обнаружено (ее производство было довольно трудоемким, а сам металл был дорог). Во-вторых, в ряде случаев отверстия изразцов XVI—XVIII до конца не проколоты. В-третьих, сама конструкция изразцов XIX—XX вв., исключала возможность их использования в качестве самостоятельного строительного материала и требовала надежного и жесткого крепления. В XIX—XX вв. с изменением конструкции печей, а также производства и функционального назначения изразцов, которые стали применяться уже только для набора из них зеркала печи, вводятся дополнительные крепежные железные элементы. Так, для вертикальной связки изразцов начали использовать проволоку и крючья, а скобами, которые цеплялись за края румп, ряды фиксировались по горизонтали. Данная технология применяется в печном деле и по сей день.

По нашему мнению, данные углубления (или отверстия), сделанные пальцами имели технологическое назначение. При изготовлении глазурованных и полихромных пластин гончарам было необходимо производить их повторный обжиг, обеспечивавший надежное сцепление стекловидной глазури или эмали с керамической поверхностью.

¹ Трусов, 1988, с. 141.

Благодаря отверстиям в румпе еще горячие изделия удобно было вынимать из горна с помощью крюка или клещей. На возможность применения последних косвенно указывает изображение строительной площадки на одной из гравюр Ф. Скорины. Резчик детально изобразил возведение здания, имевшего черты готики и ренессанса, и среди инструментов были клещи, поднимавшие каменные блоки на верх, которые имели отверстия с противоположных сторон, чтобы клещи не соскальзывали.

Вместе с тем, предположение О. А. Трусова о конструктивном предназначении данных отверстий так же нельзя окончательно отвергать. Дело в том, что на некоторых изделиях отверстия сделаны как пальцами, так и вручную с помощью щепки. При этом они могли располагаться не только в торцевых стенках румпы, но и в продольных. Это случилось крайне редко и зафиксировано только у изразцов 1-й полов. XVII в. («Поклонение волхвов»). Поэтому возможны два варианта их конструктивного использования.

При первом из них, вполне вероятно, что изразцы скреплялись не проволокой, а щепками. Данный крепеж носил временный характер и был необходим при строительстве печи на начальном этапе. Печная глина, заполнявшая румпы и пазухи между изразцами, при высыхании (если не хватало отошающих примесей) давала неравномерную усадку. Из-за этого стены сооружения трескались и швы между изразцами расходились. Таким образом, кладка печи получала временное армирование. После высыхания глины и в ходе эксплуатации печи они выгорали.

При втором варианте во время строительства печи изразцы могли привязываться веревками к деревянному или плетеному каркасу. После этого пазухи между ними заполнялись глиной. Во время топки печи каркас и веревки выгорали.

Возможно, что эти варианты фиксации изразцов использовались совместно.

Мисочные изразцы

Фрагменты мисочных изразцов были найдены в помещениях корпуса «В» полоцкого иезуитского коллегиума, в состав которого встроены остатки строений сер. XVII — нач. XVIII вв. Выявленные обломки принадлежали изделиям двух типов — с квадратным (прямоугольным?) и круглым устьем. Первые обычно представлены обломками стенок с кососрезанным внутрь или округлым краем венчика. Ниже края венчика их стенки имели борозды от пальцев. Доньшки этих изделий¹ круглые и очень массивные $\varnothing 9—12$ см. Углы устьев мисочных изразцов исполнялись двумя способами. В первом случае они имели защипы и были острыми², во втором — округлыми (рис. 1: 1—4). Изразцы с круглым устьем были найдены только во время изучения помещений корпуса «В»³. Склеенные нами из обломков изделия полного профиля напоминали конические глубокие миски

¹ [5].

² Мисочный изразец полного профиля с прямоугольным устьем и защипами на углах был собран нами при изучении территории домика Петра Первого в 2010 г. [4] (Соловьёв, 2012а. С. 410).

³ [12, 13].

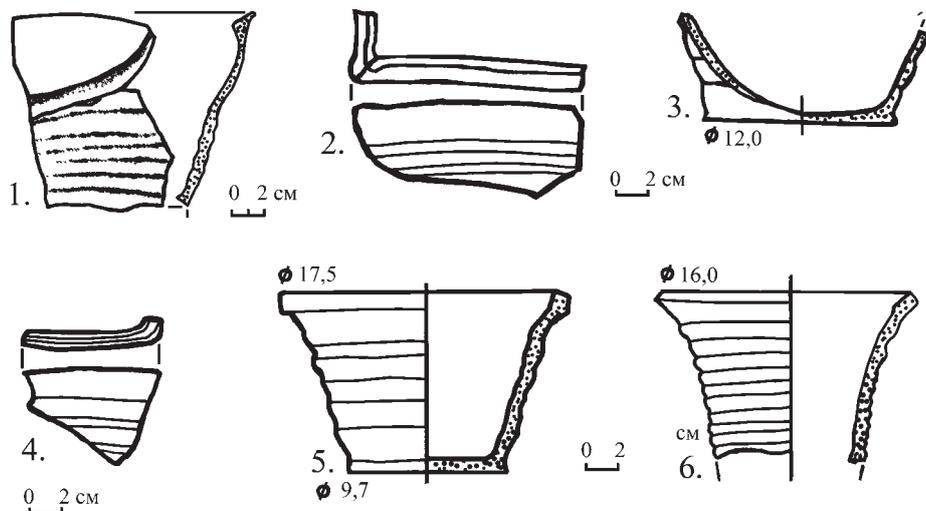

Рис. 1. Мисочные изразцы

1—4 — фрагменты изразца с квадратным устьем; 5, 6 — изразцы с круглым устьем

с широкими бороздами в виде ступенек (венчик $\varnothing$ 17,5 см), по габаритам они приближались к минимальным размерам квадратной пластины коробчатых изразцов. Донышко изделия $\varnothing$ 9,75 см, высота изразца $\approx$ 11 см, его венчик имел горизонтально срезанную сторону (фото 1, 2).

Изделие следующего типа сохранилось частично. Его верхняя часть представляла собой раструб. Внешнюю его сторону покрывало глубокое рифление в виде округлых валиков, сохранились пятна зеленой глазури (рис. 1: 5, 6). Венчик изразца $\varnothing$ 16 см, имел косо срезанную сторону и наплыв на внутренней поверхности (фото 1, 2).

Коробчатые изразцы конца XVI — 2-й трети XVII вв.

Исследования коллегиума показали, что большинство найденных в нем изразцов являются коробчатыми. В изученной коллекции их наиболее ранние экземпляры относятся к кон. XVI — нач. XVII в. Первоначальные печи, возведенные из них, находились в деревянных иезуитских строениях. Во время городских пожаров и различных военных конфликтов коллегиум зачастую подвергался полному или частичному разрушению, но затем, когда начиналось новое строительство, уцелевшие изразцы каждый раз выбирались из развалов печей и использовались вновь. Часто разбитые изделия употребляли для забутовки внутреннего пространства стен и фундаментов, для строительства первоначальных, еще довоенных, зданий коллегиума (имеются в виду постройки, возведенные до русско-польской войны 1654—1667 гг., их стены сложены в технике «лусковой» кладки.) В этом случае для археологов они являются основным датирующим материалом¹. С течением времени уцелевшие изделия были включены в состав изразцовых комплектов более поздних печей в строениях «скромного коллегиума»² и использовались до сер. XVIII в.³ Остатки каменных зданий последнего были выявлены и исследованы в составе корпуса «В». Многочисленные экземпляры изразцов были найдены во время археологи-

ческих раскопок и наблюдений за строительными и земляными работами в зданиях и на прилегающей к существующим иезуитским корпусам территории. Обнаруженные экземпляры представлены стеновыми и карнизными изделиями, которые украшены в ренессансном стиле. Некоторые пластины имели сетевой и геометрический орнаменты с мотивами «кованого металла», был распространен мотив «ваза с цветами», а также геральдические, сюжетные, анималистические образы и маскароны.

Стенные изразцы

Найденные стеновые изразцы представлены квадратными пластинами. Ранних экземпляров с изображением сюжета «вазы с цветами» не обнаружено. Главный орнамент найденных пластин имеет мотивы «кованого металла» с 4-х сторонней симметрией. На ранних изделиях он массивный и плоскорельефный, концы завитков напоминают расклеванные окончания дверных кованых завес⁴.

Среди находок на территории коллегиума очень часто встречаются два варианта со сходным украшением лицевых пластин. Они имели одноступенчатую или двухступенчатую рамку, их размеры 19,5 — 20×19,5 — 20×11 см. Были выявлены изразцы, в которых центральную часть рисунка занимал круг с ромашкой, от которого в углы расходились лучи с сердцевидными завитками (рис. 2: 1). Рамка такого изделия была сложно профилированной и дополнительно имела скосы, отделанные орнаментом в виде перевитых лент и рапорта. Это довольно распространенный рисунок на полоцких изразцах (фото 3, 4). Так, пластины с аналогичным узором (только с двухступенчатой рамкой), по наблюдениям Н. И. Зданович были найдены в Дисне, возможно, их сделал полоцкий мастер, который туда переехал и привез с собой формы⁵.

Угловые изделия данного вида изразцов, которые были обнаружены нами при изучении коллегиума, имели двухчастное деление и состояли из половины стеновой пластины и глубокой ниши, по форме приближенной к четверти круга. Она отделана растительно-геометрическим орнаментом, имеющим в своем составе сердцевидные завитки. Ниши углового кафеля верхних и нижних рядов печи имели конхи (*conche*) — своды в четверть сферы (рис. 2: 2, 3). Данное устройство углового изразца по наблюдениям М. Дамбровской позволяло обеспечить равномерный

¹ Салауёў, 2009в, с. 74.

² Так сами иезуиты называли восстановленный после войны 1654—1667 гг. коллегиум, построенный из обломков довоенных построек. Улучшение экономического положения иезуитов начинается только с конца XVII в., об этом свидетельствует возведение после 1682 г. каменной библиотеки на основе стен и фундаментов довоенных построек.

³ Соловьёв, 2012в, с. 19.

⁴ АБ, 2001, с. 334.

⁵ Здановіч, 2005., с. 21. [23—25].

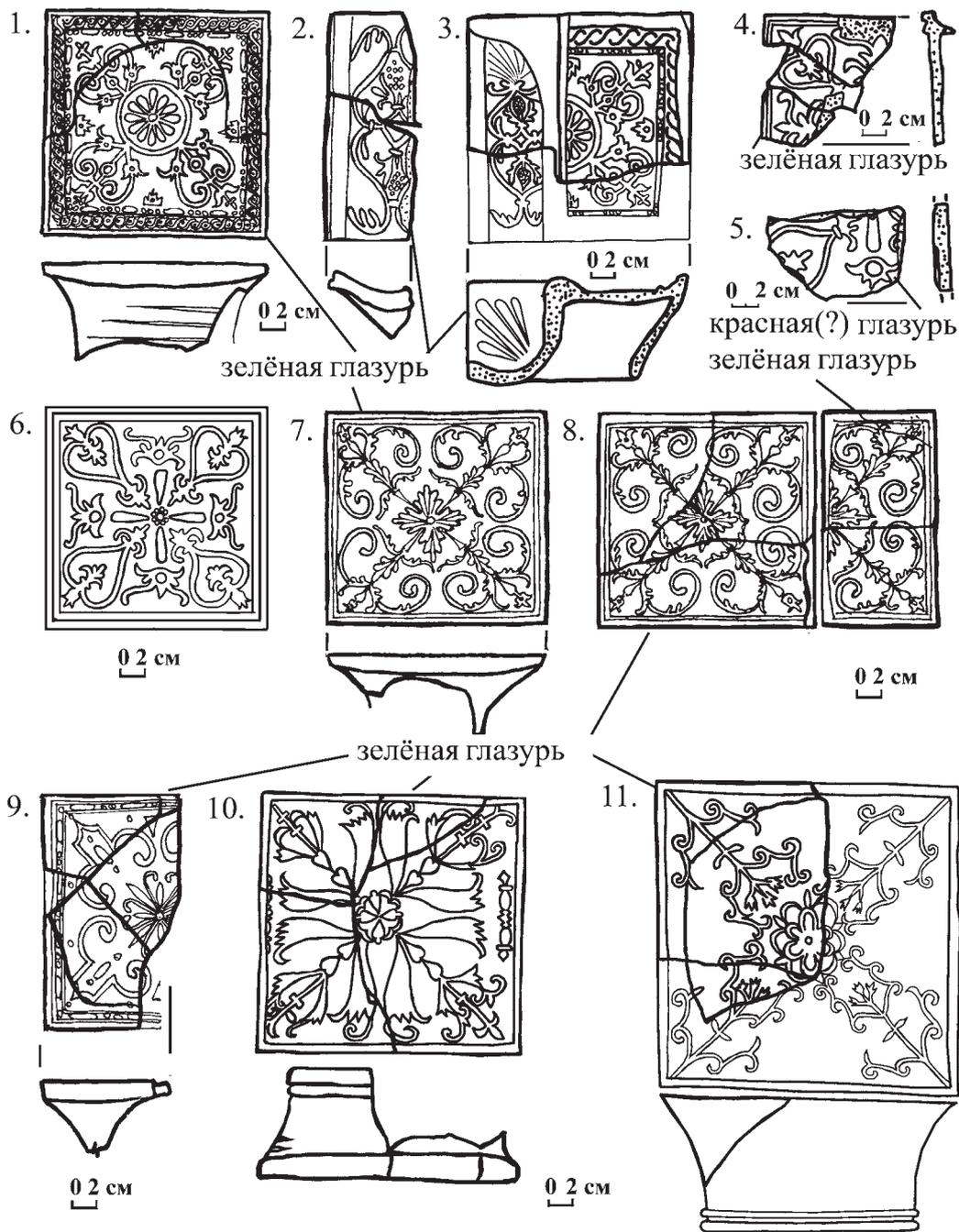

Рис. 2. Коробчатые стеновые изразцы с четырехсторонним орнаментом (мотив «кованого металла») 1—3 — стеновые и угловые изразцы с ромашкой и конхой; 4—6 — фрагменты изделий с крестом и реконструкция узора их пластины; 7—11 — более поздние изразцы с элементами растений в мотивах «кованого металла»

нагрев стенок печи, особенно часто таким образом выполнялись углы надставок¹. Высота румп изразцов от края пластины изделий составляла ≈ 10 см (фото 3, 4). Второй вариант изразцов представлен орнаментом, который имел в центре пластины вместо круга стилизованный равноконечный крест и двух-

ступенчатую рамку. Аналогичные изразцы были найдены Н. И. Зданович при археологических раскопках в Полоцке. Между концами креста в углы пластины также расходились лучи с сердцевидными завитками. Возможно, эти виды изразцов чередовались при выкладке зеркала печи². Данный вид изразца

¹ Dąbrowska, 1987, s. 158.

² Здановіч, 2005, с. 21. [3].

представлен в материалах коллегиума единичными обломками, при этом не было выявлено ни одного фрагмента углового изделия. Полная реконструкция лицевого орнамента пластины была сделана на основе аналогий, обнаруженных в ходе археологических раскопок и надзоров на территории Великого посада (рис. 2: 4 — 6). Так, на корпусе «В» они были найдены в развале одной из печей. Благодаря одинаковым габаритам пластин можно было легко осуществить реконструкцию.

Найдены также фрагменты изразцов, рамка которых была сложнопрофилированной и имела дополнительные скосы, с орнаментом в виде цепей из S-образных завитков, овалов и прямоугольников, ближе к центру пластины имелся рапорт.

Чуть позже появились изразцы, которые имели рисунок похожий на растительные завитки и листву, рельеф орнамента хотя и массивный, но более округлый. Он напоминает украшение угловых ниш вышеупомянутых изделий с розеткой в центре. Большинство найденных пластин (19×19 см) имели двухступенчатую рамку. Высота их румп от края пластины ≈ 11 см, некоторые из них первоначально не имели заполнения глиной, поскольку внутри имелись нагар и копоть¹. Угловые изделия были двухчастные, они состояли из целой и половинной лицевой пластины² (рис. 2: 7, 8; фото 5.).

Дальнейшая эволюция орнамента с четырехсторонней симметрией приводит к полному отказу от мотивов «кованого металла» и орнамент становится полностью растительным³. Нередко фиксируется увеличение размеров пластин. Так, был обнаружен изразец, реконструированные размеры пластины которого достигали $\approx 24,5 \times 24,5$ см, а высота румпы от края пластины была ≈ 11 см, венчик имел двойной валик (рис. 2: 11; 16: 7; фото 6).

Второй изразец был бракованным (размер пластины $20,5 \times 21$ см). Мастер попытался вписать узор с четырехсторонней симметрией в прямоугольную рамку, из-за этого орнамент сместился в стороны и вышел за пределы изразца. В качестве дополнительного декора к растительному узору добавлены элементы, которые напоминают точеные деревянные балясинки⁴ (рис. 2: 10; фото 7).

¹ Нередко у найденных нами изразцов румпа была заполнена глиной, после извлечения которой оказывалось, что стенки румпы были покрыты копотью.

² [18—22; 92—94].

³ АБ, 2001, с. 334. [17, 95].

⁴ [14].

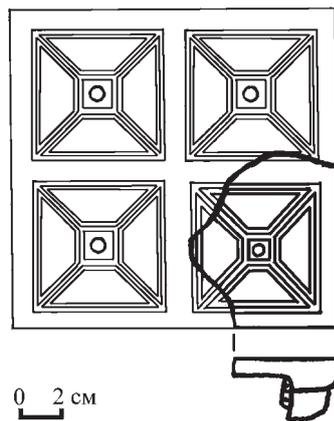

Рис. 3. Изразец с нишами

Встречаются изразцы, украшенные пирамидальными нишами и так же подчиненные четырехчастной симметрии. Ниши имели скромный геометрический орнамент и зеленую глазурь. Изразцы подобного вида с небольшими различиями в орнаментации ниш имели широкое распространение и в других городах Беларуси⁵. На основе имеющихся аналогов найденный нами экземпляр можно датировать кон. XVI — нач. XVII в. (рис. 3).

Среди стеновых изразцов известен и единственный экземпляр с сеточным орнаментом, почти в каждом его квадратике была шестиконечная звезда. Он имел одноступенчатую рамку, размер пластины: $17,5 \times 17,5$ см. Наблюдения за конструкцией его румпы позволили проследить технологию её формовки. Заполненную глиной форму мастер ставил на гончарный круг. Потом на верх тыльной стороны пластины он накладывал по спирали длинный жгут (следы которого хорошо видны на её поверхности) и получившуюся заготовку дорабатывал на круге⁶ (рис. 4; фото 8).

Изразцы, украшенные изображением вазы с цветами, значительного применения при строительстве печей в зданиях коллегиума не имели. Самым ранним экземпляром с подобным орнаментом можно считать фрагмент пластины с изображением букета (?) из крупных листьев. Его можно датировать кон. XVI — нач. XVII в. (рис. 5: 1). Во время изучения коллегиума найдены изделия с изображением сосуда с васильками и ромашками без рамки. Размеры их $21,5 \times 18 \times 10,5$ см (рис. 5: 2, 3; фото 9). Аналогичные изразцы найдены археологом Н. И. Зданович в Полоцке. Изображения вазы с цветами были полностью идентичны, но часть изделий не имела рамки, которая, как считает Н. И. Зданович, вероятно была обрезана при формовке пластины. Она

⁵ Беларуская кафля, 1989, с. 42: рис. 33, 34; с. 58: рис. 78, 79.

⁶ [16].

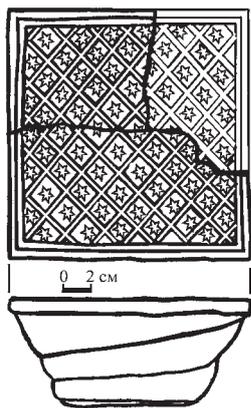

Рис. 4. Изразец с сетчатым орнаментом

так же указывает, что аналогичные изразцы обнаружены в Друе¹.

Экземпляры вторичного использования, с отличным от предыдущих сюжетом, были обнаружены Д. В. Дуком в 2002 г. в составе набора печи последней трети XVII в. Найденные остатки изразцового набора были выявлены в слое печной глины. В результате подборки и склейки было собранно несколько пластин, на некоторых из них был и рисунок вазы с цветами². Осколки изразцов с подобным рисунком часто находили во время археологических раскопок, проводившихся в разное время в различных частях Полоцка. По наблюдениям Д. В. Дука данный вид изразцов появляется в 20—30-е гг. XVII в. и к середине столетия получает широкое распространение (рис. 5: 4, 5). Экземпляры, найденные в 2002 г., представляли собой зелёно-глазурованные и терракотовые изделия. Их пластины были 22,5×18,5 см высота румпы от их края была ≈ 9,5 см.

Единичные обломки изразцов с подобным рисунком, но с незначительными отличиями обнаружены и в засыпке свода между 2-м и 3-м этажами корпуса «А».

¹ Здановіч, 2005, с. 24. [70, 71].

² Дук, 2002б, с. 28—30.

Геральдических изразцов, которые можно отнести к кон. XVI — 1-й трети XVII в. было обнаружено очень мало.

Были найдены стеновые изразцы с изображением геральдического орла в одноступенчатой рамке. На них рисунок занимает всю поверхность пластины и имеет крупный рельеф без мелких деталей. Часть пластин с этим изображением была встречена в нетронутом культурном слое, который сохранился под полами «скромного коллегиума»³. Их размеры: 18×18×(?) см, высота румпы 9,5—10 см от края пластины (рис. 6: 4). Угловые изделия состояли из двух частей — целой и половинной пластины.

Примерно со 2-й четверти XVII в. в составе изразцовых наборов печей коллегиума начинают использоваться первые геральдические пластины, связанные с определенной фамилией. Это было вызвано появлением у ордена серьезного патрона — полоцкого каштеляна⁴ Михаила Кристофа Друцкого-Соколинского. Пластина имела одноступенчатую рамку с рапортом, угловые орнаменты и намет кругом геральдического щита были массивными с мотивами «кованого металла». Она была сделана между 1625 и 1639 гг.⁵ Судя по большому количеству находимых обломков одна из печей довоенного коллегиума была полностью сооружена из геральдических изразцов с его гербом. Размеры внешних пластин изделий 20,5×20,5 см. Высота румпы изделий ≈ 9 см. Обломки пластин с гербом Михаила Кристофа Друцкого-Соколинского преимущественно встречены в восточной части корпуса «В» (рис. 6: 1, 2). Они обнаружены как в развале одной из печей здания «скромного коллегиума» (вторичное

³ [29—31; 73—75; 114—121].

⁴ От лат. *castellanus* (*castellum* — замок) — комендант замка в Польше и Великом княжестве Литовском.

⁵ Дук, 2001, с. 3—4; Дук, 2007, с. 61.

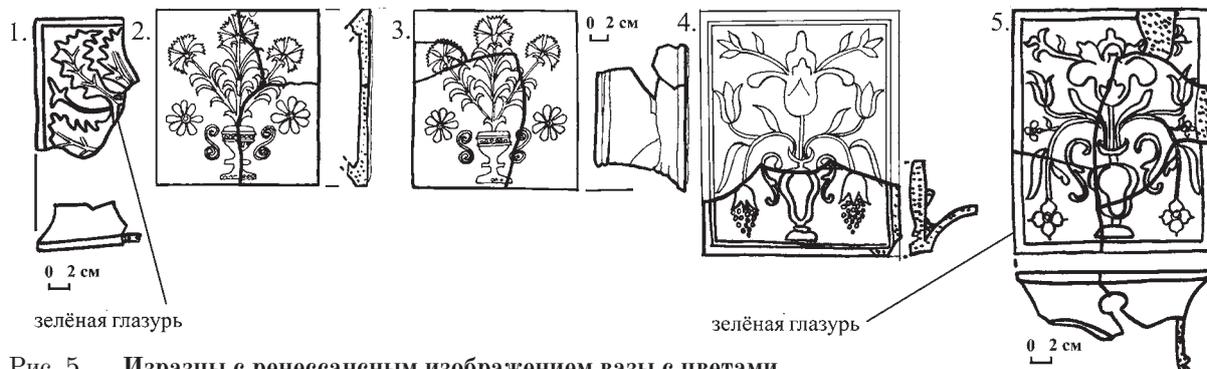

Рис. 5. Изразцы с ренессансным изображением вазы с цветами

1 — фрагмент букета; 2, 3 — изразец с обрезанной рамкой; 4, 5 — наиболее популярные изображения вазы с цветами

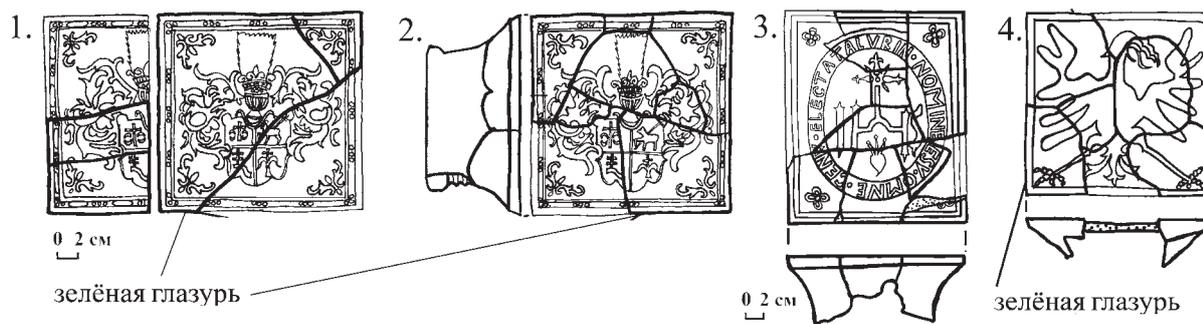

Рис. 6. Геральдические изразцы

1, 2 — изразцы с гербом шляхтича; 3 — иезуитский изразец; 4 — изразец с орлом

использование), так и в засыпке сводов имеющегося строения. Угловые изделия включали в себя две части — целую и половинную пластины¹.

В ходе изучения данного корпуса были выявлены их мелкие обломки, покрытые ангобом и зеленой глазурью. Найденный и реконструированный нами геральдический изразец по характеру округлых очертаний рельефа, оформления рамки и углового орнамента имеет значительное сходство с найденными Н. И. Зданович экземплярами с гербом «Лелива» при раскопках на ул. Нижне-Покровской (в 90-х г. ул. Ленина, 35).

Об укреплении позиций иезуитов свидетельствует появление стенового кафеля с монограммой ордена, который стал своеобразной визиткой этой религиозной организации, в некоторых научных публикациях его называют «иезуитским». Фрагменты и целые экземпляры «иезуитских» изразцов — попадались археологам в разных исторических частях Полоцка. По наблюдениям Д. В. Дука они появились не раньше 30-х г. XVII в. Главным отличительным признаком фрагментов данных изразцов является наличие овальной рамки с латинской надписью *INNOMINE IESV OMNE GENV ELECTATUR*² и монограммы ордена³. Они вместе с ковровыми и упомянутыми выше геральдическими изделиями были найдены как в забутовке лусковых стен и фундаментов, возведенных после 1643 г., в булыжной кладке фундамента одного из деревянных зданий «скромного коллегиума», так и в комплекте изразцов развалов печей «скромного коллегиума». Наблюдения показали, что пластины имеют небольшие отличия в оформлении. Углы вокруг овала с надписью украшали собой ангелы, либо цветы. Очертания букв самой надписи

имели также два варианта — поставленные прямо или с небольшим наклоном. Изразцы с цветами по углам и наклонными буквами надписи были встречены в основном на территории коллегиума (рис. 6: 3). Среди известных обломков «иезуитского» изразца надо отметить единственный фрагмент полихромной пластины испорченный огнем. Он был найден в подвале корпуса «Д» во время углубления его пола. Пластина имела желто-белый фон, на котором зеленым цветом были выполнены двухступенчатая рамка и цветок в углу, надпись вокруг монограммы был коричневой (фото 10, 11).

К самым ранним сюжетным стеновым изразцам, найденным при изучении коллегиума, можно отнести фрагменты пластин с евангельским сюжетом «Поклонение волхвов». Они обнаружены в корпусе «В» и так же были повторно использованы в печах «скромного коллегиума». Реконструированные пластины имели размеры $\approx 20,7 \times 22,5$ см, высота румпы достигала 10,5 см от края пластины. Изображение обрамляла одноступенчатая рамка, рядом с ней была дополнительная тонкая. Сам сюжет показан очень реалистично: несмотря на невысокий рельеф рисунка, он изобилует множеством мельчайших значимых деталей. Одежда волхвов имела готикоренессансные черты. Люди, изображенные на изразце, одеты в кольцессы (штаны, похожие на трико или колготки с пришитыми кожными подошвами), короткие куртки с ремешками и плащи. На них шапочки с помпонами. Изображением подобных предметов одежды, характерной для знатного феодала или князя, художник не только старался показать высокий социальный статус визитеров, но и подчеркнуть их неместное происхождение в противовес Иосифу и Марии в широких одеждах, скрывающих контуры человеческих фигур. Событие вписано в интерьер строения, который характерен для жилой постройки кон. XVI—нач. XVII в. За спинами

¹ [69; 110—112].

² Во имя Бога Всесоздателя (перевод Н. И. Зданович).

³ Дук, 2007, с. 65, 90. [122].

волхвов хорошо видна кладка кирпичной стены с арочным дверным проёмом и двумя окнами, разделёнными тонким кирпичным(?) простенком¹. За спиной Девы Марии хорошо виден плетёный временный загон для животных. Мастер очень точно передал рисунок ее плетения. Помещение имеет плиточный пол, об этом свидетельствуют ряды плиток с круговым орнаментом². Таким образом, на изразце отражен интерьер жилья кон. XVI — нач. XVII в. Это позволяет полагать, что время его изготовления можно ограничить 1582—1636 гг. (рис. 7: 1, 2; фото 12).

Возле корпуса «В» был найден уникальный фрагмент изразца с головой коня (вероятно, воин на коне) и частью кириллической надписи, в которой удалось разобрать только отдельные буквы (рис. 7: 7; фото 13).

Карнизные изразцы

Изделия этого типа довольно хорошо представлены в коллекции, собранной при изучении коллегиума. Самые ранние экземпляры представлены образцами кон. XVI—

¹ Для устройства прямоугольного проема в средневековых готических зданиях строители делали плоскую перемычку из деревянного бруса (доски), каменного блока или металлических полос. В случае необходимости устройства широких окон проём делили на части тонкими кирпичными или каменными простенками (переплётами). В каждую ячейку вставлялась своя рама. Над ним возводилась сквозная разгрузочная арка на всю толщину стены. Форма арки могла быть как лучковой так и полуциркульной, она принимала основную тяжесть кладки стены. Пространство между аркой и перемычкой заполнялось по-разному: это могла быть кладка, толщина которой соответствовала толщине перемычки, либо каменная плита с узором, иногда проем стеклили, получая дополнительное окно. Нередко с помощью декоративной обработки данная конструкция имела вид лучкового завершения оконного обрамления на фасаде. Данный конструктивный прием широко использовался в готических, ренессансных и барочных постройках ВКЛ и Речи Посполитой. Ныне окна подобной конструкции можно увидеть на отреставрированных фасадах Дома Перкунаса в Ковно, каменицах Вильнюса, Дворце Мирского замка. В XVIII в. данный конструктивный прием начинает выходить из употребления. Нередко перекрытия оконного и дверного проемов выполняются одновременно по опалубке сложной конфигурации (возможно, разборной), сочетающей плоскую перемычку на фасаде и арку со стороны помещения. (*Шуази Огюст, 2010, с. 561*). На фоне этого своеобразной данью старой традиции выглядит устройство кирпичных перемычек и разгрузочных арок над ними при строительстве в середине XVIII в. полоцкого иезуитского коллегиума, они были выявлены на фасадах корпуса «Б», над окнами трапезной, над входом на чердак бывшей иезуитской кухни и над топочными проемами.

² Салаўёў, 2011а, с. 220—221. [33—37; 93, 113].

нач. XVII в. Они украшены крупно рельефным ренессансным изображением вазы с цветами или розетками, чем напоминают находки, сделанные в Заславле³. Пластины этих изразцов имели две плоскости, поставленные под углом друг к другу и, вероятно, были созданы на основе стеновых изделий. Главную вертикальную плоскость украшал описанный выше орнамент, а наклонную узкую верхнюю часть — косые линии. Размеры их лицевых пластин $16,5 \times 20 \times 6,5$ и $16,3 \times 19 \times 7$, а также $18 \times 22 \times (?)$ см (рис. 8: 1, 2, 5, 6; фото 14).

По наблюдениям Ю. А. Зайца и В. С. Позднякова в кон. XVI в. появились первые карнизы с плоским вертикальным верхом и выгнутым низом (по высоте обе части были одинаковы). Тогда же начинают использоваться изделия с вогнутой пластиной, нередко разделенной рельефным пояском по середине⁴.

На территории коллегиума были найдены изразцы, в которых одна половина была разделена на две примерно равные части, верхняя была ровной (вертикальной), а нижняя имела округлый или криволинейный профиль⁵ (рис. 8: 10, 11, 15). Наиболее популярные изделия подобного типа были украшены «аркатурным» и растительным орнаментом, характерным для эпохи ренессанса⁶ (рис. 8: 10). Во время выкладки карнизов и переходов между ярусами при строительстве печи, как отмечает Н. И. Зданович, их можно было поворачивать любой стороной. Они появились в конце XVI в. и применялись в печах весь XVII в.⁷ Изразцы-карнизы с подобным профилем и универсальным орнаментом пластины могли использоваться мастерами и для покрытия купола печи, вместо изразцов-черепиц. Это отчасти объясняет почему последние довольно редко встречаются в развалах печей при археологических раскопках. При возведении из карнизов верха печи он имел изящные волнистые очертания. Во время укладки изразцов между их горизонтальными рядами (между румпами) закладывались расколотые плоские черепицы или лучины, игравшие роль своеобразной временной арматуры, которая позволяла избежать трещин в рядах изразцов при неравномерной усадке сооружения.

Единичной находкой маскарона в коллекции представлен большой фрагмент изразца, обнаруженный в 2010 г. Это угловой

³ Заяц, 1990, с. 38. [63—67; 114, 115, 134, 135].

⁴ Заяц, Пазнякоў, 2007, с. 264.

⁵ [11].

⁶ Дук, 2001, с. 78: рис. 41.

⁷ Здановіч, 2005, с. 34.

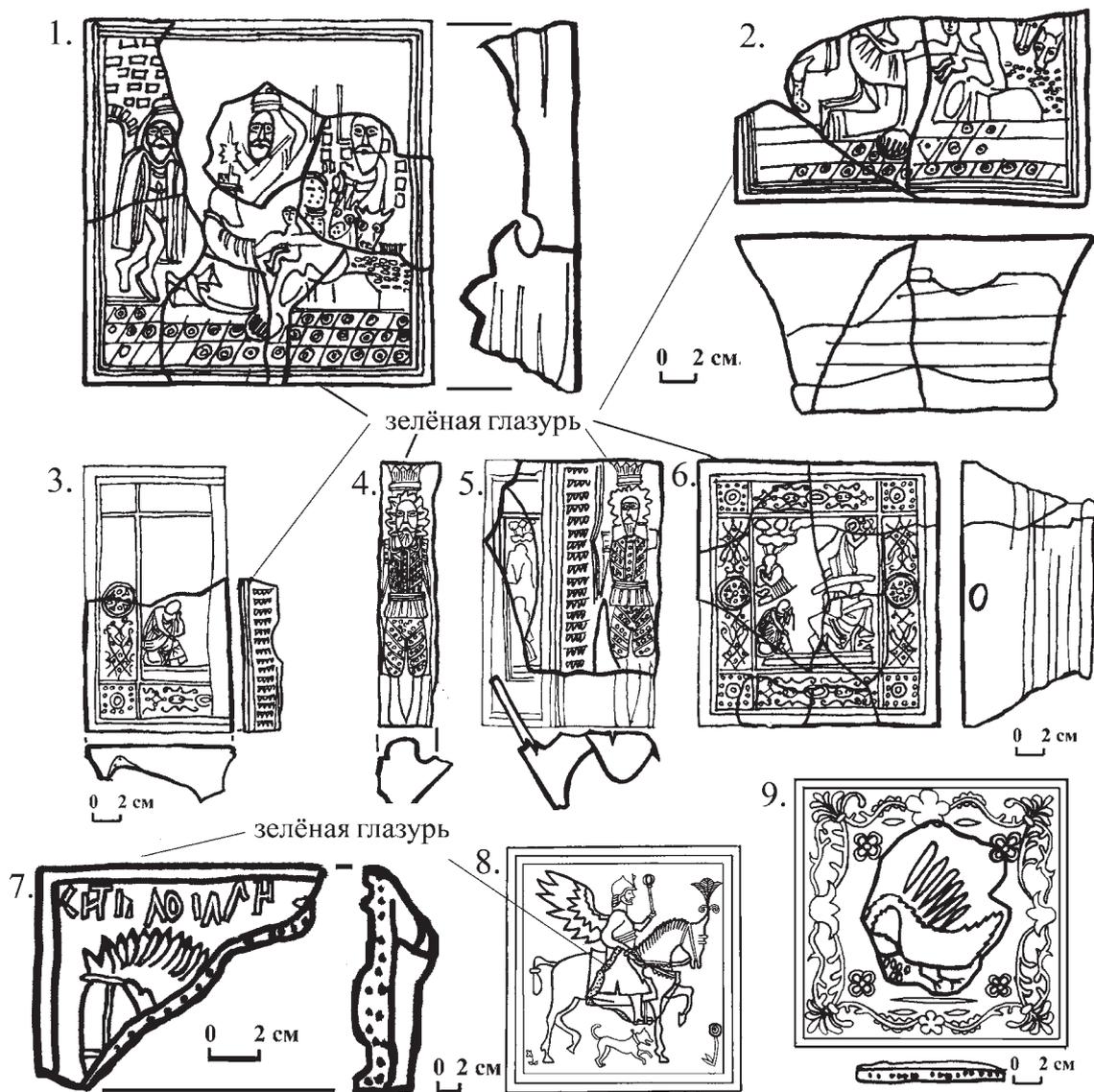

Рис. 7. Изразцы с сюжетными изображениями

1 — 6 — на евангельские темы; 7, 8 — на военную тему; 9 — христианский символ

карнизный изразец с изображением путти на нижней прямой части и стилизованного растительного орнамента на вогнутой верхней. Нами вычислены приблизительные размеры целой пластины $\approx 18 \times 23$ см (рис. 8: 19). Близкий аналог этому изразцу встречался в материалах Витебска и Минска¹.

Позднее, к середине XVII в., согласно исследованиям Ю. А. Зайца и В. С. Позднякова получают распространение различные виды мягкопрофилированных, плавно изогнутых пластин. Данные изделия в материалах коллегииума представлены немногочисленно, но практически всеми видами, среди которых

S-образные и трехчастные изделия. Последние имели вогнутую середину и валикообразные узорные верх и низ. Так же появились изделия, у которых верхняя или нижняя часть (независимо от того плоская она или вогнутая) делались очень узкими².

Самые ранние экземпляры с коллегииума ($20 \times (?)$; $18,5(?) \times 23(?)$; 16×20 ; $16,5 \times 20$; $18 \times 22 \times (?)$ см) были украшены крупным растительно-геометрическим стилизованным орнаментом. Каждая пластина имела самостоятельный рисунок, не связанный с изображениями на других изделиях (рис. 8: 8, 12). Аналоги им известны в коллекциях из раско-

¹ Беларуская кафля, 1989, с. 70: мал. 107.

² Заяц, Позднякоў, 2007 с. 264.

пок в Могилеве¹ (фото 15). Среди изразцового материала полоцкого коллегиума это наиболее ранние образцы карнизов. Среди найденных орнаментов к более поздним изделиям можно отнести карнизы, на которых прослеживаются мотивы «кованого металла» и васильков, при этом узор за счет отдельных элементов как бы «перекидывается» на соседнее пластины. Данный принцип построения орнамента позднее будет широко применен в изготовлении изразцов с «ковровым» орнаментом². Размеры одного из них возможно реконструировать: $\approx 23 \times 17$ см (рис. 8: 13).

Так же были найдены изразцы начала XVII в. с вогнутой пластиной. Профилем они напоминали фризовые изделия. Не менее оригинальной была их орнаментация, походившая на гирлянду стилизованного растительно-геометрического орнамента, лепестки цветков которого похожи на языки огня (цветок папоротника?). Размер целого изделия $15,5 \times 21 \times 14$ см. Часть изразцов имела геральдический орнамент в виде двух обращенных друг к другу грифонов³, размер пластины (?) $\times 20$ см (рис. 8: 3, 4, 7; фото 16).

Наиболее распространены были изделия с двухчастным разделом пластины, так же украшенные «аркатурным» орнаментом, характерным для эпохи ренессанса⁴ (рис. 8: 10). Но теперь раздел пластины производился на две неравные части. Во время выкладки карнизов и переходов между ярусами при строительстве печи, как отмечает Н. И. Зданович, их можно было поворачивать любой стороной. Они появились с кон. XVI в. и применялись в печах весь XVII в. При археологических раскопках в Полоцке были найдены подобные целиком сохранившиеся изделия и фрагменты, которые свидетельствуют о существовании двух видов пластин с похожим рисунком. Друг от друга они отличались только деталями орнамента и размерами. Ранние экземпляры имели большую высоту пластины. Экземпляры, найденные при изучении полоцкого коллегиума, в основном более поздние и имеют высоту пластины ≈ 9 см.

Значительно меньше представлены пластины с растительным и геометрическим орнаментом. Так, найдены изделия, которые сочетали аркаду или гирлянду из геометрических фигур в виде точек, цепочек, ромбов, треугольников, квадратов и раститель-

ный орнамент⁵, целые изделия имели размеры $12 \times 19,5 \times 17(?)$ см (рис. 8: 14, 16—18).

Валикообразные пластины, которые являются в середине XVII в. на территории ВКЛ, в материалах полоцкого иезуитского коллегиума выявить не удалось.

По функциональному назначению карнизы могут быть цокольными, переходными (используются между ярусами печи или рядами разноформатных изразцов), и венчающими, которые завершают ее фасад. Некоторые изделия могли быть универсальными. Во время проведения археологических раскопок целые изделия попадаются довольно редко, при этом среди целых экземпляров встречается еще меньше изделий с румпой, сохранившейся на всю высоту. Всё это осложняет определение места карниза в убранстве печи и негативно влияет на качество и точность реконструкций. Значительное внимание изучению данного вопроса уделял Е. Оконьски, который разработал типологию изразцов, при этом он выделил среди карнизных изделий венчающие изразцы⁶. Они имели небольшой вынос пластины, который делался либо прямым под наклоном, либо плавно изогнутым. По наблюдениям Н. И. Зданович, карнизные изразцы с геометрическим орнаментом получили наибольшее распространение благодаря возможности их переворачивать при установке в печь⁷.

В коллекции карнизных изразцов полоцкого коллегиума, достаточно точно можно определить место на фасаде печи только части из них. Для этого необходимо опереться на следующие критерии: универсальность орнамента (возможность переворачивать изразец), ширину выноса профиля пластины, минимальную высоту румпы от края пластины.

Венчающие карнизы так же имели небольшой вынос верхней части пластины в плоскость стенки печи, при этом минимальная высота румпы могла превышать его в 2—3 раза. Это позволяло уравновесить изделие и избежать его опрокидывания. В качестве дополнительного противовеса работало и заполнение румпы глиной и камнями (битым кирпичом). При этом ровная и вынесенная часть пластины могли располагаться как под углом друг к другу, так и образовывать плавный лучковый прогиб по аналогии с заславльскими образцами. Пластины, найденные нами при изучении коллегиума имеют изображения вазы с цветами и путти (рис. 8: 1, 2, 14, 17,

¹ АБ, 2001, с. 452: рис. 226: 14.

² [133].

³ [62, 64, 76, 77, 129—132].

⁴ Дук, 2001, с. 78: рис. 41.

⁵ Дук, 2001, с. 78: рис. 41; 29. [126—128].

⁶ Дук, 2007, с. 77, 265.

⁷ Зданович, 2005, с. 34. Заяц, 1990, с. 23: рис. 9: 4.

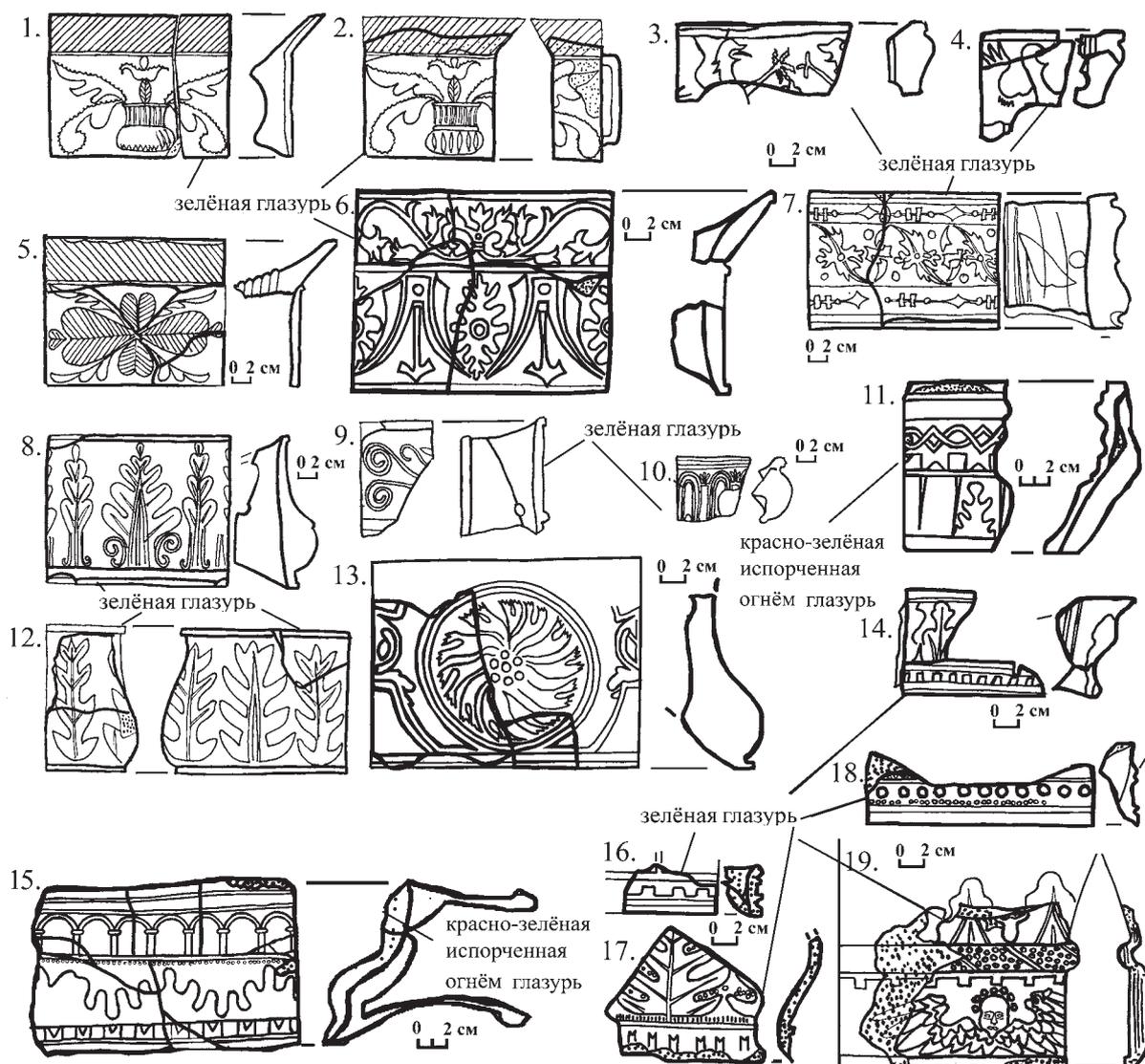

Рис. 8. Карнизные изразцы

1, 2, 5, 6, 9 — с двухчастным делением пластины; 3, 4, 8, 12, 13 — изразцы с плавно изогнутой пластиной; 7 — с вогнутой пластиной; 10, 11, 15—18 изразцы с прямой и выгнутой частью пластины; 19 — угловой изразец с вогнутой частью пластины

19; фото 14). Карнизы с аналогичным профилем и геральдическим орнаментом хорошо известны по материалам Заславля. В реконструкции убранства печи они используются при выкладке венчающего карниза¹.

Переходные и цокольные карнизы украшены растительным орнаментом в виде листьев или контуров деревьев. При этом румпа этих изразцов могла быть невысокой, поскольку они были опорными элементами для стеновых изделий. Профиль найденных пластин при этом мог быть как плавно изогнутым, так и иметь большой вынос за плоскость стенки печи² (рис. 8: 7, 8, 12; фото 15).

Большинство изразцов изготавливали универсальными. Они могли иметь любой профиль и абстрактный растительно-геометрический орнамент. Но наибольшую популярность получили аркатурные карнизы, которые появились в начале XVII в. и к концу столетия стали преобладающими. Они имели большой вынос за плоскость стенки печи (3—5 см), а румпа достигала минимальной высоты — 11 см от края пластины (рис. 8: 3—7, 10, 13—15; 9: 1—3).

Своеобразными гибридами карниза и фриза могут считаться изразцы с изогнуто-вогнутой пластиной (рис. 8: 3, 4, 7).

¹ Дук, 2007, с. 77; Заяц, 1990, с. 56: рис. 30.

² [57—61].

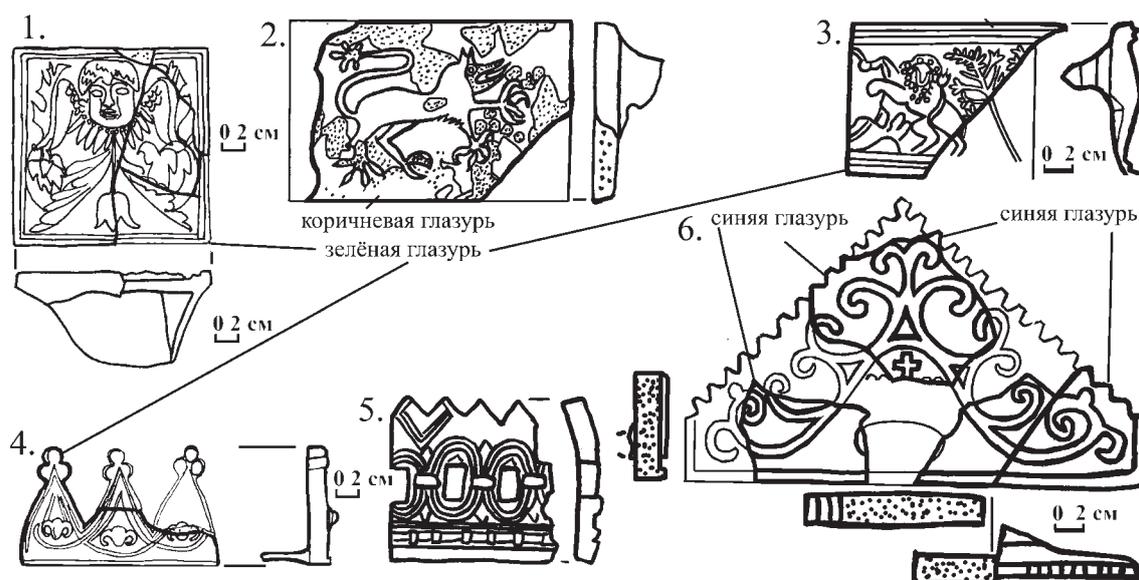

Рис. 9. Поясные (фризовые) изразцы и навершия в виде коронки и диадемы (реконструкция)

Фризы или поясные изразцы

Таких изразцов кон. XVI — 1-й трети XVII в. нами было встречено очень мало¹. Наиболее ранние изделия по формату пластины были похожи на стеновые изразцы. По периметру они имели одноступенчатую рамку. Размеры их пластины $17,5 \times 17,5$ см. Это были маскароны, изображавшие путти (?) в растительном обрамлении. Рельеф их крупный и массивный, мелкие детали почти отсутствуют (рис. 9: 1, фото 17).

Более поздние изразцы имеют более изящную проработку рисунка со множеством мелких деталей². Таковы найденные нами фрагменты изделий с геральдическими мотивами. Они украшены геральдическим орнаментом в виде фигурных щитов и львов-щитодержателей, между спинами которых помещены растения. Реконструкция размеров позволяет полагать, что пластина данного изделия узкая ($26 \times 11,5$ см), по продольным сторонами ее была двойная рамка. Связующим звеном орнаментов смежных изделий становятся разделенные вдоль щиты сложной конфигурации³. Интерес представляет и сильно поврежденное массивное изделие фриза с предположительным размером 20×13 см, на которой изображено фантастическое животное. Изразец имел массивную безрамочную пластину и был покрыт прозрачной коричневой глазурью (рис. 9: 2, 3).

Навершия (коронки)

Изразцы этого типа были обнаружены в развале одной из печей. Они были украшены плетеным орнаментом и стилизованными бараньими (?) головами, размеры изделия⁴ $18 \times 11 \times 6$ см (рис. 9: 4). Аналогичный изразец обнаружен археологом О. Н. Левко при археологических исследованиях территории Задунавья в Витебске. В ходе археологических раскопок Д. В. Дука на территории колледжума в 2002 г. найдено навершие в виде зубчатой крепостной стены с прямоугольными бойницами. Изделие терракотовое и довольно грубой выделки, орнамент массивный и напоминает кирпичные архитектурные обрамления окон и карнизы (рис. 9: 5). Оригинальные навершия в форме диадемы — треугольника с массивными завитками (мотивы «кованого металла») и с геральдическими мотивами были встречены в засыпке сводов над первым этажом корпуса «В». Верхняя их часть имела зубчатую нарезку, а нижняя — одноступенчатую рамку с трех сторон пластины (рис. 9: 6). Ширина изделия достигала 36 см, высота — 20—25 см (реконструированы)⁵. Фрагменты изразца этого вида вместе с другими кусками попали туда в середине XVIII в. после сноса печей «скромного колледжума» при строительстве корпуса «В».

¹ [32, 109].

² Это влияние маньеризма и сменившего его барокко, с утонченностью и изысканностью последнего.

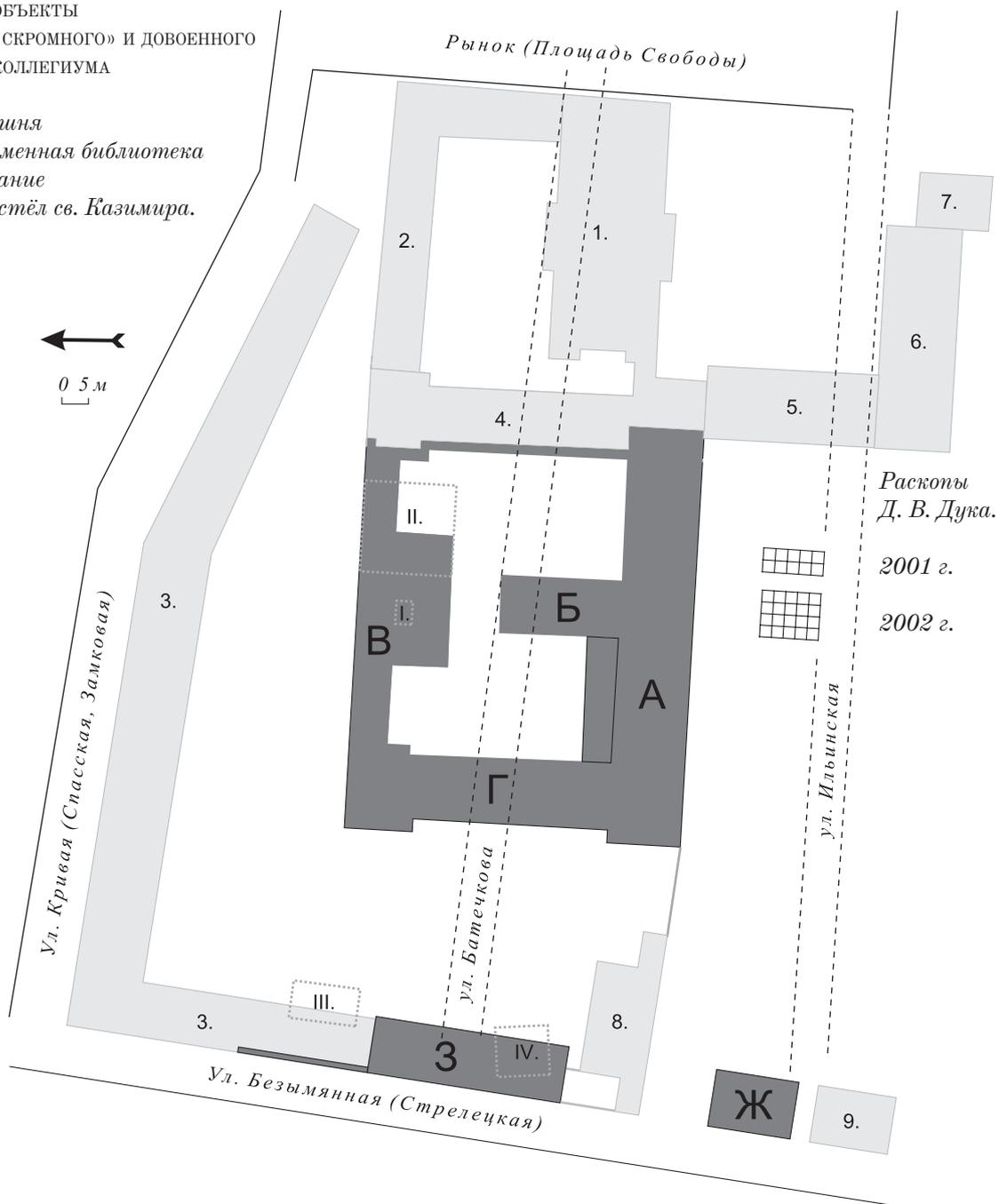
³ [68].

⁴ Левко, 1992, с. 213: рис. 29: 2.

⁵ Салауёў, 20096, с. 79: мал. 7.

 ОБЪЕКТЫ
«СКРОМНОГО» И ДОВОЕННОГО
КОЛЛЕГИУМА

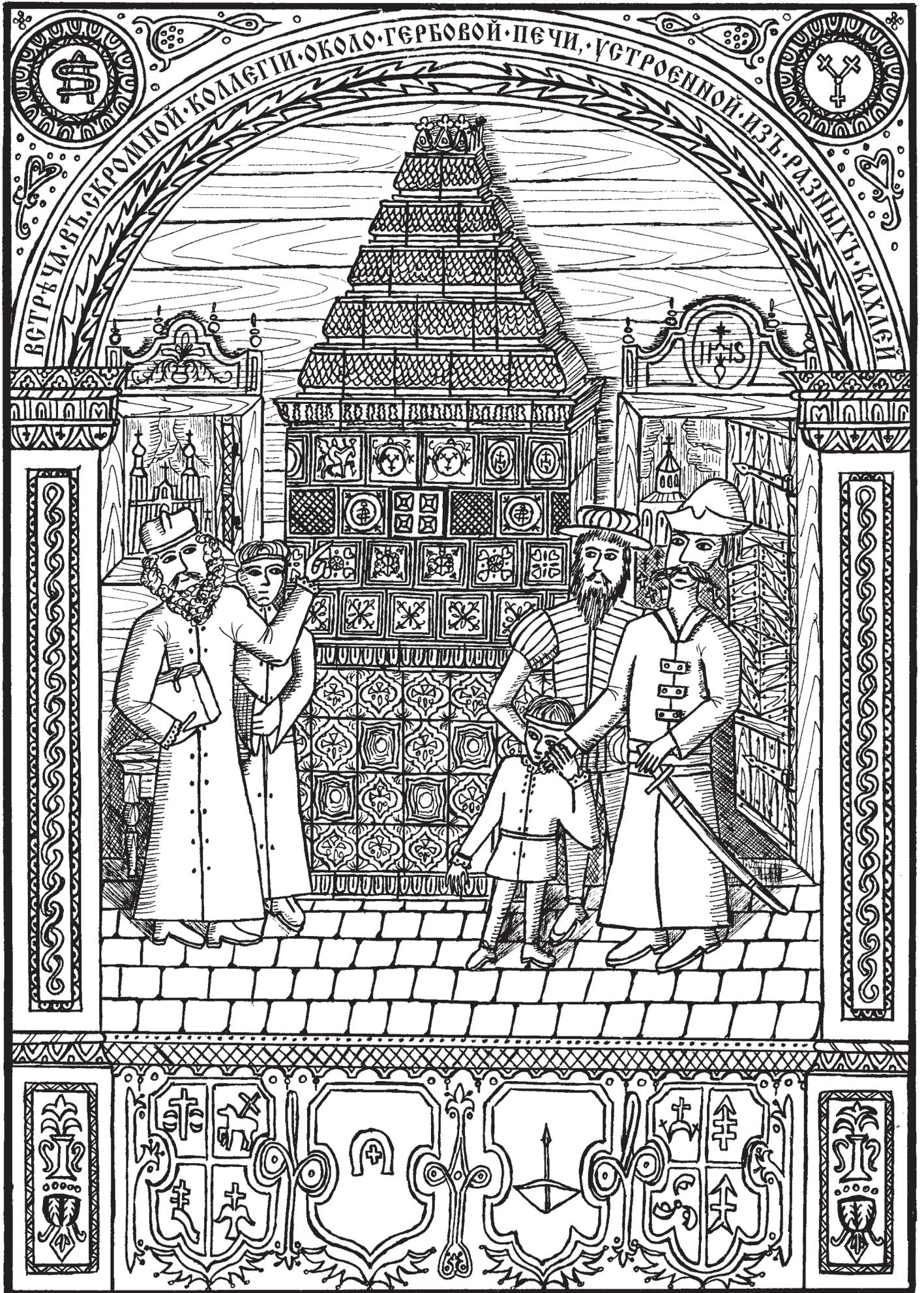
- I. Башня
- II. Каменная библиотека
- III. Здание
- IV. Костёл св. Казимира.

План иезуитских корпусов коллегіума и сохранившихся их частей с разметкой на 2003—2009 гг.

- **НЫНЕ СУЩЕСТВУЮЩИЕ КОРПУСА**
в которых по состоянию на сер. XVIII —
20-е годы XIX в. находились:
- А жильё, склады, учебные классы, администра-
ция, библиотека, кухня.
  - Б библиотека, трапезная.
  - В так называемый «старый коллегіум»: жильё
привратника, ворота, жильё музыкантов,
жильё пекарей, пекарня и квасная, склады.
  - Г жильё, склады, учебные классы.
  - Ж бурса.
  - З амбар; жильё кучеров и смотрителя; конюшни.

- **РАЗРУШЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ И КОРПУСА**
- 1. Костёл св. Стефана.
  - 2. Жильё пенсионеров, ксендзов, новициат.
  - 3. Сарай, мануфактуры, склады, мастерские,
жильё мастеров, аптека.
  - 4. Восточное крыло с жильём и учебными классами.
  - 5. Лаборатория, музей, кабинеты.
  - 6. Театр, типография, училище.
  - 7. Книжная лавка.
  - 8. Аптечная лаборатория.
  - 9. Богдельня, госпиталь.

ИЗРАЗЦЫ 2-Й ТРЕТИ XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Дальнейшее изучение изразцов иезуитского коллегиума показало, что их ранние экземпляры продолжали использоваться в поздних печах зданий наравне с новыми изделиями. В последних ренессансные традиции декора постепенно вытесняются маньеризмом и барокко, для которого характерно обилие мелких деталей, тонкость и изысканность узора и рисунка. Большое распространение получают крупноформатные изделия.

Стеновые изразцы

Изменения в орнаментике в основном коснулись стеновых изразцов. Сохраняется традиция украшения кафельных изделий четырехсторонним орнаментом. От ранних узоров его рисунок отличается большей утонченностью и напоминает не «кованый металл», а веточки растений¹. Некоторые изразцы с четырехсторонним орнаментом достигают размеров $24,5 \times 24,5 \times 11$ см (рис. 2: 10, 11; 16: 7; фото 6, 7).

В изучаемый период происходит трансформация популярного ренессансного сюжета «ваза с цветами». Уменьшаются размеры вазы, стебли растений становятся более изысканными, их цветы и листья имеют много мелких деталей.

Более позднее изображение представлено крупными фрагментами пластин с одноступенчатой рамкой. Букет более изящный, со множеством мелких деталей, он занимает почти всю пластину. Выявленные фрагменты изделий позволяют восстановить их размеры $20 \times 20 \times 11,5$ см (рис. 10: 1, 2; фото 18). Ваза маленькая, очень стилизована и более подобна на луковицу растения². Самые поздние изображения имеют дополнительную восьмиугольную рамку, но маленькая ваза проработана хорошо. На основе найденных кусков удалось восстановить их размеры $21 \times 20,5 \times (?)$ см (рис. 10: 3—5). Похожие пластины встречены в Заславле³. Изразцы с изображением вазы с цветами в восьмиугольной рамке хорошо известны по материалам других городов⁴. Дальнейшее развитие орнаментов с мотивами «кованого металла» и «вазы с цветами» привело к появлению на их основе изделий с «ковровым орнаментом».

Изразцов с «ковровым орнаментом» во время раскопок на территории коллегиума

² На самых ранних изображениях, по наблюдениям Н. И. Зданович, ваза имела формы античной амфоры, но со временем она стала напоминать кувшин, горшок или луковицу, при этом размеры её уменьшились.

³ Заяц, 1990, с. 36.

⁴ Беларуская кафля, 1989, с. 74: рис. 110, с. 84: рис. 131. [105—108].

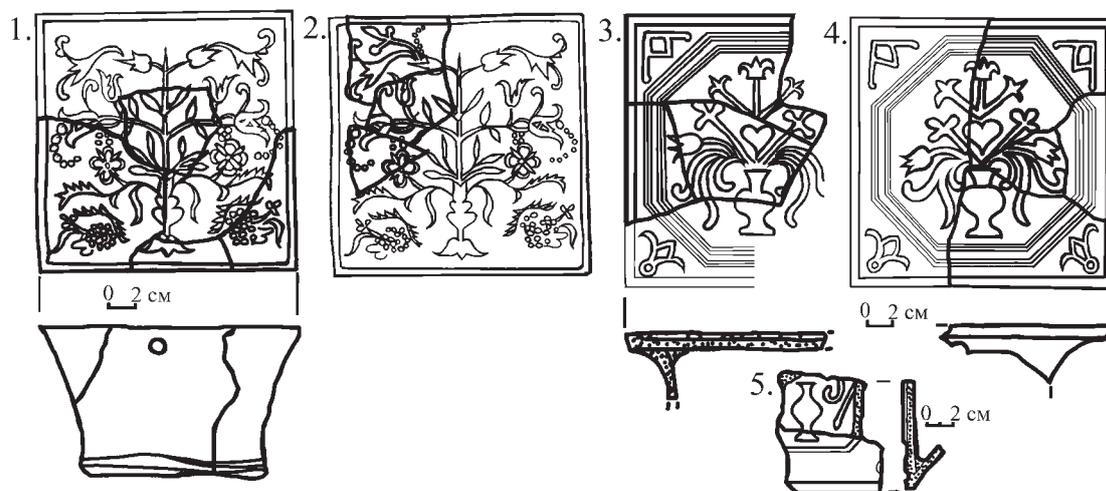

Рис. 10. Изразцы с барочным изображением вазы с цветами

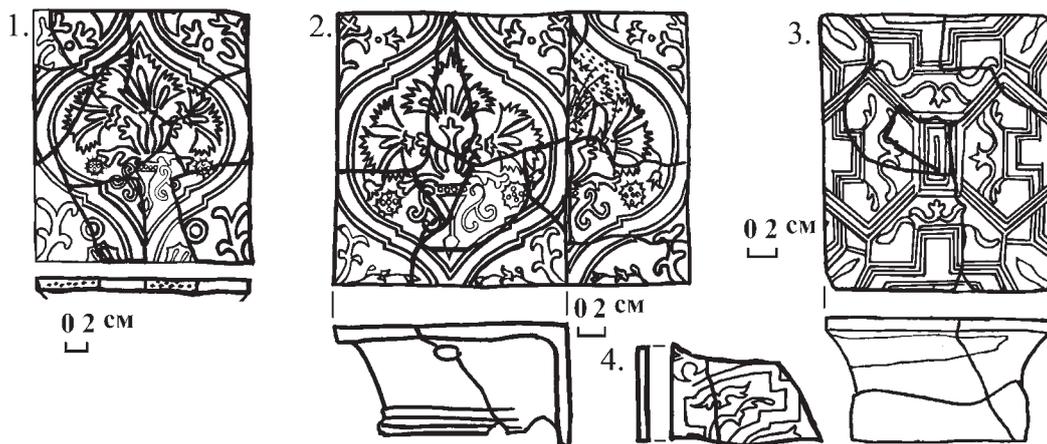

Рис. 11. Основные виды «ковровых» изразцов

было встречено два вида. Один из них, традиционный для Полоцка, — ваза с цветами в двойной декоративной фигурной рамке¹ (рис. 11: 1, 2). Пластины с этим рисунком выявлены в забутовке стен XVII в. и в подвале среди мусора, куда они попали в XIX в., они же были найдены во время археологических раскопок в развалах печей на территории коллегиума. В печах коллегиума использовались подобные изразцы двух форматов (17,5×20,5×(?) и 18,2×21×8,2 см), которые различались только незначительными деталями рисунков. Всё это свидетельствует об их изготовлении разными мастерами (или мастерскими)². Как отмечает Н. И. Зданович, в Полоцке эти изразцы в нескольких вариантах с небольшими отличиями были очень распространены во 2-й полов. XVII — нач. XVIII в. Аналогичный изразец был найден в Друе. От находок, сделанных в коллегиуме, он отличался лишь наличием виноградных гроздей в рисунке³. Похожие по построению орнамента экземпляры есть в коллекциях из-

разцов Витебска и Могилёва, но их рисунок очень упрощённый и ваза отсутствует⁴.

Второй вид «ковровых изразцов», со сложным геометрическим орнаментом, прежде в Полоцке не встречался. Пластина его размерами 19,5×17×9 см (рис. 11: 3). Точные ему аналоги (по рисунку орнамента) имеются в материалах раскопок Лидского замка, но они имеют одноступенчатую рамку и потому являются более ранними⁵. Таким образом, можно полагать, что среди мастеров, изготавливавших изразцы для полоцких иезуитов, могли быть выходцы из окрестностей Лиды⁶.

Еще один вид «ковровых» изделий, который представлен в изразцовом материале полоцкого коллегиума довольно небольшими и малочисленными фрагментами лицевых пластин, выделяется массивными фигурными рамками, которые при соединении пластин создают непрерывный орнамент. Пространство между рамками заполнялось стилизованными элементами растений в виде завитков и листиков. Реконструировать размеры пластин этого кафеля очень сложно, поскольку он предоставлен единичными терракотовыми кусками⁷ (рис. 11: 4). Эти изразцы изредка встречаются в материалах раскопок Полоцка. Их аналоги есть в археологических материалах Лидского замка⁸. Полоцкие пластины, в отличие от Лидских экземпляров, были безрамочными.

Так же были найдены изразцы с розетками в одноступенчатой рамке. Их размеры

¹ Ковровые изразцы объединяет наличие двойной вогнуто-выгнутой узорной рамки, центр и углы пластины заполнял узор. Составление 4-х подобных пластин в месте соединения углов образовывало новый орнамент. Изразцы с аналогичным построением орнамента, датированные началом XVII в., хорошо известны по материалам Литвы и Польши (Dąbrowska, 2007, s. 147: rys. 8, s. 149: rys. 13, s. 152: рис. 19). Возможно, что данный узор, как-то связан с убранством обложек церковных книг, на которые набивались литые «жуки» и медальон для сохранения углов от повреждений. Подобное оформление богослужебных книг в православной церкви сохраняется и сейчас: таким образом, например, украшено напрестольное Евангелие, которое выносится и зачитывается во время богослужений.

² Дук, 2001, с. 6, 78: рис. 42, 88: рис. 59.

³ АБ, 2001, с. 448: рис. 222: 3; Зданович, 2005, с. 32.

⁴ Беларуская кафля, 1989, с. 90: рис. 142, 143; с. 100: рис. 162.

⁵ Там же. С. 91: рис. 145.

⁶ [15].

⁷ [124, 125].

⁸ Беларуская кафля, 1989, с. 60: рис. 81.

22×19,5×10±0,5 и 21×18×12 см. Это были покрытые зелёной глазурью и терракотовые изделия с румпой высотой 10—12 см от края пластины, угловые экземпляры были двухчастными. Орнамент пластин состоял из полусферических крупных точек и завитков, которые имели рельеф разной высоты. Часть изразцов с розетками была найдена в нетронутом культурном слое, который сохранился под полами «скромного коллегиума». Этот слой, возможно, принадлежал одной из деревянных построек коллегиума, которая существовала до русско-польской войны (1654—1667 гг.). Но большинство пластин с похожим орнаментом найдены на своде подвала корпуса «В» (рис. 12 : 1 — 3; фото 19). Там они были повторно использованы для строительства печи каменной библиотеки «скромного коллегиума». После ее разборки и включения в состав корпуса «В» изразцы были использованы для засыпки свода¹.

Ещё один вид изразцов, которые были украшены мотивами растительного орнамента и розетки, представлен большим единичным фрагментом углового изделия, половинной пластины 21,2×9,2 см (полная ширина 18,5 см). Он был найден в 2003 г. возле корпуса «Г», имел широкую одноступенчатую рамку и тонкий низкорельефный орнамент. Это позволяет отнести его ко 2-й полов. XVII — нач. XVIII в. (рис. 12: 4).

Очень разнообразно представлены в коллекции изразцов коллегиума геральдические и сюжетные стенные изделия. Геральдические изразцы, связаны не с усадьбами владельцев, а с фамилиями покровителей иезуитов и членов ордена. На этих изразцах встречаются гербы представителей униатского духовенства, с которыми у иезуитов было

налажено тесное сотрудничество. Подобные изразцы часто не имеют инициалов. Возможно, иезуиты специально закупали их партии для поддержки авторитета патронов, и сложенная из них печь становилась своеобразной «доской почёта». Изображения на изразцах приобретают по сравнению с ранними изделиями, более изящные и утонченные черты у них появляется ряд мелких деталей.

Найдены единичные экземпляры изразца с гербом рода Кишки (рис. 13: 3) его представитель Януш Кишка был полоцким воеводой и гетманом польским с 1621 по 1646 гг. Изразцы подобного типа, по наблюдению археолога Д. В. Дука, были изготовлены между 1635 и 1646 гг.²

В ходе раскопок 2002 г. Д. В. Дуком в развале изразцов были найдены фрагменты пластин с гербом «Любич» (изменённый, который не имел креста над подковой) и литерами А, S, Н, А, SH (рис. 13: 1, 2). Ещё одно возможное его название «Темпа подкова», оно встречается в гербовнике А. Банецкого. Принадлежность данного герба требует дальнейших проверок и уточнений. По стиливому исполнению данные изразцы соответствуют 1-й полов. XVII в.³ Таким образом, печь, в которой они находились, могла быть построена ещё до русско-польской войны 1654—1667 г., либо он был перенесён со старой печи. Этот герб принадлежал двум фамилиям полоцкой шляхты Шантырам и Страбовским. Среди представителей данного рода, который происходил из полоцкого воеводства, наиболее известен Пётр Страбовский (1556—1619), у которого были сыновья Адам, Ян, Самуэль, Пётр, чьи наследники потом жили в полоцком и витебском воеводствах. Возможно, что найденные Д. В. Дуком в 2002 г.

¹ [45—50; 96—104].

² Дук, 2007, с. 58—60.

³ Дук, 20026, с. 28—30.

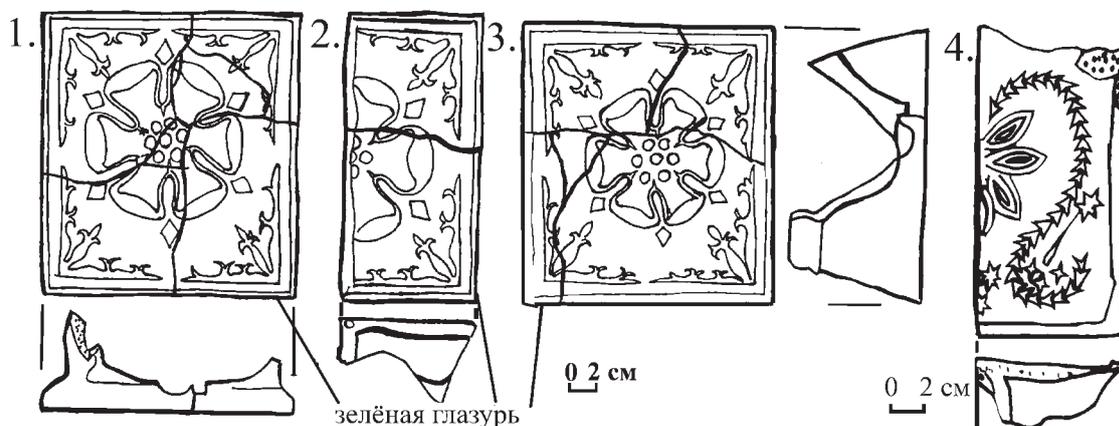

Рис. 12. Изразцы с розетками и мотивам растительного орнамента

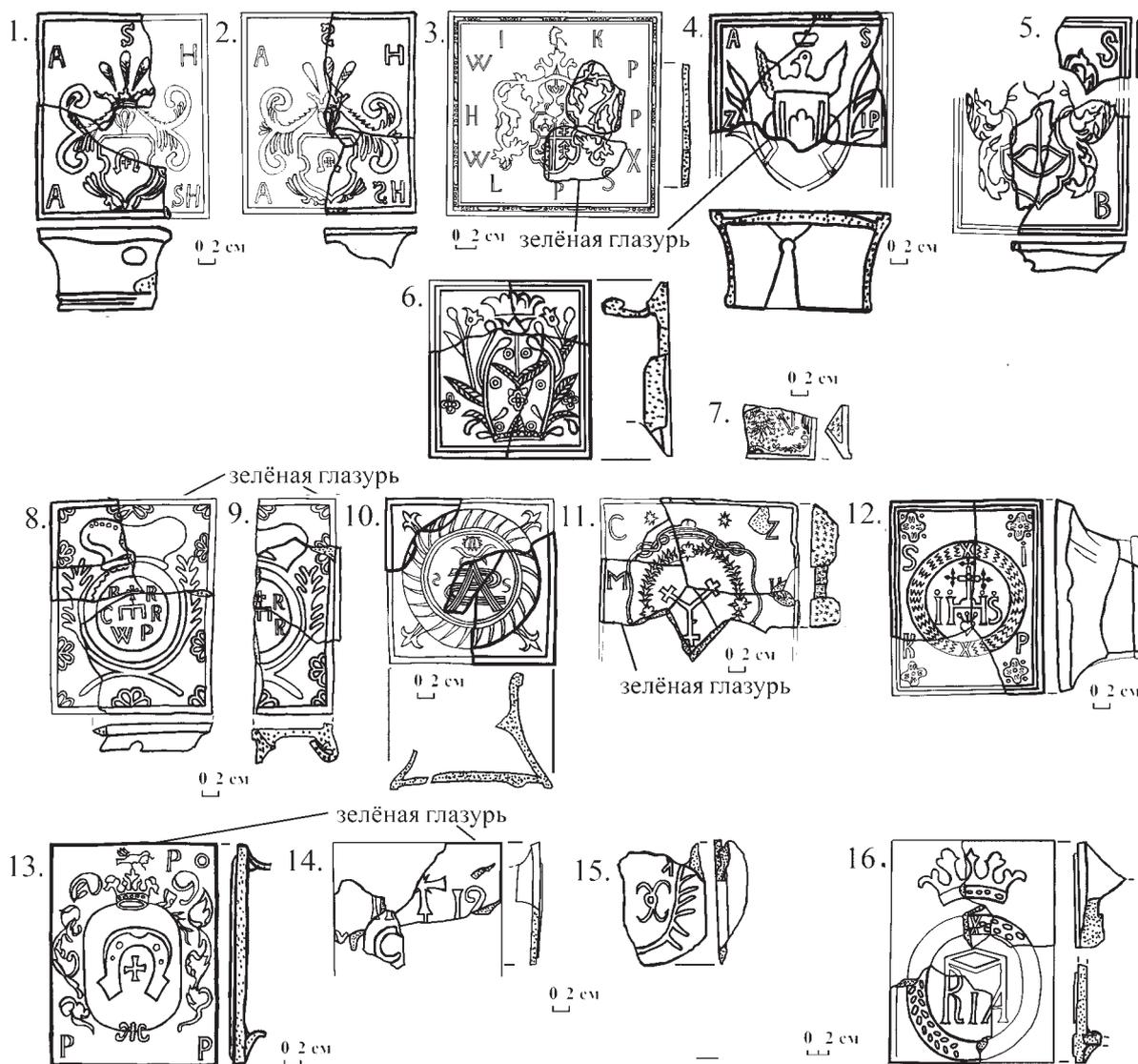

Рис. 13. Геральдические изразцы

1 — 5 с гербами на щитах; 6, 7 — с абстрактными геральдическими мотивами, 8—13, 16—гербы в медальонах и лавровых венках; 13—16 — безрамочные изразцы

изразцы изготовлены по заказу Адама Страбовского, который мог иметь отношение и к полоцким иезуитам — быть одним из их патронов (вторая буква в аббревиатуре вокруг герба обозначает фамилию заказчика). Аналогичные изразцы были нами обнаружены вместе с материалами 1-й четверти XVII в. в 2004 г. на Нижне-Покровской, 16^а в развале печи. Там, вероятно, находилась усадьба или иная недвижимость, принадлежавшая данной фамилии. Размеры реконструированной пластины 22,5×19 см, румпа высотой 9,0 см от края пластины.

В 2002 г. был найден ещё один гербовый изразец. Частичная реконструкция изображения которого позволила выяснить, что

герб его был в виде лука со стрелой, направленной вверх, расположенного на геральдическом щите. На левой стороне пластины сохранились инициалы S, B. Частичная реконструкция показала, что ширина пластины была 19,5 см, высота могла доходить до 24 см (рис. 13: 5). Фрагмент подобной геральдической пластины был найден Н. И. Зданович на территории Великого посада¹.

Данный герб назывался «Лук натянутый» или «Лук». Существовало несколько вариантов данного герба. Первый — лук со стрелой направленный вверх, у второго изображение

¹ Зданович, 2005, с. 29.

лука с верху дополняла подкова, поставленная концами вниз, с рыцарским крестом посередине. Третий вариант изображения представлял собой лук со стрелой, направленный вниз. В полоцком и витебском воеводствах гербом «Лук» владели Косаревские (Косажевские). Он представлял собой изображение лука, дополненное с верху подковой, направленной концами вниз, и рыцарским крестом посередине.

Возможно, что найденный Д. В. Дуком при изучении полоцкого коллегиума геральдический изразец может иметь отношение к одному из представителей данного рода. Впрочем, неполное изображение герба и отсутствие части инициалов не позволяют это утверждать однозначно¹.

Вообще же, среди геральдических изразцов, найденных при изучении коллегиума, многие не имели щитов. Это объясняется тем, что, как правило, гербы и знаки магнатов и шляхты, связанной с военным делом, помещались на геральдических щитах, а гербы духовных лиц заключались в круглый или овальный медальон и имели знаки церковной власти. В 2001 г. Д. В. Дуком в развале печи одной из построек «скромного коллегиума» был найден изразец с гербом «Любич» (изменённый), с литерами Р, О, Р, Р. По стилю декоративного убранства пластины его можно было отнести к кон. XVII столетия (рис. 13: 13). Д. В. Дук полагает, что он принадлежал фамилии Шантыров, поскольку двое его представителей, Винцент и Ян, в кон. XVII в. стали иезуитами в полоцком коллегиуме².

Среди находок корпуса «В» был встречен терракотовый фрагмент с монограммой полоцкого архиепископа и униатского митрополита Антония Селявы. Изображение находилось в венке с одноступенчатой рамкой³. Изделие размерами $\approx 17,7 \times 17,5 \times 12$ см (рис. 13: 10). Известно, что униатская церковь находилась под влиянием ордена общества Иисуса, в частности, множество её адептов получили подготовку в иезуитских коллегиумах, поэтому такая находка может говорить о том, что Антоний Селява имел хорошие отношения с иезуитами (фото 20).

В составе булыжной кладки кон. XVII в. возле корпуса «З» был найден фрагмент геральдического изразца с гербом в виде трёх крестов, выходящих из одной точки. Их изображение заключено в венки, увенчанный архиепископской (?) широкополой шляпой.

Сохранилась верхняя часть изразца с литерами С, Z, M, W. Этот знак был шляхетским гербом «Бродич», которым пользовался архиепископ полоцкий Киприан (Цыприан) Жаховский (1635—1693). Будучи уроженцем Полоцкого воеводства, он проделал путь от монаха-базилианина до полоцкого архиепископа (1674—1693), был сторонником введения латинских элементов в униатское богослужение, сотрудничал с полоцкими иезуитами. Этим можно объяснить находку изразцов с его гербом на территории коллегиума⁴ (рис. 13: 11; фото 21). Обнаружение обломков изразца с подобным гербом в кладке фундамента иезуитской постройки позволяет считать, что её возвели после 1693 г. и она может быть зафиксирована на плане Полоцка 1720 г., найденном М. Ткачёвым.

Более ранний изразец с подобным геральдическим знаком известен по материалам раскопок полоцкого базилианского⁵ монастыря при Софийском соборе. Теперь он в экспозиции краеведческого музея, его отличительная особенность — головной убор напоминает папскую тиару и совсем другие литеры.

К середине XVII в. наметилась тенденция замены изображения щита лавровым венком. Так, в мусоре подвала корпуса «В» найдена верхняя часть геральдического изразца зелёной глазури с изображением орла, увенчанного короной и лавровыми ветвями, на груди его было неразборчивое изображение герба⁶ (рис. 13: 4).

В Полоцке гербом «Радван» пользовались представители рода Щитов. Поясной изразец с данным знаком и инициалами D, S был обнаружен на Великом посаде, вне территории коллегиума, позднее он был расшифрован Д. В. Дуком. В связи с этим особый интерес представляет для нас стенной изразец XVII в. с геральдическим знаком, похожим на «Радван», и литерами B, R, C, R, W, P в медальоне и венке, найденный в коллегиуме. Он был обнаружен в засышке свода коридора корпуса «А» между 2 и 3-м этажами. На основе обломков удалось сделать его графическую реконструкцию (рис. 13: 8). К сожалению, его невозможно привязать к определённому корпусу, поскольку в засышке свода он попал при ремонте последнего.

⁴ Казуля, 2007, с. 626.

⁵ Базилиане, или василиане,— униатский монашеский орден, имевший устав Василия Великого, созданный на манер иезуитского с учётом специфики униатской церкви.

⁶ [72]. Бракованный аналог есть так же в материалах Экимани [КВФ-4 4037].

¹ Самосюк, Самосюк, Чекалов-Шидловский, 2012, с. 37.

² Дук, 2007, с. 62.

³ Дук, 2010, с. 96.

Точный аналог найден археологом Д. В. Дукком в 2005 г. при спасательных раскопках возле представительства БРУСП «Белгострах» по г. Полоцку и Полоцкому району.

Данный гербовый изразец может относиться к Рыпинским (Рпинским), древнему белорусскому роду. В 1652 г. один из его представителей, Иежи, был иезуитом в полоцком коллегииуме. Некто Андрей Рыпинский был писарем земским Полоцким в 1699 г., а его тезка являлся «будовничым»¹ полоцким. Ещё один представитель данного рода, Дамиан, был писарем земским полоцким. Таким образом, данная фамилия могла быть непосредственно связана с Полоцком и, возможно, один из её представителей (под другим именем или неупомянутый в гербовнике, чьё имя в латинской транскрипции начиналось на букву В) был покровителем полоцких иезуитов или членом их общины².

Во время шурфовки под полом корпуса «Ж» был найден изразец с иезуитской символикой, который сегодня в материалах Полоцка не имеет аналогов. В отличие от традиционных «иезуитских» изразцов с надписью по овалу, в этом изделии монограмма Христа была в круглом лавровом венке, который как бы и образовывал собой медальон³. Вокруг него были латинские буквы S, I, K, P. Возможная их расшифровка: Szkoła Jezuitów Kolegium Połocki⁴ (рис. 13: 12; фото 22).

В кон. XVII в. появляются первые полностью безрамочные изразцы, к настоящему времени их гербы расшифровать не удалось (рис. 13: 14—15). В это время, вероятно, появились и первые пластины с монограммой Девы Марии (рис. 13: 16). Они, как и выше упомянутые изделия с иезуитской символикой, имели орнамент в виде круглого лаврового венка. При изучении коллегииума были найдены только отдельные обломки изразцов с монограммой Божьей Матери. Частичную реконструкцию рисунка и приблизительных размеров этих изразцов стало возможным сделать на основе подобных фрагментов, найденных в развале деревянного дома на ул. Ф. Мироновой⁵.

¹ Будовничий — служебное лицо, наблюдавшее за всеми гражданскими строениями и их строительством, занимавшееся сбором налогов на эти цели (*Самосюк, Самосюк, Чекалов-Шидловский, 2012, с. 74*).

² Uruski, 1931, с. 357.

³ В конце XVII — середине XVIII в. овальный или круглый медальон в обрамлении венка стал популярным украшением для изразцов.

⁴ Соловьёв, 2012в, с. 28.

⁵ Салауёў, 2011в.

Сюжетных изразцов найдено мало.

Более стилизовано, по сравнению с описанным выше изразцом «Поклонение волхвов», исполнение евангельского сюжета «Моление о Чаше». Изображение занимает только центральную часть пластины, фигуры более схематичные и мелкие. Но вокруг хорошо видна дополнительная декоративная рамка. Несмотря на небольшие размеры фигур, мастер сумел довольно хорошо передать атмосферу наступающей катастрофы. В правом углу на возвышении коленопреклонённый Христос застыл в напряжённой молитве. Ближе к переднему плану обессилевшие его ученики: Пётр, уснувший под деревом, Марк, привалившийся к возвышению, на котором молится Христос, Иоанн, из последних сил пытающийся бороться со сном. Вся композиция заключена в широкую декоративную рамку с тонким геометрическим орнаментом (рис. 7: 3, 6). Изображение мужчины на угловом экземпляре очень подробно и реалистично. Очень точно проработан не только его костюм, который содержит элементы готики и ренессанса, но даже узор ткани и пуговицы. Точно переданы черты лица, причёска и борода. За спиной видны складки плаща⁶ (рис. 7: 4, 5). Это изображение может быть портретом Стефана Батория, основателя коллегииума и покровителя иезуитов, но эта версия требует проверки⁷. На основе стилистических особенностей убранства можно предположить, что изразец был изготовлен во 2-й четверти — сер. XVII в. (1636—1654 гг.) (фото 23—25).

Так же были найдены единичные фрагменты изразца с изображением гусара. Сюжет и размеры этого изразца хорошо восстанавливаются по аналогичным находкам на территории Великого посада⁸ (рис. 7: 8).

Высота румпы найденного изразца составляет 12,0 см. Она имела отступление от края пластины $\approx 3,0$ см. На внешней поверхности румпы сделаны борозды. Венчик её был прямоугольного сечения, отогнутый снаружи, отверстий не было. Благодаря высокой румпе такой изразец мог служить в качестве строительного материала при возведении печей, например, надставки, чтобы не использовать для этой цели кирпич. Рамка внешней пластины была двойной. Ширина каждого выступа $\approx 0,6—0,7$ см, их высота $\approx 0,4—0,5$ см. Эти конструктивные

⁶ [38—44].

⁷ Барвенава, 2002, с. 47, 55, 59, 63, 67, 71, 73, 76, 77; Салауёў, 2011а, с. 221—224.

⁸ [6—9, 87—90].

элементы позволяют приблизительно датировать её первыми десятилетиями XVII в.¹

Описание снаряжения гусара и его лошади следует начать с головного убора всадника, так как он исполнен лучше остальных элементов его снаряжения. Шлем имеет сфероконическую форму с пластинчатыми «щечками» на петлях и назатыльником, сделанным из нескольких пластин металла, а также наносник-стрелку, что было характерно для шишаков турецкого происхождения. Шишаки, в отличие от немецких штурмгабов, были значительно дешевле, и не уступали последним в защитных качествах, поэтому широко использовались уездной шляхтой, а после воинской реформы Стефана Батория в 70-х гг. XVI в. они были рекомендованы для гусар как наиболее предпочтительный вид шлема. Это было зафиксировано в III статуте ВКЛ, где он обозначен как один из основных видов шлема для употребления в армии².

Первоначально гусары не имели доспехов, представляя из себя лёгкую кавалерию. Это хорошо видно на картине «Битва под Оршей» (1530—1535 гг.). Но уже в нач. XVII в. в качестве защитного снаряжения для гусар начали использоваться железные кафтаны, тегилы и полудоспехи. Судя по внешнему виду, гусар, изображённый на изразце, одет в кафтан, надетый поверх полудоспеха³.

На животе гусара хорошо видны две линии, возможно, это крепление подвижного набрюшника к кирасе. Крылья, которые обычно крепились к наспиннику, в данном случае показаны сильно стилизовано и больше напоминают птичьи или ангельские. Такое отступление от реальности, возможно, вызвано желанием мастера создать сбалансированную композицию, чтобы равномерно заполнить пластину. Еще это может быть свидетельством того, что мастер мог не понимать их функционального назначения, потому что, в отличие от других элементов рисунка, не придавал значения их конструкции и пропорциям. Тут, возможно, сыграл свою роль и пафос победоносного окончания Ливонской войны, поэтому мастер придал гусару — защитнику страны — черты ангела-хранителя. Настоящие гусарские крылья имели деревянную легкую основу и были прижаты к спине. Сверху они нависали над головой. Таким образом, по мнению некоторых исследователей, воин был защищен от татарского или казачьего аркана. Возможно, крылья были одним

из способов устрашения лошадей противника. Крылья вошли в широкий обиход с нач. XVII в., и были дополнением к основному снаряжению⁴.

Таковую же роль играл и султан из трех перьев на голове лошади, которая также имела покрытие в виде налобника, защищавшего верхнюю часть головы. Налобник не имел отверстий для ушей лошади. Похожие наголовники (чапраки) гусары употребляли с XVI в. Седло, представленное на изображении, имеет большие обвисшие края (попону?), которые доходили до низа живота лошади. Задняя и передняя луки его низкие, это свойственно для конструкций, созданных под влиянием восточных традиций. К западной традиции можно отнести глубокую посадку воина, при которой он сидел, вытянув ноги, сильно опираясь на стремяна⁵. Но на изображении ноги у всадника согнуты — это влияние востока, такая посадка позволяла легко поворачиваться в седле. Таким образом, на изображении посадка гусара сочетает в себе восточные и западные традиции. Это вынуждало использовать стремяна на путлищах средней длины. Последние, судя по изображению, сделаны из полоски металла и приспособлены под обувь на твердой подошве с широким каблуком. Похожие стремяна и обувь были найдены в Витебске и Кричеве в культурном слое XVI—XVII вв.

Порода собаки, изображенной на изразце, — пинчер. В Европе это собака известна с XIV в. Она очень похожа на левретку, но имеет более длинную голову и острые уши. Собаки этой породы были отличными гончими, они могли долго, не утомляясь, бежать за всадником. С ними охотились на зайцев и, благодаря их смелости и решительности, использовали в качестве сторожевых. Этим, возможно, и обусловлено то, что ее изображение на изразце помещено рядом с гусаром⁶.

Несколько слов следует сказать и о булаве (перначе?) в левой руке воина. Согласно А. М. Кирпичникову булавы в качестве боевого оружия начали использоваться в XIII в. и в XVI—XVII вв. употреблялись как знак высшей воинской власти, в частности, гетманской. Гетманы — великий и полевой — назначались непосредственно королем. Часто среди них были представители армейской элиты — гусарии. Это была самая боеспособная часть кавалерии ВКЛ. Она выделялась

¹ Дук, 2001, с. 44.

² Бохан, 2003, с. 49.

³ Бохан, 2002, с. 84; Бохан, 2003, с. 24, 64, 67, 70.

⁴ Саганович, 1994, с. 39.

⁵ Бохан, 2002, с. 213—215; Бохан, 2003, с. 47—49.

⁶ Корабельников, Корабельникова, Корабельников, 1993, с. 168, 170.

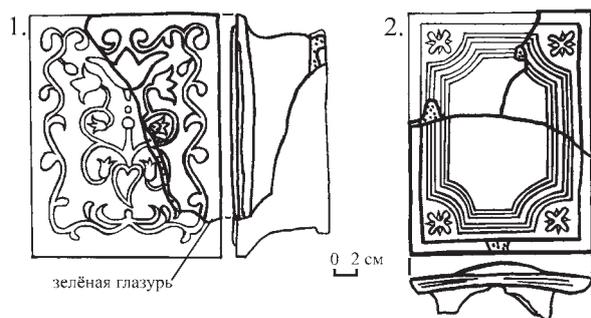

Рис. 14. Изразцы конца XVII — начала XVIII в.
1 — безрамочный, 2 — с медальоном
в рамке

лучшим снаряжением и оружием, ведь там служили представители средней шляхты и магнатов. Гусары была гордостью Речи Посполитой. Расцвет гусарства пришелся на период сер. XVI — сер. XVII вв.¹ В связи с этими обстоятельствами надо вспомнить найденный в Полоцке изразец с гербом рода Кишок. Его последний представитель Януш Кишка с 1621 г. был полоцким воеводой, с 1635 по 1646 гг. занимал должность польного² гетмана, что было отмечено литерами на изразце. Во время войны Московского государства с Речью Посполитой (1632—1634) возглавил оборону Полоцка. Позже, с 1646 г., он стал великим гетманом³.

Ещё один изразец с сюжетным орнаментом был реконструирован на основе обломков, найденных в развале печи (?) при прокладке теплотрассы в 2003 г. Его лицевая поверхность покрыта толстым слоем ангоба, который закрывал сильно спёкшийся при эксплуатации печи слой печной глины, побеленный сверху. Последнее обстоятельство свидетельствует о длительности эксплуатации печи и ее ремонте. Размеры реконструированной пластины $\approx 19 \times 19$ см, на ней был изображён очень древний христианский символ — пеликан, разрывающий клювом собственную грудь и кормящий своей кровью птенцов. Тем самым он являлся аллегорией Христа, причащающего своей кровью верующих. Рядом с пеликаном нередко изображали птенцов, об этом свидетельствуют единичные находки обломков аналогичных изразцов в других частях города⁴.

Вообще говоря, изразцовое производство Полоцка со 2-й полов. XVII в., как и прочие

ремёсла, из-за русско-польской войны находилось в упадке. Мастера использовали преимущественно старые гончарные формы и мотивы орнамента. Полочане бережно собирали и сохраняли изразцы из разрушенных войной печей. Также были вынуждены поступать и иезуиты, что отразилось на убранстве фасадов печей в коллегиуме. Так в зеркале одной печи мастерами могли использоваться совершенно различные по узору и поливе стеновые изделия даже в границах одного ряда. В это же время прекратилось изготовление «иезуитских» изразцов.

Конец XVII — нач. XVIII вв. — время появления и распространения безрамочных и медальонных изразцов.

Во время исследований территории коллегиума и корпуса «В» был найден изразец с изображениями медальонов, декорированный восьмиугольной и четырехугольной рамками. Эти изделия можно считать самыми ранними, пластина их $22,5 \times 17$ см. Применение здесь ступенчатой рамки скорее дань старой традиции (рис. 14: 2). Более поздние находки уже имели смещённую рамку. Хронологически этот изразец соответствует времени проведения одной из многочисленных основательных перестроек каменных строев «скромного коллегиума», которая происходила в 1-й четверти XVIII в.

В 2010 г. в развале юго-восточной части каменного корпуса библиотеки «скромного коллегиума» были найдены куски безрамочных пластин с растительным орнаментом, который уже мало походил на «вазу с цветами»⁵. Завитки были и вдоль периметра пластины. От прежней композиции художник сохранил только симметрию рисунка вдоль продольной оси пластины. Большой фрагмент подобного (с зеленой глазурью) изразца был найден при изучении корпуса «З». Эти находки позволили произвести полную реконструкцию изделия. Его размеры: $19,5 \times 22,5$ — $23 \times 8,5$ см (рис. 14: 1; фото 26).

Карнизы

Этот вид изразцов представлен преимущественно изделиями с аркатурным орнаментом. Простой и популярный орнамент позволял поворачивать изразец любой стороной при укладке в карниз печи, поэтому он получил широкое распространение во многих печах не только коллегиума, но и всего Полоцка⁶. Например, в 2002 г. Д. В. Дуком в мощном слое печной глины, содержащем из-

¹ Сагановіч, 1994, с. 33, 34, 41.

² Заместитель руководителя вооружённых сил Великого княжества Литовского (Великого гетмана).

³ Думін, 2007, с. 101—102; Дук, 2007, с. 58—60.

⁴ Рошаль, 2003, с. 428.

⁵ [150, 151, 155, 156].

⁶ Дук, 2001, с. 78: рис. 41.

разцы с «ковровым» орнаментом, а также изделия с изображениями вазы с цветами были встречены пластины аналогичных карнизов, сочетавшие арки с маскаронами. Их можно было чередовать с традиционными аркатурными карнизами. Размеры их пластин были 17,5 — 18,5×8,5 см, минимальная высота румпы — 11 см (рис. 15: 1—3).

Наблюдение за карнизными изразцами с другими видами орнамента показало, что основная масса найденных изделий так же напоминала по профилю пластины с аркатурным орнаментом. Данный профиль изразца позволял получить большой вынос венчающего карниза печи, при этом высокая румпа, будучи наполненной глиной, работала своеобразным противовесом, предохранявшим изразец от опрокидывания¹. Найденные нами пластины украшали геометрический и растительный орнаменты в виде гирлянд и отростков, реже васильков. Размеры некоторых пластин 7×20(?) см. Было замечено, что в 2-й полов. XVII столетия появилась тенденция к уменьшению и стабилизации высоты карнизов в пределах 7—10 см, и длины 17—20 см (рис. 15: 5—7, 9). Благодаря большому выносу изогнутой части карниза за плоскость лицевой пластины, в случае выкладки подобными изразцами купола печи, он получался более низким. Позже на их основе возникнут первые образцы гладких пластин. Изразцов, которые имели не округлую, а плавно изогнутую верхнюю часть пластины нами было обнаружено крайне мало, поскольку в печах широко использовали карнизы от разборки старых печей. Это обусловлено тем, что карнизные изразцы, в силу своей большей массивности и малогабаритности, лучше сохранялись при разрушении печей,

что подтвердил изразцовый набор печи, обнаруженной в 2001 г. Д. В. Дуком. Найденный нами гладкий изогнутый изразец имел невыразительные следы зубчатого орнамента (рис. 15: 4). Он был обнаружен в заполнении булыжной кладки фундамента кон. XVII — нач. XVIII в. вместе с обломками изразцов с гербом «Бродич» и монограммой ордена иезуитов. Позже изразцы подобного типа стали основой для появления сложнопрофильных гладких изделий, получивших широкое применение при строительстве печей в середине-конце XVIII вв. в существующих ныне корпусах коллегиума, они удачно сочетались с элементами барокко и классицизма.

Ещё один найденный нами образец карнизного изразца отличался незначительными габаритами пластины (6×20 см). Он сочетал в себе приметы карниза и перемычки. Пластина имела выразительный профиль и невысокий геометрический орнамент, но его румпу заменили крепёжным шипом с отверстием (рис. 15: 8). Этим он напоминал изразцы перемычки, которые получают широкое применение в печах иезуитского коллегиума с середины XVIII в.

Поясковые изразцы

Подобных изделий этого времени среди изразцового материала печей коллегиума нам обнаружить не удалось.

Навершия

В найденном нами изразцовом материале навершия 2-й трети XVII—начала XVIII вв. представлены крайне скудно. Это связано с тем, что мастера часто использовали старые изразцы или вообще обходились без них. Дело в том, что по наблюдениям М. Дамбровской, в печах Польши навершия, как и карнизы, выполняли роль своеобразных стяжек из-

¹ Дук, 2002б, с. 29 — 30; Дук, 2007, с. 78: мал. 22.

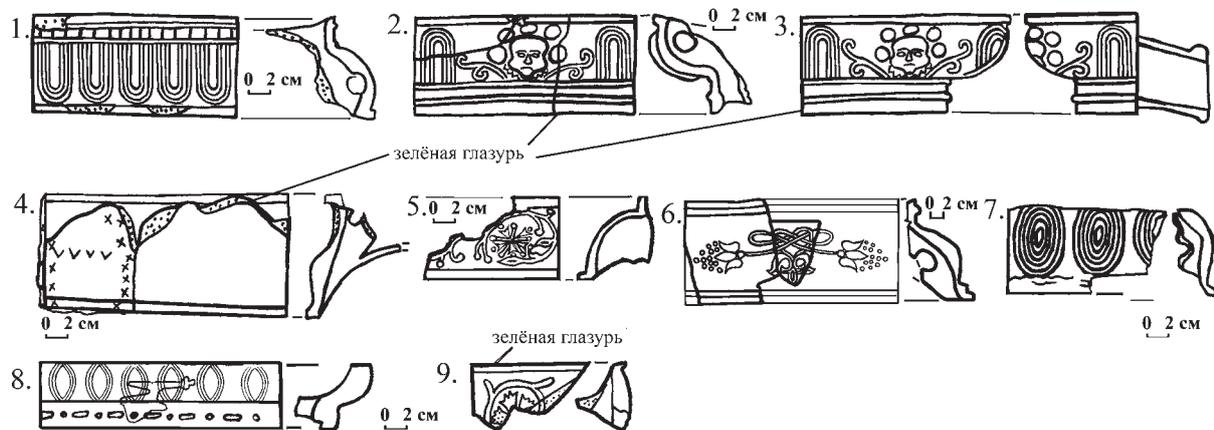

Рис. 15. Карнизные изразцы 2-й трети XVII — начала XVIII в.

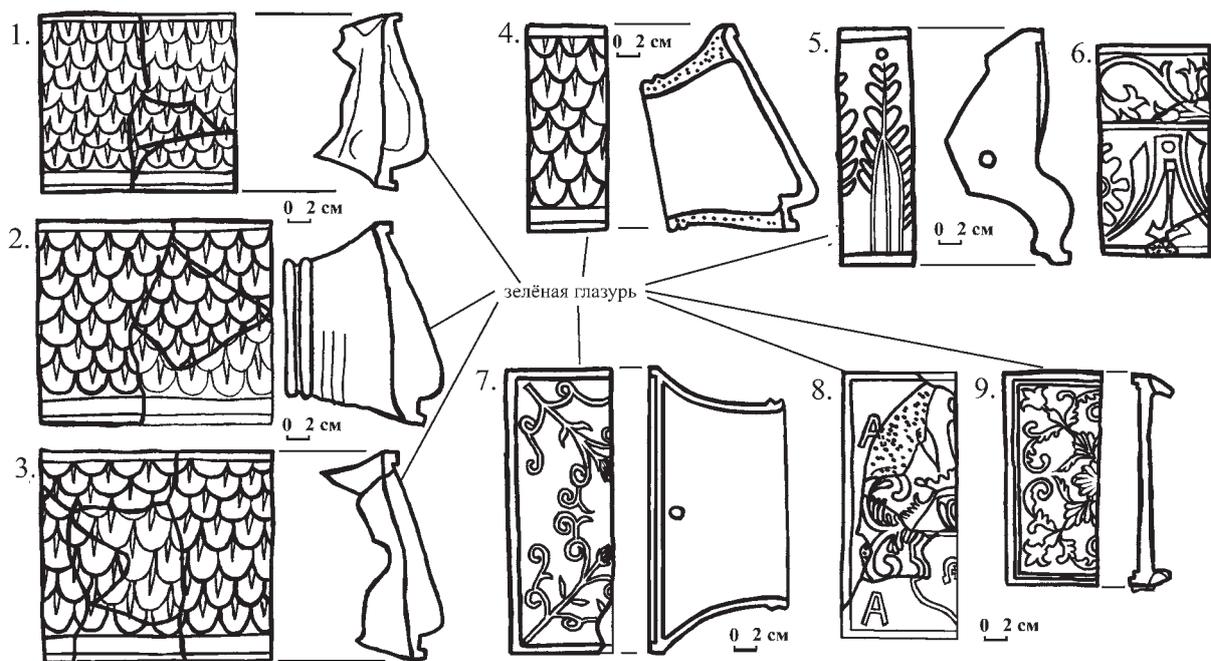

Рис. 16. Дополнительные элементы печных наборов

1—3 — изразцы-«черепицы»; 4—9 — разные виды обрезных изразцов

разцового панциря стенок печи печи¹. Находимые навершия и коронки от полощких печей в целом и коллегима в частности обычно были малоформатными и несли в основном чисто декоративную функцию.

Своеобразной данью ренессансной традиции стало продолжение изготовления коронок-маскаронов. Фрагмент подобного изделия найден Д. В. Дуком. Целое навершиегородок было найдено в 2001 г. Д. В. Дуком при изучении развала одной из печей «скромного коллегима» печи². Оно представляло собой прорезную пластину с геометрическим орнаментом. Датировать её можно серединой — 2-й полов. XVII в.

В это же время в изразцовых наборах печей коллегима вновь изредка используют длинные городки и коронки в форме диадем. Орнамент их теперь часто имеет невысокий плохо оттиснутый рельеф и может сочетать в себе как мотивы «кованого металла», так и растительно-геометрического орнамента. Тогда же появились первые навершия с медальонами. Их убранство было увязано с изразцами, на которых был изображен медальон в одноступенчатой рамке (позднее она заменена смещённой). Происходит это, по наблюдениям Н. И. Зданович и Д. В. Дука, в кон.

XVII — нач. XVIII в.³ Время их широкого распространения и применения приходится на XVIII в. Это подтвердили их многочисленные находки в составе изразцовых наборов печей существующих ныне корпусов коллегима «А», «Г».

Изразцы-черепицы

Изделия этого рода встречены вместе с другими видами изразцов в засыпке над сводом подвалов на 1-м этаже корпуса «В». Они представлены наклонными прямоугольными пластинами, украшенными орнаментом в виде рыбьей чешуи. Похожий рисунок обычно образовывался во время покрытия настоящей крыши плоской черепицей с полукруглым концом. Из похожего кафеля можно было собрать четырехстороннюю коническую крышу печи в виде шатра, при этом высота и особенности профиля пластины изразца-«черепицы» позволяли возводить его на большую высоту⁴ (рис. 16: 1—3, фото 27) [51—56]. Эта же особенность кафеля вызывала необходимость введения в его кладку рядов стеновых изделий и карнизов с большим выносом

³ Заяц, 1990, с. 78—80: рис. 24: 4; Зданович, 2005, с. 34—35.

⁴ При возведении шатра квадратной надставки печи на полную высоту его центр мог завершаться куполком или 4-я коронками, напоминая тем самым крышу крепостной башни.

¹ Dąbrowska, 1987, s. 69.

² Дук, 2002а, с. 6—7.

пластины. Данное обстоятельство позволяло получать более низкую надставку или купол печи, при этом они напоминали изящную колокольню или башню. По наблюдениям М. Дамбровской эти изразцы-«черепицы» применялись и в качестве карнизов между ярусами печей¹.

Надрезанные изразцы (или вкладыши)

Эти изделия образуют собой особую группу, самые ранние из находок в коллегииуме можно датировать кон. XVI — нач. XVII в. (рис. 8: 1) Среди них есть и карнизы, и стеновые, и кровельные экземпляры (рис. 16: 4 — 9). Эти изделия мастера изготавливали при подготовке печного набора². Для этого у некоторых целых изразцов при их формовке на внешней пластине еще влажного изделия делался ножом либо нитью надрез³ (рис. 8: 1; фото 14, 28). Обычно при строительстве печей их раскалывали по надрезу и закладывали большие щели при несовпадении рядов разнотипных и разноформатных изразцов. Таким образом, мастером достигался ровный шов на фасаде печи. Подобный приём применялся при наборе зеркала печи в том случае, когда разница между рядами превышала $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ ширины изразца. Позднее в качестве вкладышей подготавливают преимущественно карнизные изделия, особенно широко этот приём станут использовать в XVIII в.

Первые партии изразцов для коллегииума кон. XVI — нач. XVII в., вероятно, закупались у полоцких мастеров. Позднее их изготовление было налажено в иезуитских мастерских, как в Экимани, крупнейшей и старейшей иезуитской юридике⁴, так, вероятно, и на территории самого коллегииума. О существовании здесь небольшой мастерской могут свидетельствовать находки обломков глиняных форм для изготовления аркатурных карнизов и ковровых стеновых пластин в поде одной из печей и бракованные изразцы⁵. Экимань же издавна известна залежами гончарной глины, результаты археологических разведок позволили некоторым исследователям предположить существование

там мастерских по изготовлению плинфы для храмового строительства в XI — XII вв. В XVIII в. Экимань стала центром производства гончарных изделий и сохраняла этот статус до середины XX в.

Найденные при изучении коллегииума изразцы в большинстве своём покрывались прозрачной свинцовой глазурью. В качестве красителя использовались окиси меди (различные оттенки зелёного цвета) и железа (оттенки цвета от жёлтого до коричневого). Для получения чистого непрозрачного покрытия (эмали) в свинцовую глазурь добавляли окись олова⁶. В коллекции изразцов XVII в. большинство изделий имеют глазурованное прозрачное покрытие. Применение эмали зафиксировано только на фрагменте полихромного иезуитского изразца. Расширение сферы применения эмалированного покрытия, судя по изразцовому материалу коллегииума, начинается с середины XVIII в. Было так же замечено, что изделий с подглазурным ангобом или декорированных им встречается крайне мало, это может быть связано с его непрочностью, приводившей к осыпанию слоя глазури⁷ (рис. 2: 1—4, 9; 7: 1—5, 9).

Вообще же, исходя из изображений печей, опубликованных О. А. Трусовым, швы между изразцами могли достигать максимальной ширины в среднем 1—2,5 см, при этом они иногда подчёркивались и белились. Таким образом, тёмный силуэт печи скрадывался на белом фоне стены помещения. Так же значительную ширину швов на печи, фотография которой была опубликована О. А. Трусовым, можно объяснить необходимостью строительства не четырёхугольной, а круглой печи в форме двух поставленных одна на одну бочек из изразцов с прямыми пластинами, которые было невозможно аккуратно притесать. Особенный интерес представляет эскизный проектный рисунок печи, исполненный Богуславом Радзивиллом в XVII в. На нем точно определено место каждого изразца в печи. Художник (печник) при совмещении рядов изразцов разных размеров и видов точно обозначил, где должны были находиться щели между пластинами и их количество. Он же показал возможные варианты отделки кирпичного нижнего яруса печи профилированными карнизами, либо балясинками⁸, исполняемыми из штукатурки (?).

¹ Dąbrowska, 2007, s. 151: rys.17; s. 153: rys. 20.

² [17, 59, 135].

³ Состав глиняного теста изразцов и посуды XVII — сер. XVIII вв. визуально схож, может иметь природные и искусственные примеси песка и неравномерное их распределение по черепку. Это исключает возможность фуговки, притёски и раскалывания изразцов по необходимой линии.

⁴ Дук, 2007, с. 37—38.

⁵ Дук, 2001, с. 6.

⁶ Здановіч, 2005, с. 23, 53.

⁷ [23—28, 32—44].

⁸ Трусов, 1988, с. 148: рис. 99; 149: рис. 100—101.

ПРОИЗВОДСТВО КАФЛЕЙ

Ж

ДЛЯ КОЛЛЕГИИ ХVIII ВЪКА

ИЗРАЗЦЫ СЕРЕДИНЫ XVIII — XIX вв.

В XVIII в. происходят изменения в технологии изготовления изразцов: деревянные и глиняные формы начинают постепенно выходить из употребления. Их заменяют гипсовыми формами, вероятно, это было связано с необходимостью изготовления крупноформатных изделий: карнизов, медальонов, фронтонов. Гипсовые формы использовались для изготовления крупноформатных изразцов сложной конфигурации длиной до 1 м. Мягкость гипса позволяла исполнить любой орнамент с помощью резцов для дерева и отшлифовать его. Возможно так же, что мастер предварительно вырезал деревянную модель пластины, которую смазывал жиром во избежание прилипания гипса, и заливал им. После застывания гипсовой массы деревянная матрица вынималась и использовалась вновь. При изготовлении изразцов со сложным профилем форма могла состоять из нескольких створок, собранных на штифтах и прифугованных друг к другу. Таким образом, гончар получал несколько одинаковых форм, что значительно увеличивало качество и количество готовых изделий. Для малоформатных изразцов (стенowych) могли использовать традиционные формы со съёмными рамками или цельные формы, вырезанные в одной плитке гипса. Такую форму, заполненную глиной, можно было переносить на гончарный круг и формовать румпу непосредственно на пластине, создавая различные виды её венчика. Заполняя форму, мастер продавливал раствор руками или специальным квадратным штампом (фото 43) через ткань, чтобы узор хорошо пропечатался без лишних затрат материала. Румпы крупноформатных изразцов начинают делать из пластин, усиленных дополнительными перегородками, одновременно с ними продолжают бытовать малогабаритные карнизные и стеновые изделия с румпами, сформованными на гончарном круге. Таким образом, появление карнизных изделий, длина которых в несколько раз превышала ширину пластины, вынудило мастеров постепенно отказаться от традиционной формовки румпы на гончарном круге, поскольку необходимо было делать для неё кольцо-заготовку большого диаметра, что было крайне неудобно, а потом придавать

ей форму сильно вытянутого прямоугольника с мягкими углами, который было сложно посадить на пластину¹ (фото 32). Место соединения румпы и пластины дорабатывалось вручную, что снижало скорость и качество работы. В связи с этим, у карнизов, пилястр и фронтонов печи румпа зачастую собиралась из массивных пластин² (фото 33, 34), вырезанных из раскатанного куска глины, она обычно не имела венчика и для лучшего сцепления с раствором покрывалась бороздами. Образовавшаяся полость внутри изразца разделялась 1—2 перегородками для предупреждения деформаций и увеличения прочности при сушке и обжиге изделия, при этом в этих перегородках отверстий не делалось. В связи с изменениями в технологии формовки и ассортимента изразцов, происходят изменения и с их обжигом. Наравне с традиционным небольшими глиняными горнами мастера стали строить огромные горны для помещения в них крупноформатных изделий. Теперь это были кирпичные близкие к квадрату сооружения, заглублённые в землю. Самые ранние их находки, обнаруженные археологами в городах и местечках, датированы XVI—XVIII вв. Появление данных сооружений связано с развитием цехового ремесла и ростом монументального строительства. Их ставили под навесом или в сарае, иной раз вревая сооружение тыльной стороной в скат горы или берега водоёма для сохранения тепла³.

У иезуитов возможным местом производства изразцов для коллегиума в XVIII в. может являться Экимань. Она с XVI в. была известна в качестве гончарной слободки, так же на существование там в XVII—XVIII вв. гончарного производства так же косвенно указывают находимые бракованные изразцы.

Такие горны, с небольшими переделками, получили наибольшее распространение в XVIII в. в связи с началом массового производства крупноформатных изразцов, кирпичи и черепицы для монументального строительства. В Экимани местом их расположения

¹ [142].

² [2].

³ Беларусь, 1995, с. 238—239.

могли быть откосы берегов Западной Двины и безымянного ручья, скаты террас близ церкви и костёла, дворы жителей.

Конструкция и ход обжига керамики в подобном горне были рассказаны автору 15 сентября 2001 г. Верой Петровной Зеленкиевич, коренной жительницей Экимани, дочерью потомственного полоцкого гончара, 1926 г. р., умерла в 2002—2004 гг. (более точная дата мне неизвестна). С ее слов отец Пётр Зеленкиевич «крутил горшки» до 60-х годов XX в. и позже, в 70-е, делал образцы посуды для Полоцкого краеведческого музея (рукомойник в «Хатке»).

Горн, по словам Веры Петровны, располагался на территории двора, юго-западнее амбара, в сарайчике. Он представлял собой кирпичное сооружение, близкое по форме к квадрату, оно состояло из двух камер размерами $2,5 \times 2,0 \pm 0,2$ м. Топка горна имела арочное устье и была заглублена в землю на 50 см, к ней вели две ступеньки. В кирпичном перекрытии (из кирпича и железных балок?), уложенном между топкой и камерой, имелись продухи для подачи жара к керамике. Высота топки была 0,5—0,6 м, высота верхней камеры была 1,2—1,5 м (по грудь мастера), крыши не было. При загрузке топки гончар залезал внутрь и ему подавали для укладки сначала массивную крупную посуду, затем мелкую. После этого горн засыпали керамическим боем, который держал жар, но пропускал газы. Обжиг велся два дня, использовали дрова длиной до 1 м.

Горны подобной конструкции, вероятно, начали широко использоваться при иезуитах для налаживания массового производства изразцов и прочих стройматериалов. При этом для них могли использовать бракованный кирпич-пальчатку и черепицу, а перекрытие между топкой и камерой удерживалось кирпичными столбиками или перегородками с аркой. Их стены делались массивными. Расстояние между ними не должно было превышать 17 см для укладки изразцов. Квадратная или прямоугольная форма позволяла максимально эффективно использовать пространство камеры при её загрузке изразцами. Сами изделия укладывались пластиной вверх или под наклоном. Последнее обстоятельство вело к тому, что при повторном обжиге при глазуровании на кромках возникали наплывы глазури и она капала на терракотовые изделия. Иногда поставленные друг на друга изразцы слипались и тогда на лицевой пластине оставалась отметина в виде глиняной полоски.

После пожаров, уничтоживших «скромный коллегиум» в сер. XVIII в., иезуиты

приступили к возведению нового, ныне существующего, архитектурного ансамбля, основываясь на совершенно новых принципах строительства. Так, вместо прежней усадьбы был заложен большой комплекс монументальных зданий с использованием передовых технологий и материалов, в русле новейших веяний в архитектуре XVIII в., что в результате привело к почти полному отказу от использования прежних изразцов в новых печах.

При изучении существующих зданий коллегиума нами была собрана большая коллекция изразцов сер. XVIII — нач. XIX вв. Большинство находок собрано при изучении корпусов «А», «Б» и «Г». На их чердаках был обнаружен большой завал строительного мусора, сброшенного туда во время перестройки коллегиума под кадетский корпус в 1831—1835 гг. Большинство находок представлено изразцами от разрушенных печей бывших келий. Нами была собрана только часть изразцов, при этом многие из них мы сумели восстановить на 70—100 %, таким образом, удалось склеить свыше 100 изделий. Некоторые образцы были выявлены при изучении корпуса «В».

Мелкие фрагменты аналогичных изразцов, встреченные около фундаментов печей на этажах коллегиума, позволили привязать находки с чердака к печам, расположенным в конкретных помещениях. Подобная ситуация сложилась с находками, обнаруженными в мусоре под полами конюшен (по маркировке УО ПГУ с 2003 до 2009 г. корпус «З»), во дворе и завалах под полом корпуса «Ж», куда она была так же сброшена в 1831 г. в качестве подсыпки при реконструкции коллегиума под кадетский корпус¹.

Стеновые изразцы

При строительстве печей коллегиума в середине XVIII в. наиболее распространены были изделия с изображениями медальонов, розеток и фигурных щитов. Самые ранние изделия, среди найденных нами экземпляров, имели выпуклую рамку. Углы их были украшены отростками или цветками.

Среди названных нами вариантов изразцов наиболее распространенными были изделия с медальонами в восьмиугольной рамке с четырьмя вогнутыми сторонами (фото 47, 83, 84). В углах размещали либо стилизованные цветки, либо ростки. Аналогичные изделия часто встречаются при археологических исследованиях в различных частях По-

¹ Салауёў, 2007а, с. 35; Салауёў, 2007б, с. 55—56; Соловьев, 2012в, с. 78.

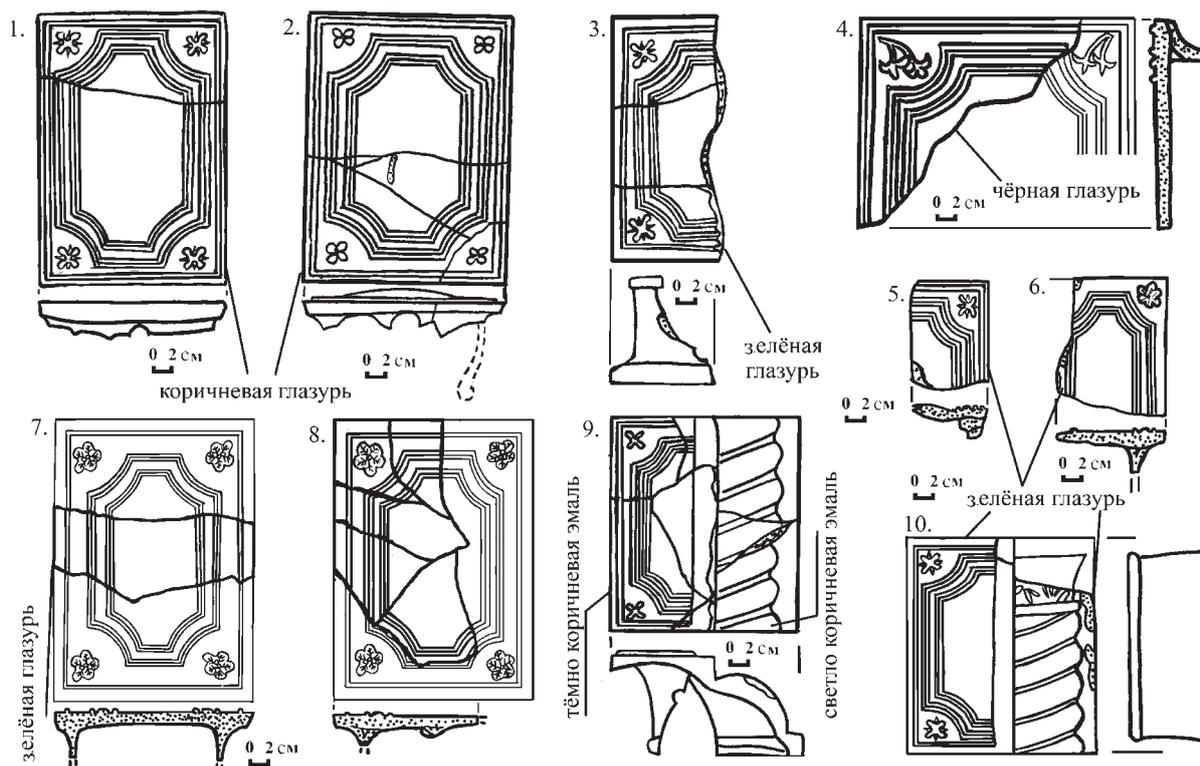

Рис. 17. Изразцы со смещённой рамкой и восьмиугольными обрамлениями медальонов
1—4, 7, 8 — стеновые; 5, 6, 9, 10 — угловые

лодка¹. Размеры их пластин $\approx 16,5 \times 22 \times 9$; $17,5 \times 22 \times 8,5$; $19 \times 22 \times 9$ см, ширина отдельных пластин достигала 22,5 см. Вообще же высота румп этих изделий колеблется от 8,5 до 11 см, их венчик был с шарообразным краем, отогнутым наружу и слегка сплюсненным с боков (рис. 17: 1—4). Угловые изделия были представлены как двухчастными (рис. 17: 5), так и трёхчастными. Последние состояли из половины пластины стенового и глубокой ниши с витой колонной-балясиной ($22 \times 18,5 \times 9,5$ —10 см). Изразцы верхнего и нижнего рядов имели завершение ниши в виде своеобразной конхи, балясина при этом завершалась узорной капителью, напоминающей коринфский ордер (рис. 17: 9, 10; фото 31, 35, 83). Его размеры $22 \times 18 \times 9,5$ —10 см. Их покрывала зелёная и коричневая глазурь. При создании полихромной поверхности угловые изразцы делали двухцветными (фото 35).

Так же были найдены изразцы, аналогичные им по убранству, но без выпуклых медальонов и отличавшиеся от вышеописанных по формату. Стеновые пластины были реконструированы на основе найденных

крупных фрагментов, они были размерами $20,5 \times 29 \pm 0,5$ см. Их угловые экземпляры были двухчастными, половинная пластина имела самостоятельный медальон (рис. 17, 6—8). Фрагменты аналогичных изделий обнаружены на территории Великого посада Н. И. Зданович².

К ним близки по формату изразцы со смещённой рамкой и медальоном в круглом или овальном венке. Находки аналогичных изделий часто встречаются в различных частях Полоцка³. Изразцы, найденные на территории коллегиума, имели углы, украшенные стилизованными отростками растений. Размеры пластин 17×22 и $17,5 \times 23,5$ см (рис. 18: 1, 2)⁴, угловые экземпляры представлены двухчастными изделиями (рис. 18: 4, 5)⁵. Отдельные пластины с медальоном в венке имели вытянутые пропорции $16,5$ — 17×22 см, на медальоне располагался стилизованный букет (?) (рис. 18: 3).

Меньше всего изделий в коллегиуме было найдено с четырёхлепестковыми розетками (фото 36, 77, 78). Они были представлены

² Зданович, 2005, с. 91, рис. 27: 3.

³ Зданович, 2005, с. 38.

⁴ [10].

⁵ [123].

¹ Зданович, 2005, с. 38.

как стеновыми, так и угловыми трёхчастными экземплярами. Аналогичные изделия часто встречаются при археологических исследованиях в различных частях Полоцка¹. Последние состояли из половины пластины стенового и глубокой ниши с витой колонной-балясиной. Изразцы верхнего и нижнего рядов имели завершение ниши в виде конхи, балясина при этом завершалась узорной капителью, напоминающей коринфский ордер. Размеры их пластин $\approx 17 - 18 \times 21 - 22$ см. Форма венчика румпы этих изразцов была треугольной в сечении и расширенной

кверху. Венчик был со скошенным внутрь краем и большим наружным выносом за плоскость стенок румпы. Высота её $\approx 8,5$ см от края пластины (рис. 18: 11, 12). Угловые изразцы с подобным орнаментом состояли из половины пластины стенового изделия и глубокой ниши с витой колонной-балясиной. Изразцы верхнего и нижнего рядов имели завершение ниши в виде конхи, балясина при этом завершалась узорной капителью, так же напоминающей коринфский ордер (рис. 18: 8—10), их покрывала зелёная и коричневая глазурь. При создании полихромной поверхности угловые изразцы делали двухцветными (фото 36, 77, 79).

¹ Зданович, 2005, с. 38.

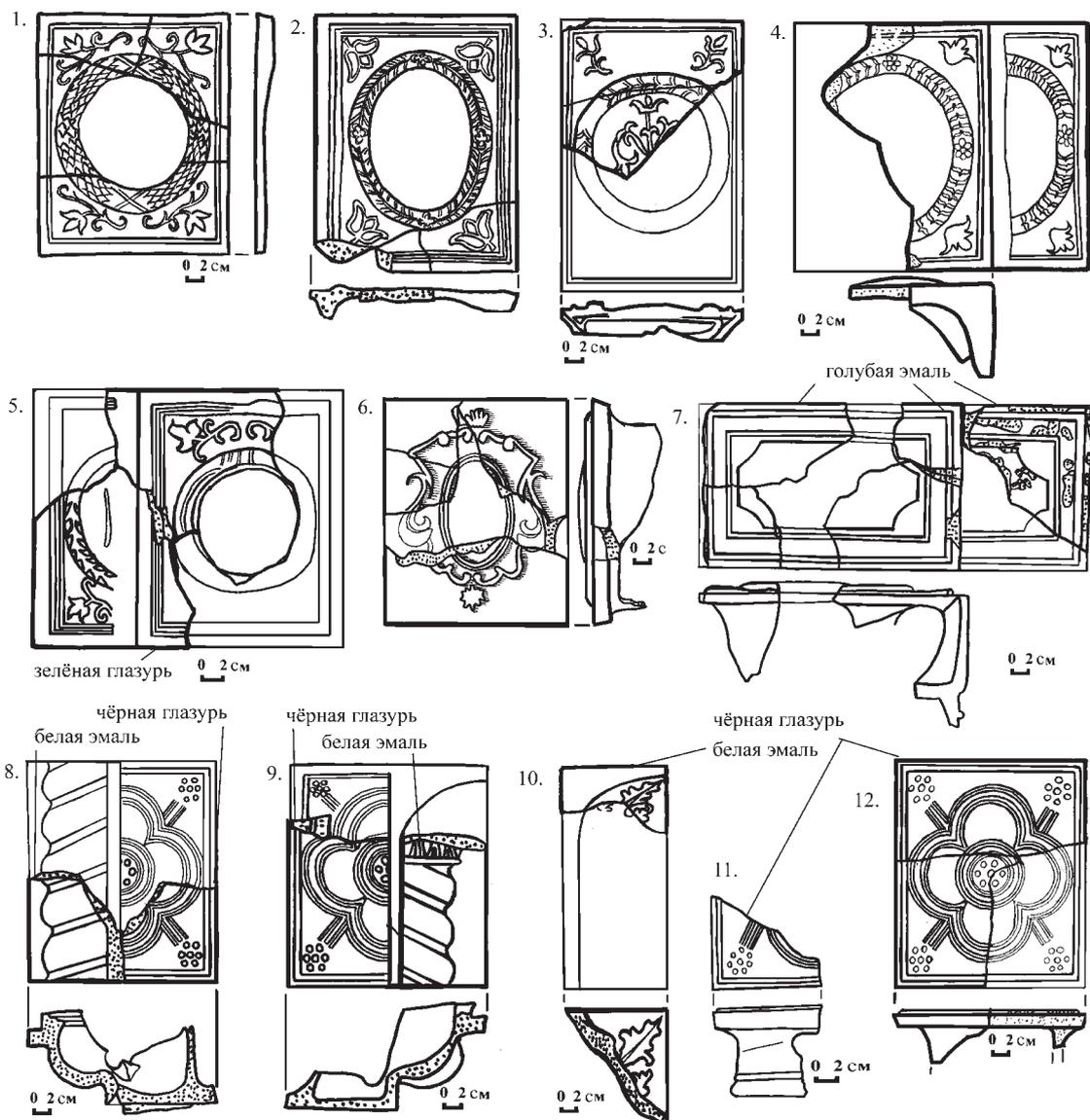

Рис. 18. Изразцы со смещённой рамкой и без неё

1—5 — стеновые и угловые изразцы с медальоном в венке; 6 — изразец с медальоном в барочном обрамлении; 7 — угловой рустованный изразец; 8—12 — угловые и стеновые изразцы с розеткой и витой балясиной

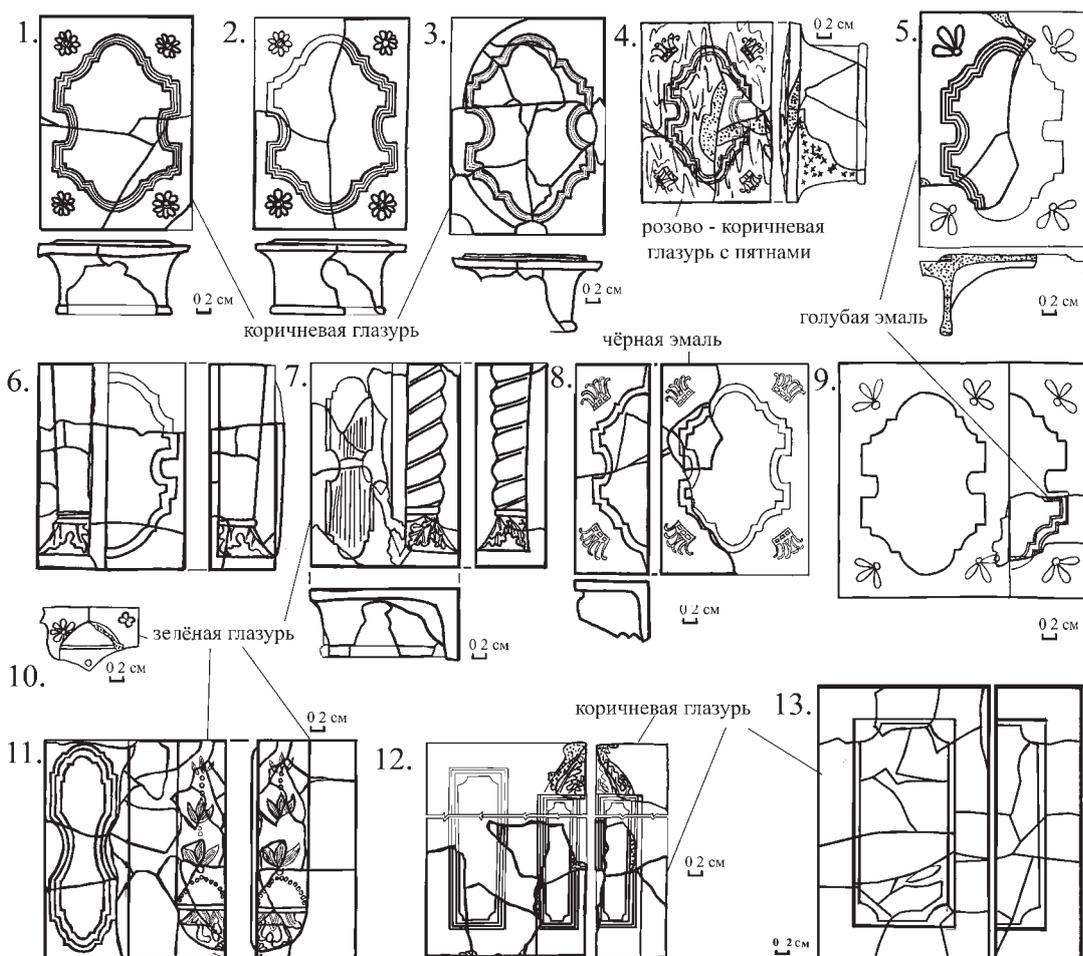

Рис. 19. Безрамочные изразцы

1—5 — изразцы с медальонами; 6—11 — угловые изразцы с медальонами; 12—13 — угловые изразцы с нишами

Уникальными в коллекции изразцов коллегииума можно считать так называемые рустованные изразцы (их высота меньше ширины пластины). Экземпляр углового изделия имел массивную, полукруглую рамку, а в центре был прямоугольный медальон с профилированными краями. Размеры изделия реконструированы на основе фрагментов ($32 \times 16 \times 20$ см), декор пластин напоминал дверную деревянную филёнку (рис. 18: 7). От остальных стеновых изделий они отличались румпой, собранной из пластин, и цветом формовочной массы, которая была на изломе от оранжевого до алого цветов (фото 37).

По периметру пластины вышеописанных стеновых изразцов имелась дополнительная смещённая декоративная рамка.

Также встречены более поздние большие безрамочные изразцы с овальными медальонами в сложном барочном обрамлении. На основе крупных фрагментов были реконструированы их приблизительные размеры $22 - 22,5 \times 27,5 - 28 \times 10,5 - 11$ см.

Среди находок подобных экземпляров есть полихромные изделия двух видов, они были выявлены нами в корпусе «Г» и во дворе перед его северным фасадом (рис. 18: 6; фото 38, 57). Точные аналоги этих изразцов известны в материалах Витебска¹.

Более поздние стеновые пластины были безрамочными, с фигурными выпуклыми щитами и профильными краями². При этом крупногабаритные изделия играли роль стяжек для всего контура печи. Углы подобных изразцов нередко украшали цветки либо короники. Изделия имели размеры $\approx 29 \times 19 \times 9,5$; $28,5 \times 20 \times 9,5$; $27,5 - 28 \times 19,5 - 20 \times 9$; $29 \times 20 \times (?)$ см. Высота румп колебалась от 9,5 до 11 см, венчик был также шарообразным, отогнутым наружу и слегка сплюснутым с боков (рис. 19: 1—5, 9, 11; фото 39—41, 79, 94).

¹ Здановіч, Трусаў, 1993, с. 173: мал. 126. [91].

² Бракованный аналог найден в Экимани [КВФ-44128].

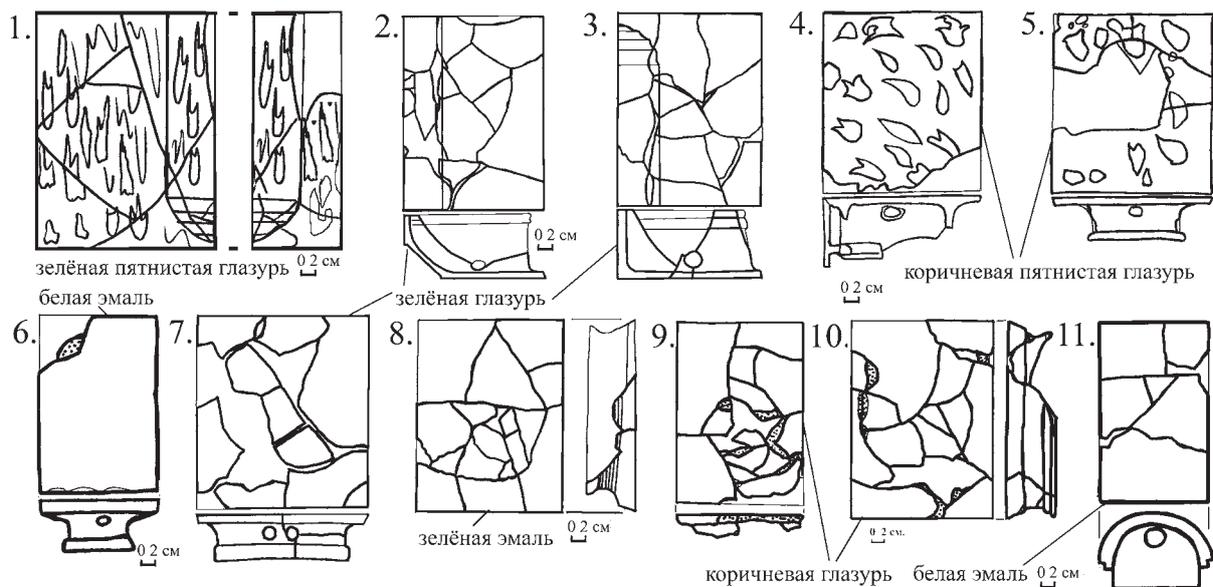

Рис. 20. Стеновые гладкие изразцы

1—4 — угловые изразцы; 5—10 — стеновые изразцы; 11 — изразец пилястра

При исследовании корпуса «З» найдены куски крупноформатных медальонных изразцов с изображением цветов по углам. По выявленным фрагментам удалось восстановить размеры этих изразцов $38 \times 27 \times 12$ см, профиль края румпы был аналогичным малоформатным изделиям такого же вида (рис. 19: 5, 9).

Кроме стеновых изделий были обнаружены и фрагменты угловых экземпляров. Среди найденных изразцов много двухчастных (рис. 19: 8, 9) и трёхчастных изделий (рис. 19: 7). Последние, кроме обычной витой балясинки в угловой нише (фото 41), иногда имеют гладкую колонну с капителью, которая напоминает коринфский ордер. На одном изразце сохранились следы белой, красной и жёлтой покраски. Размеры изразца: $10 \times 26 \times 9,5$ см (рис. 19: 6).

Был обнаружен вариант изделий с угловой нишей со срезанной гранью¹ (рис. 19: 10). На ней было украшение в виде низко-рельефного орнамента или ниши. Один из них был с медальоном размерами $29 \times 23,5 \times 13$ см. Верхний и нижний ряды изразцов завершались конхами в которых было украшение в виде растительного орнамента, их высота могла быть 34 см (рис. 19: 11).

Отдельную группу в коллекции найденных нами изразцов образуют безрамочные крупноформатные изделия с профилированными нишами $34 \times 20,5 \times 8,5$ см, напоминающие дверную филёнку (рис. 19: 13). Эти из-

разцы найдены в развале печи в корпусе «В» вместе с профилированными гладкими карнизами. Их глазурь была пятнистой. Отдельные фрагменты изделий с нишами встречены на чердаке корпуса «Г», под полами корпуса «З» и при прокладке траншей во дворе. Угловые изразцы так же были представлены двух- и трёхчастными изделиями (фото 42)². Последние имели скошенные грани с нишами и завершались конхами с несложным растительно-геометрическим орнаментом (рис. 19: 12, 13). Возможно, они были переходными между гладкими рельефными изделиями³.

После упразднения в 1773 г. иезуитского ордена в европейских странах полоцкий коллегийум стал главным центром, куда начали собираться иезуиты со всей Европы. Естественно, что для их размещения и обустройства потребовалось отремонтировать, реконструировать и расширить имевшиеся на тот момент строения⁴.

В это время на смену барокко и рококо приходит набирающий мощь классицизм. В архитектурном облике печей это проявилось в изменении убранства их фасадов, в которых гладкая поверхность стен сочеталась с развитами богато убранными карнизами (фото 45, 46, 48), фронтонами и навершиями⁵.

Первые гладкие терракотовые стеновые изделия $17—18 \times 21—22$ см найдены вместе

² [143].

³ [136—141; 146].

⁴ Салаўёў, 2011а, с. 58.

⁵ Здановіч, Трусаў, 1993, с. 72; Трусов, Чернявский, Кравцевич, 1986 с. 223.

¹ Бракованный аналог найден в Экимани [КВФ-4 4179].

с изразцами со смещенной рамкой. Здесь они имели вспомогательное назначение: ими отделяли оборотные фасады печей, обращенные к стенам помещения, или вмуровывали в свод для его облегчения.

Теперь же появились изразцы с гладкими внешними пластинами, которые должны были соответствовать новому стилю в архитектуре — классицизму — с характерными для него гладкими ровными поверхностями. Основной их формат $30,0 \times 20,5 \times 11,0 - 9,5$; $29,5 \times 22,0 \times 9,5$; $30 \times 22 - 21,5 \times 7,5 - 8$ и $27,5 \times 19,5 \times (?)$ см. Также при изучении коллегіума были зафиксированы первые находки изделий с румпой высотой 6,8 см. Встречены также экземпляры с размерами пластин 27×23 см с румпой высотой всего лишь $\approx 6,5$ см (фото 43). Так, изделие с зеленой глазурью, близкое к квадрату (27×28 см), имело в румпе внутреннюю перегородку для предохранения от деформации при сушке и обжиге (рис. 20: 5, 7, 8). Учитывая то, что кроме него были найдены аналогичные зелёно-глазурированные стеновые и угловые изделия с высокой румпой, можно полагать, что указанная нами квадратная находка была деталью декоративной ниши в надставке печи.

Подобное устройство низких румп свидетельствовало о распространении изменений в конструкции печей и наметившейся тенденции превращения изразцов из конструктивного элемента в отделочный материал, требовавший для закрепления кирпичной основы.

Венчики румп были как шаровидной формы (рис. 20: 1—3, 5; фото 29), например, у более ранних экземпляров с рельефным орнаментом, так и двухступенчатые (манжетобразные) (рис. 20: 4, 10; фото 30) или треугольной формы с расширенным краем (рис. 20: 6, 8; фото 43).

Для покрытия гладких изразцов кроме различных оттенков коричневой и зелёной глазури, получила широкое распространение пятнистая глазурь. Обычно на тёмный прозрачный или полупрозрачный фон мастер наносил светлые эмалевые пятна в виде капель и затёков (фото 39, 41, 42, 45—48). Это, возможно, была попытка имитации мрамора или своеобразный способ зрительно уменьшить размеры печи, чтобы она как бы слилась с фоном побеленных стен кельи, лишив её громоздкости и массивности¹. Широкое распространение получает эмалевое покрытие изразцов, что особенно заметно на примере гладких изразцов кон. XVIII в. Среди находок, сделанных на территории коллегіу-

ма, преобладают зелёный, синий, белый и коричневые цвета (фото 46—48, 83).

Гладкие более поздние угловые изразцы в своём большинстве также имели двухчастный раздел. Размеры одного экземпляра были $\approx 27 \times 23 \times 10,5$ см (рис. 20: 4; фото 45). Трёхчастные изделия имели очень скромный декор средней части. Верхние и нижние изделия (размеры их $\approx 29,5 \times 22 \times 9,5$ и $27,5 \times 21 \times 11$ см) имели профилированные *conche*. Эти «конхи» часто имели украшение в виде профилированного карниза. Подобные изразцы наиболее полно соответствовали набравшему мощь классицизму (рис. 20: 1—3; фото 46, 48).

При изучении бывшей кухни были найдены массивные гладкие стеновые изразцы вторичного использования, которые имели очень низкую румпу, близкую по высоте к современной, с массивным треугольным в сечении венчиком. Их глиняное тесто было очень грубым. Некоторые из них, покрытые белой эмалью, имели слегка изогнутую внешнюю пластину и предназначались для отделки круглых частей печи² (рис. 20: 6).

Необычно выглядели **изразцы-«пилястры»**, найденные вместе с описанными выше грубыми бело-эмалевыми изделиями. Это был дополнительный вид стеновых изразцов, найденных лишь однажды, в завале более поздних изразцов в помещении бывшей иезуитской кухни³. Размеры их $28 \times 16 \times 12$ см, эти изделия имели вид полуцилиндров, покрытых белой эмалью. По сторонам их пластин находятся пазы для плотного примыкания к стеновым изразцам, румпы собраны из пластин. Баз и капителей не найдено (рис. 20: 11; фото 44).

Карнизные изразцы

Карнизные изразцы XVIII в. также широко представлены в материалах исследований коллегіума. Прототипом наиболее ранних изделий стали аркатурные карнизы, широко распространенные в XVII в., у них была округлая главная часть и очень узкая дополнительная. В XVIII в. были широко распространены как гладкие изделия (рис. 21: 4; фото 77), так и украшенные медальонами в восьмиугольной рамке или венке $9 \times 18 \times (?)$ см (рис. 21: 5, 7, 8), данные изразцы нередко составляли единый набор с аналогичными стеновыми изделиями со смещённой рамкой (фото 47, 83, 84). Реже их использовали со стеновыми изразцами с

¹ Зданович, 2005., с. 23, 53; Салаўеў, 2007а, с. 43.

² Салаўеў, 2007а, с. 37.

³ Салаўеў, 2007а, с. 37; Салаўеў, 2009а, с. 317.

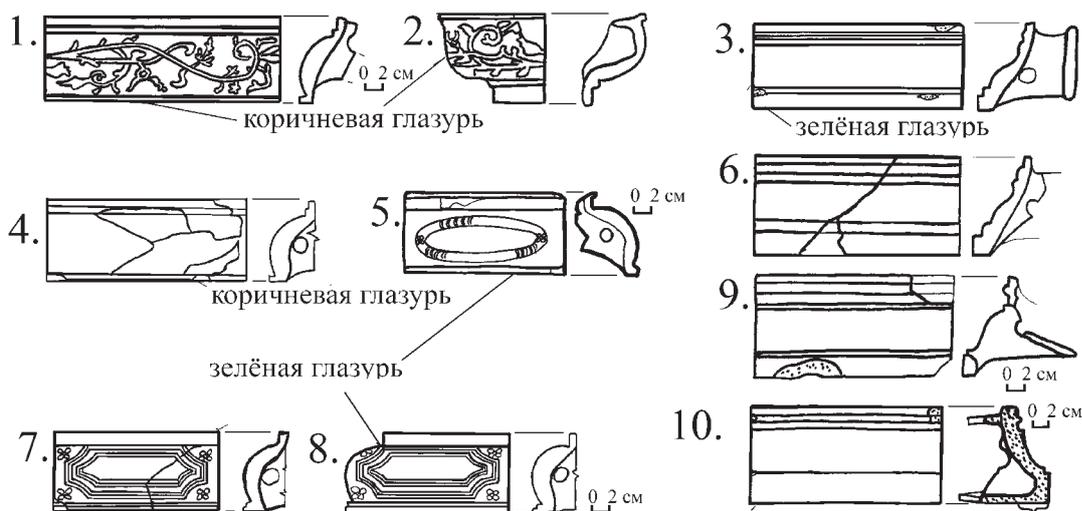

Рис. 21. Малоформатные карнизные изразцы

1, 2, 4, 5, 7, 8 — малоформатные изразцы. 3, 6, 9, 10 — гладкие профилированные изразцы

4-лепестковыми розетками (фото 78). Таким образом, они образовывали собой целый комплект, исполненный в одном стиле. Подобный набор был найден Н. И. Зданович¹. Отдельно следует выделить изразцы с растительным орнаментом² $10 \times 27 \times (?)$ см (рис. 21: 1, 2; фото 55).

С середины XVIII в. начинают использоваться карнизные изразцы нового вида. Их пластины были гладкие, богато профилированные. Таким образом, убранство изразцов напоминало сложнопрофилированные венчающие карнизы зданий. Самые малые из найденных нами карнизы были размерами $10 \times 11 \times 20$ — 21×14 — $14,5$ см (рис. 21: 3, 6, 9, 10), известны также изделия $22 \times 13 \times 13,5$; $21,0 \times 10,5 \times 14,5$; $13,5 \times 28,5 \times 10,5$; $12,5 \times 29,5 \times (?)$ и $15 \times 30,5 \times (?)$ см (рис. 21: 10; 22: 1—3, 10; фото 55, 56, 80)³. Также, в одной из келий 1-го этажа корпуса «А» был собран угловой карниз, большая часть которого $28,0 \times 17,0 \times 14,5$ см (рис. 22: 5), а меньшая — $15,5 \times 14,5 \times 5,5$ см (венчик румпы обломан). Некоторые карнизные пластины очень длинные. Так, угловые карнизы из корпуса «А», имели размеры главной пластины изделия $11 \times 39,5$ см. Меньшая часть их пластин была $\approx 11 \times 19,2$ см (рис. 22: 4 и 6). Собранный нами карниз⁴, который был найден в развале печи под полом в корпусе «В», имел размеры $42 \times 21,5 \times 16,0$ см (рис. 22: 7). Нередко такие изразцы были очень

высокими и массивными (проявление классицизма) предположительные размеры одного из таких изразцов⁵: $38 \times 26 \times 19,5$ см (рис. 22: 8). Характерным элементом для многих из них было наличие вертикального выступа, занимавшего порой половину или треть пластины. Благодаря ему данные карнизы было легко сочетать с безрамочными и гладкими стеновыми изделиями (рис. 22: 4, 6, 7, 10, 11).

В румпах этих изразцов имелись глиняные внутренние перегородки, чтобы не было деформаций при их сушке и обжиге⁶ (рис. 22: 4—8; фото 33, 34), они обеспечивали изделиям дополнительную прочность при строительстве печи, когда использовались между ярусами и в цоколе печи. Венчики румп были аналогичны румпам стеновых пластин. Многие изделия имели румпу без венчика, составленную из пластин и частично глазурованную горизонтальную пластину. Последнее могло быть связано со сложной конфигурацией верха печи (рис. 21: 10; 22: 1, 2, 9).

Тенденция классификации карнизов по функциональному признаку, в зависимости от профиля пластины и конструкции румпы, наметилась ещё в XVII столетии. К середине XVIII в. сформировались чёткие критерии отбора изделий разного назначения — это конструктивные особенности румпы, профилировки лицевой пластины и их соединения, характер распределения глазурованного (эмалевого) покрытия. В зависимости от профиля пластины карнизов их можно разделить на цокольные, переходные (между ярусами

¹ Салауёв, 2007а, с. 39. [81—83].

² [78—80].

³ [147—148].

⁴ [1, 142, 144, 145].

⁵ Салауёв, 2007а, с. 37; Салауёв, 2007б, с. 56—57.

⁶ [2, 122].

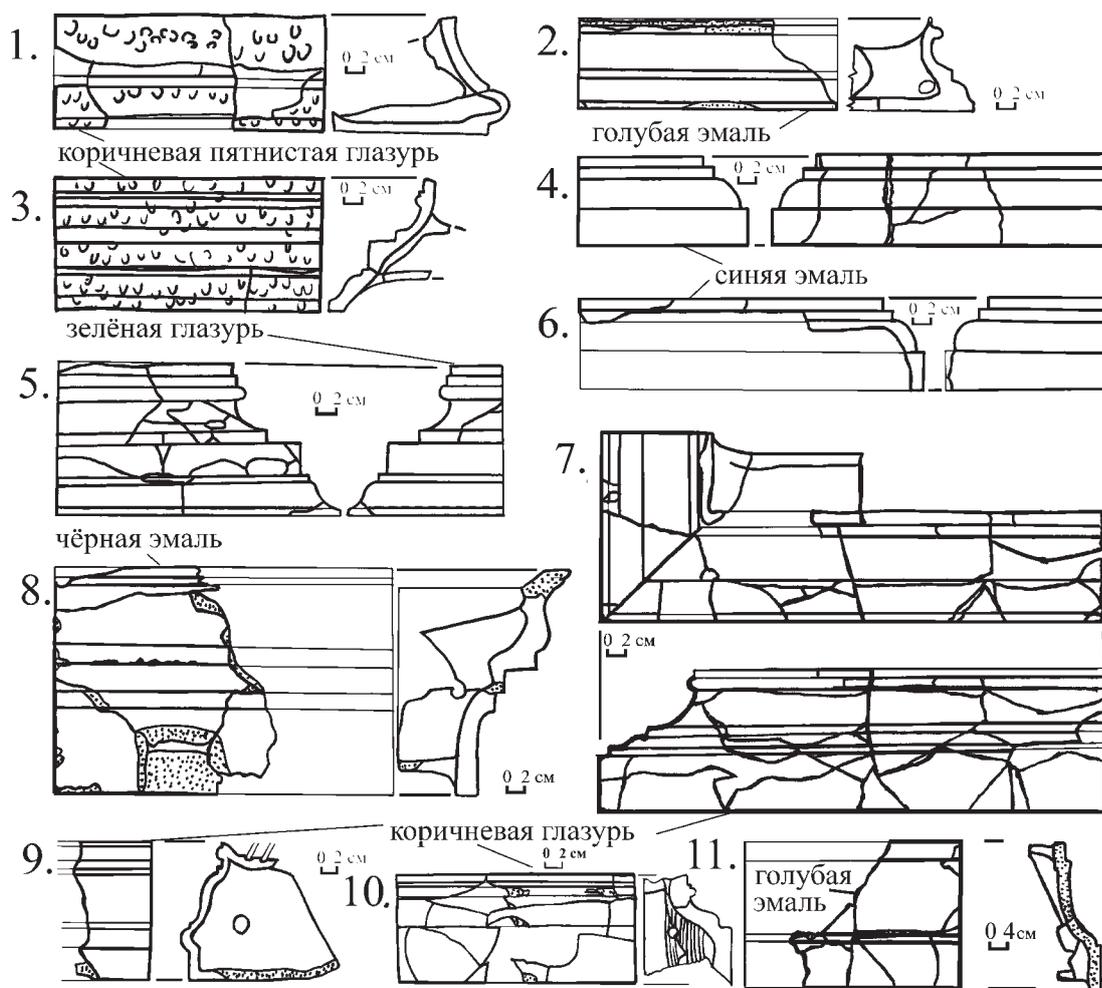

Рис. 22. Крупноформатные карнизные изразцы

1—2 — с «полочками»; 4, 6, 7, 8, 9, 11 — с вертикальным выступом для выкладки венчающих карнизов и цоколей; 3, 2, 4, 7, 10 — с румпой, собранной на гончарном круге; 1, 8, 9, 11 — с румпой, собранной из пластин

печи) и венчающие. Основным признаком цокольных изделий наличие на нижней части (выносе) пластины широкого гладкого выступа, нередко они крупноформатные с дополнительной перегородкой в румпе. Последняя позволяла сохранить изделие от деформации при сушке и обжиге, а при строительстве печи принимала на себя часть давления от изразцового её убранства (рис. 22: 4, 6, 7, 10, 11). У венчающих карнизов, наоборот, гладкий участок лицевой пластины расположен в одной плоскости со стенкой печи или вообще отсутствует. У карнизов¹ данного вида нередко одна из пластин румпы (независимо от её конструкции) может быть глазурованной

на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ ширины и образует своеобразную «полочку». (рис. 22: 1, 2, 9; фото 32, 55). Это связано с тем, что коронки могли устанавливаться на небольшом расстоянии от края пластины для избегания опрокидывания изразца, таким образом, они вместе с заполненной румпой играли роль дополнительного противовеса. Венчающие карнизы также нередко имели незначительный вынос профиля за пределы стенок печи, к тому же, его массу старались компенсировать значительной высотой и массивностью румпы². Такое разнообразие карнизов, имевших различный формат, вынос и профиль лицевой пластины, позволяло применять их для создания надставок и куполов печей самых невероятных очертаний. При этом крупногабаритные изделия играли роль стяжек для всего контура печи.

¹ Карнизы с «полочками» могли изредка использоваться при переходе между ярусами печи. Это позволяло делать неширокие полки над каминами. Изделия с простым массивным профилем были удобны для устройства цоколя печи и установки прямо на её подиум.

² [2].

Наиболее поздний, в рамках изучаемого исторического отрезка времени, образец карниза, найденный нами в коллегиуме, можно датировать началом XIX в.¹ Он был найден в корпусе «В». На его пластине остатки нескольких слоёв меловой побелки. Его лицевая пластина имела большой вынос за плоскость стены печи и была украшена сухариками и геометрическим орнаментом. Размерами он $19,5 \times 17,5 \times 7$ см, на румпе, собранной из пластин, имелась неразборчивая надпись, возможно, дата изготовления: 1826 или 1836 г. (?) (рис. 23).

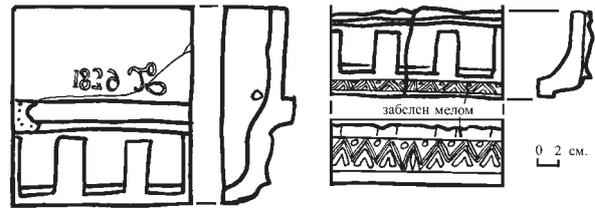

Рис. 23. Карнизные изразцы с надписью

них была со слегка изогнутой лицевой поверхностью и предназначалась для облицовки округлых частей фасадов печи. Размеры их $19,5 \times 10,5$ см (рис. 24: 5).

Фризы

Фризы сер. XVIII — нач. XIX вв. среди находок коллегиума представлены бедно. Самой ранней находкой является найденный в строительном мусоре фриз с растительным рельефным орнаментом и коричневой глазурью. Его можно датировать кон. XVII — 3-й четвертью XVIII вв., т. к. на нём есть затёки белой эмали (рис. 24: 2). Ранние экземпляры, найденные на чердаке корпуса «А», предоставлены зелёными глазурованными безрамочными пластинами с несложным рельефным геометрическим орнаментом размерами $8 \times 22,5 \times 8,5$ см (рис. 24: 1; фото 80). Поздние изразцы представлены фрагментами гладких глазурованных пятнистых и эмалевых пластин (рис. 24: 3, 4). Массивные изделия с белой эмалью обнаружены вместе с изразцами-пилястрами и разновременными карнизными и стеновыми экземплярами. Они были найдены в завале возле дровяной плиты на бывшей иезуитской кухне². Вероятно, они располагались на уровне не сохранившихся баз и капителей пилястр. Часть из

Перемычки

Перемычки выявлены в развалах печей и в завалах изразцов середины кон. XVIII в., они представляют собой пластины с витым орнаментом и крепёжными шипами. Их размеры: $3,5 \times 18,5 \times 6,0$ см. Конструктивные особенности показали, что обычно они ставились между карнизными и стеновыми изразцами надставки печи. Ранние изделия имели более массивные пластины, которые стыковались боковыми гранями с карнизными и стеновыми изделиями, поскольку место соединения шипа и пластины у перемычек имело округлое расширение³ (рис. 24: 6, 7; фото 49, 58, 77, 78, 83, 84). Поздние изделия делались более тонкими, они полностью закрывали швы между изразцами. Шип соединялся с оборотной стороной лицевой пластины под прямым углом, без закруглений⁴ (рис. 24: 8). Это позволяло получить плотный стык перемычек и пластин стеновых изразцов, в отличие от изделий с округлым соединением, эти плотно закрывали швы между стеновыми-

¹ [151].

² Салауёў, 2007а, с. 37; Салауёў, 2009а, с. 317.

³ Салауёў, 2007а, с. 39.

⁴ Салауёў, 2007б, с. 70: мал. 11.

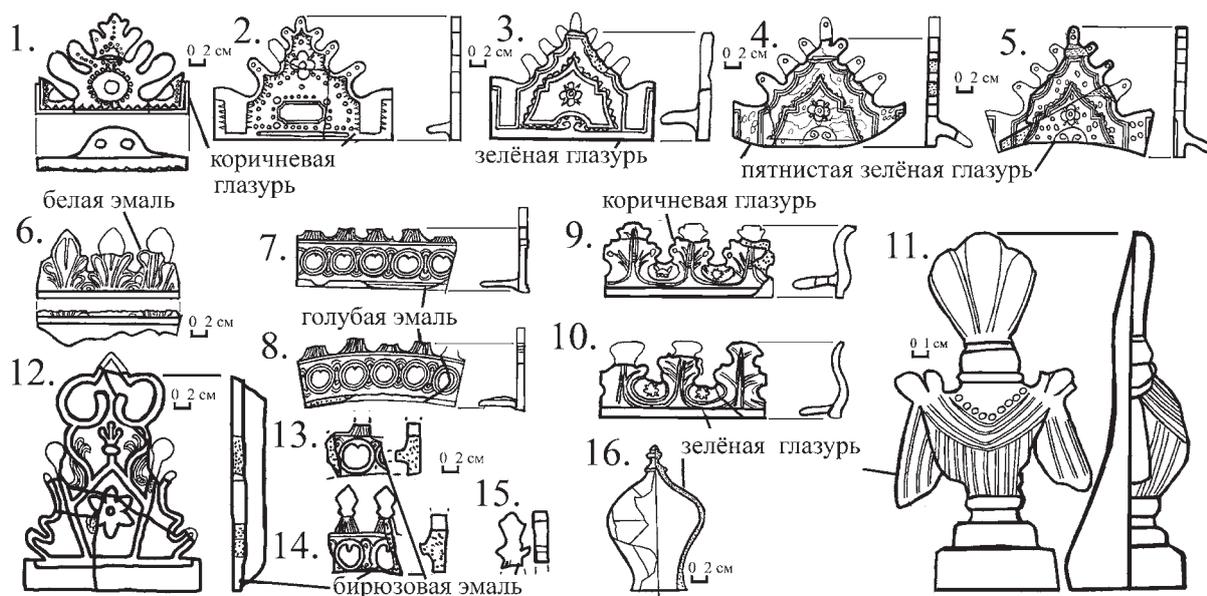

Рис. 25. Изразцы-навершия

1—5, 12 — в форме диадем; 6, 8, 10, 13—15 изразцы в виде коронок; изразцы в виде городков; 11 — навершие в виде урны; 16 — куполок

ми пластинами. Данные изделия отличались так же от остальных и составом формовочной массы: она была жёлтой и на изломе — алой. Тем самым она была схожа с материалом изразцов XIX—XX вв. (фото 49).

Навершия

Навершия в коллекции изразцов XVIII в., собранных при изучении коллегиума, представлены очень разнообразно. Так, например, были обнаружены фрагменты куполок. Один из них удалось полностью отреставрировать. Аналогичные изделия хорошо известны по исследованиям Заславля. Полоцкий экземпляр в отличие от них имел профилированное завершение¹ (рис. 25: 16; фото 50, 80). У изразцов, найденных в коллегиуме, глазурованными были только их верхние части, видимые, если смотреть снизу на верх печи. Среди находок встречались завершающие коронки в виде трёхлепестковых пластин (рис. 25: 6, 9, 10) и лучистых диадем (рис. 25: 1—5, 12; фото 51—53), городков, зубцы которых напоминали башни (рис. 25: 7 и 8). Все изделия имели рельефный растительно-геометрический орнамент. Некоторые из них (коронки диадемы) были украшены небольшими медальонами и щитами в восьмиугольных и круглых рамках. Большинство изделий в качестве крепежа имели шип (язычок) в нижней части пластины, иногда он был с отверсти-

ем. При установке он зажимался сверху либо массивом глины, либо кирпичом, либо черепицей. Исключением стала диадема с бирюзовой эмалью. У неё была румпа, собранная из пластин и усиленная перегородкой, и по составу теста диадема имела оттенки от желтого до алого на изломе черепка (фото 52, 61). Торцы и нижние кромки некоторых коронок, городков и диадем иногда имели специальную сложную обрезку по лекалу, сделанную по сырой глине. Такими изделиями можно было украшать фигурные фронтоны главных фасадов печей² (фото 53).

Необычно в коллекции наверший выглядели изразцы в виде ваз с султанами и лентами посередине (*akroterion*). Они напоминали погребальные урны. Эти изделия могли употребляться как в качестве наверший по углам печи, так и для закладки горизонтальных щелей между стенными гладкими изразцами. Для этого сзади на них имелся крепёжный шип, как у изразцов-перемычек, но в отличие от последних он занимал только их нижнюю часть³. В итоге эти изделия можно было устанавливать таким образом, чтобы его верх выступал над фризом (аттиком?) или карнизом печи (рис. 25: 11).

В мусоре под полом конюшни были найдены фрагменты **изразца-фронтона** (*naczótek*). По ним приблизительно можно восстановить его очертания: это было огромное изделие

¹ Заяц, 1990, с. 31; Салауёў, 2009а, с. 84, 93: мал. 6.

² Салауёў, 2008, с. 84. [1, 67, 81—84].

³ Салауёў, 2008, с. 84. [85; 86].

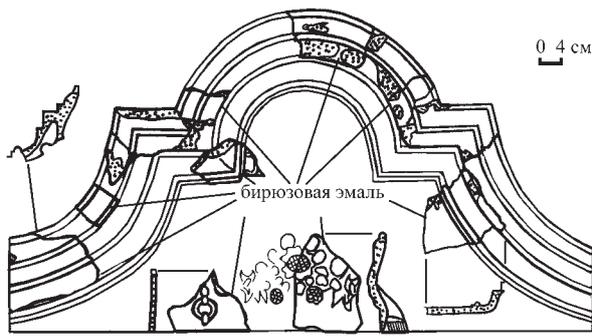

Рис. 26. Графическая реконструкция изразца-фронтонна на основе найденных фрагментов

длиной ≈ 1 м и высотой 0,52 м. На лицевом поле имелся накладной барельефный орнамент в виде гирлянды. Подобное изделие позволяло обеспечить фиксацию изразцов всего главного фасада и повышало прочность печи (рис. 26). Сверху фронтон завершал профилированный карниз, который соответствовал обычным карнизным изразцам (рис. 22: 3, 4; 27: 3, 4; фото 56). Последние устанавливались симметрично с двух его сторон. Формовочная масса фронтонна так же отличалась от остальных и была алой (фото 54, 62).

Как и в минувшем XVII столетии проблема совмещения рядов из разноформатных изразцов на одном фасаде печи требовала со стороны мастера, изготавливавшего изразцы (он же часто и печник), большого внимания. Иногда случалось так, что только-только обожжённый изразец имел затёки и капли глазури на кромках или его стороны были неровные, между ними не был выдержан прямой угол. Такое коробление случалось при неравномерной сушке и усадке сырого изделия, но при строительстве печи изразец обычно не подтесывали к нужному размеру, поэтому вопросы несовпадения длины изразцовых рядов мастера решали несколькими способами.

Во-первых, небольшая разница в длине рядов компенсировалась равномерной расстановкой изразцов в зеркале печи. Ширина швов между изразцами достигала 1,5 см.

Во-вторых, при изготовлении изразцового комплекта печи мастер, как и ранее, специально изготавливал **надрезанные пластины (или вкладыши)** (рис. 27; фото 55, 56). Это было обусловлено особенностями состава их глиняного теста, которое в XVII—XVIII вв. мало чем отличалось от теста, предназначенного для изготовления посуды. Наличие в нем примесей крупного песка или камней, неоднородность глины исключали возможность получения при раскалывании ровных швов в нужном месте. Находки обрезанных

изразцов XVIII в. показали, что это были в основном карнизы. Некоторые из них имели по несколько надрезов на лицевой пластине (рис. 27: 2).

Исключением среди обрезного изразцового материала коллегима является только большемерный карниз с ретушью возле скола на лицевой стороне (рис. 22: 4). Его кромки не имеют следов фуговки¹, как более поздние экземпляры кон. XIX — нач. XX в.

Первые эксперименты с формовочной массой начинаются в последней трети XVIII в., это связано с появлением фаянса и модой на него. Изменение состава сырья требовали и технологические особенности производства крупноформатных изделий (не исключено, что они привозные). Таким образом появляются изразцы, которые имели черепок от жёлтого до алого цвета (рис. 22: 9; 24: 8; 25: 12; 26; фото 49). Только после перемен в технологии изразцового производства со 2-й полов. XIX в. надрезка изразцов постепенно прекращается.

Основные цвета глазурованных изразцов XVIII в. — это оттенки зеленого, коричневого, синего и белого. Теперь кроме традиционных зелёных изразцов широкое применение находят и другие цвета. Оттенки синего и голубого получали на основе кобальта, цвета от тёмно-коричневого до чёрного — на основе марганца, на основе цинка — молочно белый. Среди найденного глазурованного кафеля было много полихромных изделий. Отделка пластин носила двухцветный характер и производилась двумя способами: как применением разноцветных глазурей, так и путём сочетания их с полупрозрачными и глущими эмалями².

Так, например, угловые изразцы с розеткой и балясиной были чёрно-белые: сама балясина — белая, половина стеновой пластины — чёрная. Также найден кусок бело-синего расписного изразца с медальоном в барочном обрамлении. Это изделие имеет точный аналог в материалах Витебска. Так же во время шурфовки корпуса «Ж» было найдено

¹ Мастера в начале XX в. обычно делали на поверхности изразца, по линии будущего шва, несколько глубоких царапин, затем он надкалывался, изломы фуговались. Особенно это заметно на карнизах, фризах и стеновых изделиях печного набора, обнаруженного при изучении подполья дома № 15 по ул. Толстого. Так же в печном наборе из 1-го десятилетия XX в. корпуса «В», на стеновой пластине хорошо видна надрезка эмали. Оба печных набора изготовлены на изразцовых заводах Витебска (Соловьёв, 2004, с. 68, 77; рис. 7: 1, 2, 7).

² Здановіч, 1993, с. 72.

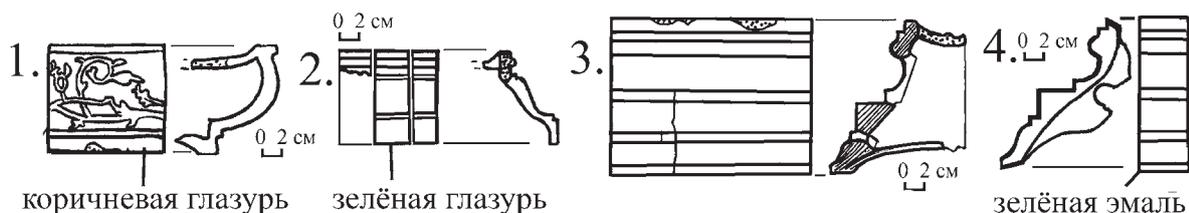

Рис. 27. Надрезанные карнизные изразцы (обрезные или вкладыши)

много изразцов-перемычек с витым орнаментом, расписанных синей или голубой эмалью по белому фону. На них были затёки темно-зелёной глазури, которые образовались во время их обжига в горне (фото 35, 36, 57, 58, 78).

Кроме того, полихромия более поздних безрамочных, поздних рельефных и гладких изделий достигалась нанесением светлой эмалью пятен и затёков по тёмному фону глазури. В основном по коричневому, либо зелёному фону наносились белые либо жёлтые затёки и пятнышки, возможно, это была попытка имитации мрамора¹ (рис. 19, 4, 13; 20: 1, 4, 5; 22: 1, 3; 24: 3; 25: 1, 4, 5; фото 39, 41, 42, 45, 46, 48, 53).

Распространение гладких штампованных однотонных зелёных, коричневых, белых эмалированных и терракотовых гладких лицевых пластин привело к тому, что в России их всё чаще стали называть кафелем.

В строительных отчётах и описаниях, посвящённых коллегиуму, кафелем названы массивные, покрытые глазурями и эмалями половые плитки XVIII в, украшавшие пере-

крытия каналов над «тёплыми полами» в трапезной и «двойных комнат».

Изделия, найденные в трапезной корпуса «Б», сочетают в себе массивность половой плитки и низкую румпу, характерную для изразцов. Они имеют голубое и белое эма-

Рис. 28. Изразцы-гибриды от «тёплого пола»

левое покрытие и истёртую ногами лицевую поверхность. Их реконструированные форма и размеры очень близки к найденным в подсыпке корпуса «З» половым плиткам. Данные изразцы-гибриды были квадратной и ромбовидной формы, вероятно, они предназначались для ремонта перекрытия каналов «тёплого пола», проведенного скорее всего в нач. XIX в. (рис. 28; фото 59).

В XIX в. полностью изменился состав сырья из которого изготавливали изразцы (теперь их можно было раскалывать без значительных надрезов и прифуговывать их смежные стороны, при этом швы между пластинами достигали 5 мм). Черепок на изломе стал однородным: от жёлтого до алого цвета. Начинается стандартизация размеров изразцов, уменьшается высота и профиль румп. Кстати, последнее обстоятельство привело к переменам и в конструкции печей. На 1-е место выходит декоративная функция изразцов (кафеля). Теперь изразцы обретают чисто декоративную функцию, а печь строится целиком из кирпича. В связи с этим для крепления изразцов к стенкам печи с XIX в. начинают использоваться проволока, крючки, гвозди и скобы, которые довольно часто находят в развалах печей XIX — нач. XX вв.

¹ Среди изразцов, датируемых концом XVIII в. и найденных на территории бывшего полоцкого коллегиума, нами не обнаружено «голландских» малоформатных изделий с многоцветным растительно-геометрическим орнаментом. Большинство таких находок были сделаны П. А. Русовым и автором в 1995—1997 гг. при раскопках дома генерал-губернатора, первоначально построенного в 1780 г. к приезду российской императрицы Екатерины II. Единичные их фрагменты найдены на ул. Нижне-Покровской в районе домов 33 (домик Петра) — 35 и на ул. Толстого 15. Больше в городе они нигде пока не встречались. Данные изделия были привозными и использовались только в декоративных целях: для облицовки кирпичной основы (стенок) печи. Их румпы низкие, собраны из пластин. Их аналоги есть в материалах Витебска (найжены под полом в ратуше) (Чарняўскі, Цішкін, 1987). По строению рисунка стеновых изделий они близки к ковровому орнаменту. В обоих случаях эти изразцы присутствуют в небольших количествах и найдены в развалах и подпольях тех зданий, в которых располагалась российская администрация. Таким образом, их появление может быть связано с установлением новой власти после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. и перестройкой зданий. Сами же изразцы привезены из России.

ПЕЧИ ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА ДО СЕРЕДИНЫ XVIII в.

На основе выявленных технологических и художественно-стилистических признаков орнаментов, цвета глазурей и эмалей найденных нами изразцов, можно было частично, либо целиком, реконструировать несколько печных наборов XVII—XVIII вв.

Во время исследований коллегиума нами было найдено около десятка развалов разновременных печей. Самые ранние их остатки относятся к деревянным и каменным корпусам «скромного коллегиума» (XVII в.). В то время на смену прямоточной конструкции распространилась новая конструкция печей — камерная.

Согласно археологическим исследованиям прямоточная система отопления была широко распространена в древней Руси с XI в. Целые печи подобной конструкции хорошо известны по материалам раскопок на территории Украины. Там в полуземлянках и землянках они нередко вырезались в останцах материковой глины. В наземных постройках печи делались из глиняных вальков или складывались из камней на глине или на деревянном каркасе, который потом выгорал. Это были четырёхугольные или круглые сооружения со слабо выраженной L-образной в продольном разрезе топочной камерой (имела боковое устье и отверстие в своде для выхода дыма и установки горшка или жаровни)¹.

В Полоцке жильё было наземным, поэтому здесь целых печей археологами не обнаружено. Обычно при раскопках выявляют их опечки и развалы камней и глины разной степени сохранности. В этой связи уникальной находкой стала глинобитная печь, обнаруженная Г. В. Штыховым. Кроме деревянного опечка ему удалось зафиксировать нижнюю часть стенок и полукруглого свода топки².

Скорее всего, свод наземных печей устраивался на основе опалубки из лозы или дерева, которые потом вынимались и выжигались. Каркас из лозы мог делаться в виде обычной корзины. Или поступали так: на под будущей печи укладывали связку из обломков расколотых плах и брёвен, ориентированных по ее продольной оси. Делалось это с таким расчё-

том, чтобы их можно было легко извлечь, не тревожа собственно печь. После этого вязанка обмазывалась глиной. Спустя некоторое время, когда печь подсыхала, дерево вынималось, и топка освобождалась от этой своеобразной опалубки.

Вероятно, таким же образом возводились и первые изразцовые печи во дворце княжеского наместника на Верхнем замке. Самая ранняя из них датирована 1304 г. Грубые горшковые изразцы просто вмазывались в массив глиняных стенок и свода печи устьем наружу и работали как калориферы, первыми прогреваясь при эксплуатации печи. Она так же была прямоточной со слабо выраженной L-образной в продольном разрезе топочной камерой (боковое отверстие и верхнее в своде для выхода дыма). В отличие от более ранних она обогревала не только помещение, в котором располагалась, но и верхние этажи дворца.

Прямоточную систему имела так же печь, найденная Д. В. Дуком в 2003 г. Им была расчищена кирпичная кладка полного контура её стенок с габаритами 0,8×1,1 м и остатками кирпичного пода. По габаритам она практически не отличалась от глинобитных. В её стенки были вмурованы изразцы, представленные мелкими обломками. На основе материалов Д. В. Дука нами была сделана её реконструкция: углы сооружения и устья топки были обвязаны кирпичом, топочный свод был из печной дуги, найденной там же, значительное вытягивание печи по продольной оси было необходимо для улучшения тяги, этой же цели служило и её купольное завершение. За счёт всего этого и контур печи, и продольный разрез топки приобрели ярко выраженное L-образные очертание. Исходя из этого мы полагаем, что при её строительстве мастерами могла также устраиваться опалубка из лозы или дерева, особенно при возведении её куполка. На применение деревянного каркаса косвенно указывает находка развала печи кон. XV — 1-й полов. XVI вв. возле Домика Петра I. Среди обломков изразцов нами были обнаружены куски печных стенок, один из которых принадлежал её гранённому шатровому завершению. Толщина его была ≈ 8 см, обе стороны гладкие, что может

¹ Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 138.

² Штыхов, 1975, с. 46, рис. 23: 4.

указывать на применение опалубки при строительстве¹.

Следы применения опалубки прослеживаются в архитектонике готических и ренессансных полоцких печей кон. XV — 1-й пол. XVI в., у которых вместо конического или полукруглого купола с дымовым отверстием появляется квадратная или круглая в плане надставка. Эти виды надставок непосредственно связаны с появлением первых коробчатых изразцов, которые использовались как единичными вставками, так и цельными рядами. В связи с этим с некоторой осторожностью можно предположить, что с этого времени появляются и первые камерные печи.

Поскольку как надставка, так и топка, представляли собой полости, то при их изготовлении так же возникала необходимость устройства плетёной из лозы или деревянной временной опалубки для избежания усадок и деформаций печи при сушке.

Ливонская война прервала дальнейшее развитие гончарного и печного дела в Полоцке. Многие ремесленники были вывезены или погибли. Начавшееся после отвоевания возрождение Полоцка в целом, и гончарного дела в частности, шло за счёт притока новых жителей как из ближайших городов, так и окрестных деревень. С этого времени начинается распространение камерных печей из коробчатых изразцов. В связи с этим, печи с прямоточной системой отопления в инвентарях начала XVII в. называются «старыми», и нередко противопоставляются новым, камерным, т. е. колпаковым.

Главное отличие камерных печей от прямоточных — деление надставки перегородками на жаровые колодцы (при её больших размерах) и расположение дымового отверстия не в своде печи, а вблизи топки. В то время, по наблюдениям М. Дамбровской, основанных на изучении материалов Польши, была сформирована конструкция предпечья, состоявшая из топочного проёма (*czeluscia*) и небольших помещений, скорее всего печных проёмов (*komorki, sionki*). Большие размеры печных проёмов были обусловлены необходимостью свободного доступа человека к устью топки и спецификой отопительных работ. Дело в том, что для улучшения доступа кислорода к дровам последние укладывали не прямо на под, а на специальные железные санки (*sanki*) — приподнятую на полозках решётку, которую задвигали в топочный проём. Данное обстоятельство привело так-

же к тому, что высота топки, по наблюдениям польских исследователей, должна была быть не менее 0,65 м². При этом со стороны помещений топка, как и сам печной проём, имели железные, реже деревянные, дверки которые обеспечивали к ним доступ. Они соединялись с дымоходами (*kominami*), расположенными в толще несущих стен или пристроенных к ним. Нижняя часть дымоходов расширялась и переходила в печной проём и поэтому, по описаниям могла использоваться для приготовления пищи или в качестве камина (*kominek do gotowania, z którego sie w piecu pali*) там же находились. Из-за наличия дверок они походили на шкафы (*kominkow szafiastych dwa*). Сами же дымоходы первоначально устраивали в наружных стенах зданий. Доступ к ним обеспечивали сени или открытые с улицы галереи и балконы, устроенные на фасаде, если это был верхний этаж. С XVII в. дымоходы и печные проёмы устраивали во внутренних стенах, доступ к ним обеспечивали со стороны второстепенных по важности помещений (для полоцкого иезуитского коллегияма XVII—XVIII вв. — это сени или коридоры корпусов «А», «В», «Г»)³. Таким образом, горячий воздух прогревал не только печи, но и кладку внутренних стен зданий. По наблюдениям польских исследователей (Марии Дамбровской, Агниевки Лашкиевич) в большинстве случаев печи кирпичных стенок не имели. Толщина стенок и скорость их прогрева зависела от высоты румп изразцов и оформления углов печи. Прочность и надёжность стенок надставки и топки обеспечивалась за счёт подбора их изразцов таким образом, что стеновые изделия с высокой румпой располагали на уровне топки. При этом их высокие румпы заполняли глиной с кирпичным боем. Изразцы, встроенные в надставку, наоборот имели румпы ниже. При нагреве наиболее проблемными участками печи были углы. Нередко неравномерный нагрев и усадки, повторявшиеся при многократной эксплуатации, приводили как к разрушению отдельных угловых экземпляров из-за их отдалённости от огня и большей массивности, так и обветшанию печи в целом. Решалась эта проблема двумя способами. При первом — угловые изразцы на уровне топки могли не заполнять глиной, чтобы ускорить их прогрев. При этом они, по наблюдениям белорусского археолога Н. И. Зданович, работали как «тепловые окна», которые первыми начинали передавать тепло в помещение.

² Łaskiewicz Poznan 1997 c. 90.

³ Dąbrowska, 1987, s. 159—160.

¹ Соловьёв, 2012б, с. 310.

Во втором случае, по мнению польских исследователей, для получения стенок равномерной толщины угловые изделия изготавливали с вогнутыми нишами, завершавшимися «конхами». Таким образом, слабо нагреваемый участок ликвидировался и лицевая поверхность изразцов приближалась к внутренней поверхности стенок печи¹. Столь оригинальное решение этой проблемы расширяло и художественные возможности убранства печи. Скошенные или вогнутые углы зрительно делали её менее массивной. Поэтому такой приём украшения особенно широко применяли при возведении надставок, которые нередко были значительно выше огневого яруса (топки). Если печь полностью выкладывалась из кирпича, необходимости в устройстве временных каркасов из лозы и дерева не было. Иногда топка изразцовой печи имела кирпичную основу, а верх был на глине. Поэтому для устройства надставки приходилось делать опалубку. При этом, если в надставке имелось несколько жаровых колодцев, мастерам приходилось устанавливать по несколько опорных каркасов. Постепенно каркасы из лозы вышли из употребления и были заменены разборными деревянными каркасами, которые представляли из себя связку колотых плах, между которыми заводились клинья. Последние вставлялись с таким расчётом, чтобы их после просыхания печи можно было вынуть и затем выбрать по доске всю вязанку. При строительстве надставки связанные доски устанавливали вертикально клиньями вниз с таким расчётом, чтобы их можно было вытащить (внутренне пространство большинства печных топок и размеры топочных проёмов позволяли залезать туда даже человеку). После этого связку восстанавливали и вновь использовали при строительстве печей. Кроме того, для устройства перекрытий жаровых колодцев надставок и небольших проёмов топок могли использовать черепицу.

По количеству камер польские исследователи разделили камерные печи на *jednoskrzyniowy dwuyskrzyniowy* и *trzyyskrzyniowy*². Однокамерные печи обычно топилась из того помещения, в котором располагались, внешне они представляли собой объём, который завершался сверху и снизу

рядами карнизных изразцов. Двух- и трёхкамерные печи имели ярко выраженные объёмы надставки и базы, разделённые карнизами. Устье топки такой печи часто выходило в смежное помещение (например, сени). При этом сама топка располагалась в нижнем «огневом» ярусе печи (базе) и имела прямоугольную форму. Так же топка могла быть связана с камерой (камерами) дымоходами. При этом, она могла быть встроена в стену здания или представлять собой третий дополнительный объём и выполнять роль камина соседнего помещения. Надставки подобных печей были в основном квадратные, реже — цилиндрические или восьмигранные³. Между надставкой печи и стеной с дымоходом по наблюдениям Агниевки Лашкиевич всегда имелся запечек шириной $\approx 24,5$ см. Высота печи не превышала $\frac{2}{3}$ высоты помещения, в котором она размещалась⁴.

Большинство найденных нами остатков печей принадлежат существующим зданиям. Наиболее популярными были «грубки» (голландки (?)) квадратные, либо прямоугольные в плане камерные сооружения. Такие печи хорошо известны по этнографическим данным но самые старые из них относятся к XIX — нач. XX вв. По наблюдениям О. Н. Левко они имели два дымохода, соединявшие топку с камерой печи. Один из них для входа дыма, другой для выхода в трубу⁵. Топка могла располагаться в нижней части (базе) печей. Их топочный проём с трубой и дымоходом часто находились в смежном помещении или были вмурованы в стену каменного здания. Так же топка могла быть пристроенной отдельным объёмом, при этом могла быть полностью глиняной или кирпичной. В главном помещении находилась только изразцовая часть печи. Внешне она могла выглядеть как сложное сооружение с многочисленными карнизами, но чаще посредством карнизов она была разделена только на два яруса и была *dwuyskrzyniowa*. Редкие находки мисочных изразцов в печах свидетельствуют о том, что изразцовые печи коллегима были целиком составлены из коробчатых изделий. Мисочные изразцы могли размещаться единичными вставками в сводах и на второстепенных фасадах печи на уровне топки. Это позволяло снизить тяжесть сооружения и одновременно улучшить и ускорить теплоотдачу с момента растопки. Последнее обстоятельство привело к тому, что они долго

¹ Dąbrowska, 1987, s. 156—158, 165; Łaskiewicz, 1997, s. 89

² Одно- и трёхкамерные печи были большой редкостью, наиболее поздние из них известны по материалам XVIII в. среди сохранившихся или восстановленных так называемых «гданьских» печей (*Barbara Pospieszna, 2007, s. 172*).

³ Зданович, 2005, с. 46—47; Dąbrowska, 1987, s. 62.

⁴ Łaskiewicz, 1997 s. 90, 91.

⁵ Левко, 1992, с. 45.

сосуществовали в печах XVII в. с коробчатыми изразцами¹. В зависимости от формы устья мисочные соответственно встраивали вместе в один ряд с коробчатыми экземплярами, которые имели квадратную, либо прямоугольнуюлицевую пластину.

При изучении корпуса «З», построенного к 1780 г., найдены также остатки проёмного щитка, либо «стеночки», расположенной в специальном проёме стены. Эти печи были распространены меньше, чем «грубки»².

В Белоруссии задвижка в трубе применяется с XVI в. и фиксируется на проектных рисунках пекарских печей того времени, исполненных Богуславом Радзивиллом³. Особенность обнаруженных остатков печей полоцкого коллегиума — отсутствие следов применения задвижек у печей XVII—XVIII вв. скорее всего, они были уничтожены при многочисленных перестройках его зданий.

Печи конца XVI—1-й четверти XVII вв.

Исследования территории и зданий коллегиума не позволили обнаружить остатков первоначальных корпусов и развалов их печей. Единственное, что указывает на их существование, это изразцы, включённые в состав более поздних печных наборов. Большинство найденных нами материалов было сконцентрировано в корпусе «В», в развалах каменного корпуса «скромного коллегиума» (рис. 29). Для орнаментов их пластин характерны ренессансные мотивы, крупный рельеф и незначительное количество мелких деталей⁴. На основе стилистических особенностей орнаментов найденных изразцов, оттенка и цвета их глазурей можно попытаться частично реконструировать состав печных наборов кон. XVI—1-й четверти XVII вв.

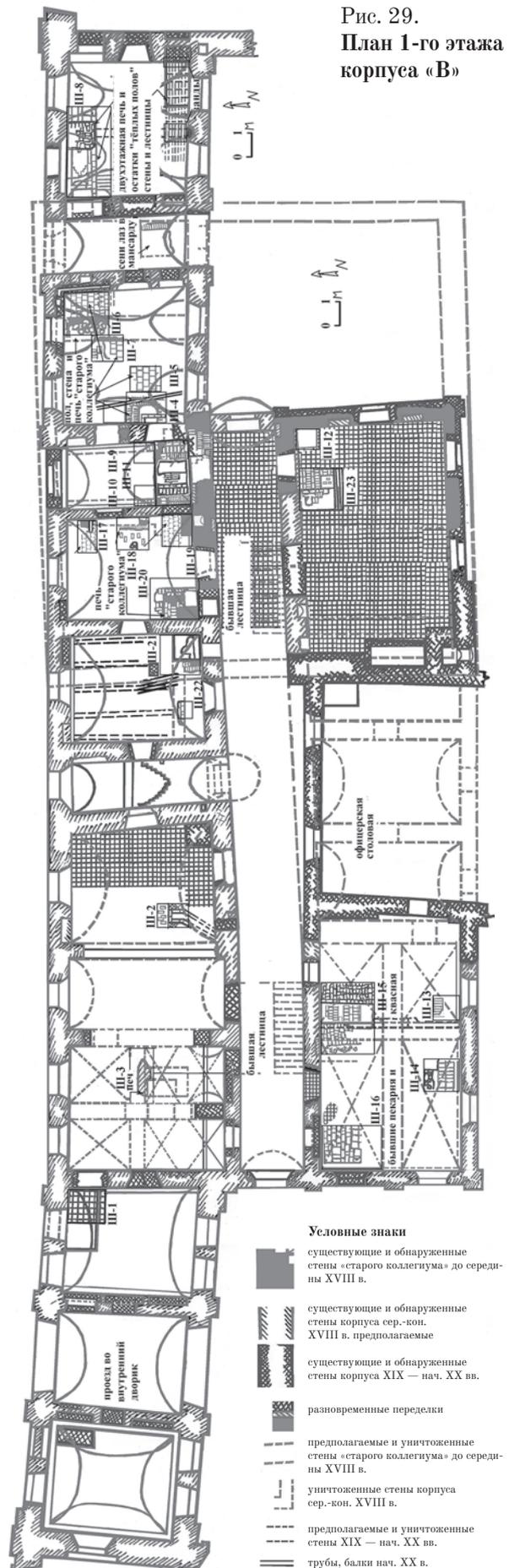
Так, один из наборов включал в себя изделия с тёмно-зелёной глазурью, в его состав могли входить коронки с бараньими головами (?), карнизы с изображением вазы с цветами и растительного орнамента, фризы с изображением путти. Стеновые изделия данного набора могли быть представлены пластинами с четырёхсторонней (мотивы «кованого металла») симметрией с угловыми нишами и конхами (фото 3, 4, 14, 17). Сопоставление рядов изразцов показало, что ширина швов могла достигать 1 см, максимальная длина стенки печи могла доходить до 1,5 м, на

¹ АБ, 2001, с. 346.

² Левко, 1992, с. 45.

³ Трусаў, 1990, с. 115; Габрусь, 2012, с. 64.

⁴ АБ, 2001, с. 334.

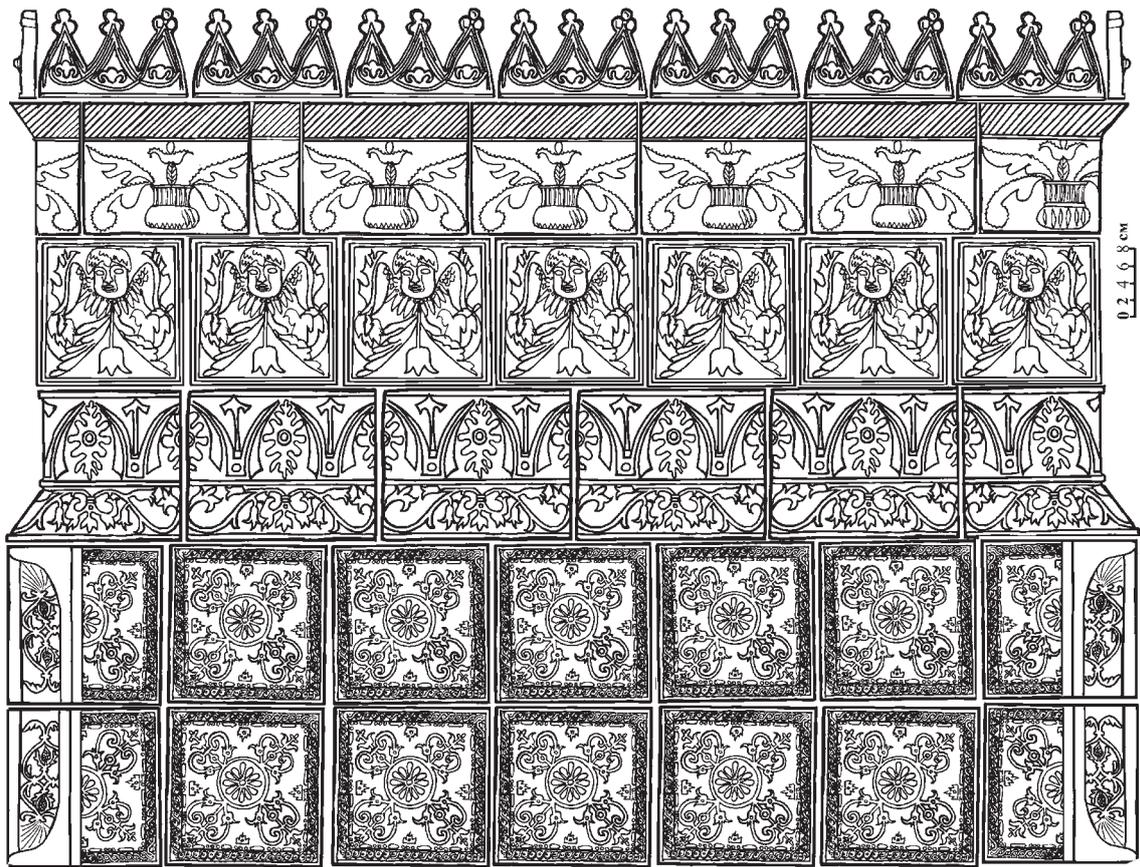

Рис. 30. Вариант частичной реконструкции печного набора конца XVI—1-й трети XVII в.

основе данных материалов, стало возможным реконструировать вероятный облик верхней части печи (рис. 30). Данный набор можно датировать кон. XVI — 1-й третью XVII вв. Позднее, вероятно, в него могли быть включены изразцы с гербом Друцких-Соколинских. В данном наборе не хватает только карнизов нижнего ряда, которые могут иметь изогнутую или двухчастную пластину.

Следующий набор так же частично сохранился. Изразцы его имели тёмно-зелёное глазурованное покрытие с патиной. Этот набор, более поздний, выявлен в прослойке глины и в слое земли на глубине 0,5 м под просевшим плиточным полом одной из комнат каменной библиотеки «скромного коллегиума» и относится ко 2-й четверти — сер. XVII в. — времени появления первых иезуитских деревянных корпусов на кирпичных фундаментах и подвалах (рис. 29, Ш-5 (врезка)). Остатки одного из них были включены в состав каменного здания «скромного коллегиума» при строительстве, которое было начато после пожара 1682 г. (рис. 29) ¹.

В его состав входили мисочные изразцы, вероятно, расположенные на уровне топки. Коробчатые изразцы представлены стеновыми пластинами с изображениями розетки и орла, карнизы — фрагментами изделий двух видов, которые были реконструированы на основе аналогичных изделий из этого же корпуса, найденных в развале более поздней печи. Они украшены растительными орнаментом (фото 14, 16, 19). Большинство изделий имеют общие элементы декора, в котором мотивы «кованого металла» (в виде круглых заклёпок) уже сочетается с элементами растительного орнамента (рис. 31: 1).

Сопоставление рядов разнотипных изразцов реконструируемых наборов № 1 и 2, объединенных по цвету глазури, стилистическим особенностям орнамента и устройству румпы (если она сохранилась на полный профиль), позволило выяснить, что при допуске максимальной ширины вертикальных швов до 1 см они хорошо укладываются в отрезок длиной $1,35 \pm 0,05$ м. Это позволяет считать, что данный отрезок может соответствовать максимальной длине одной из стенок первоначальных печей коллегиума, для которых были приготовлены данные комплекты.

¹ Соловьёв, 2012в, с. 24.

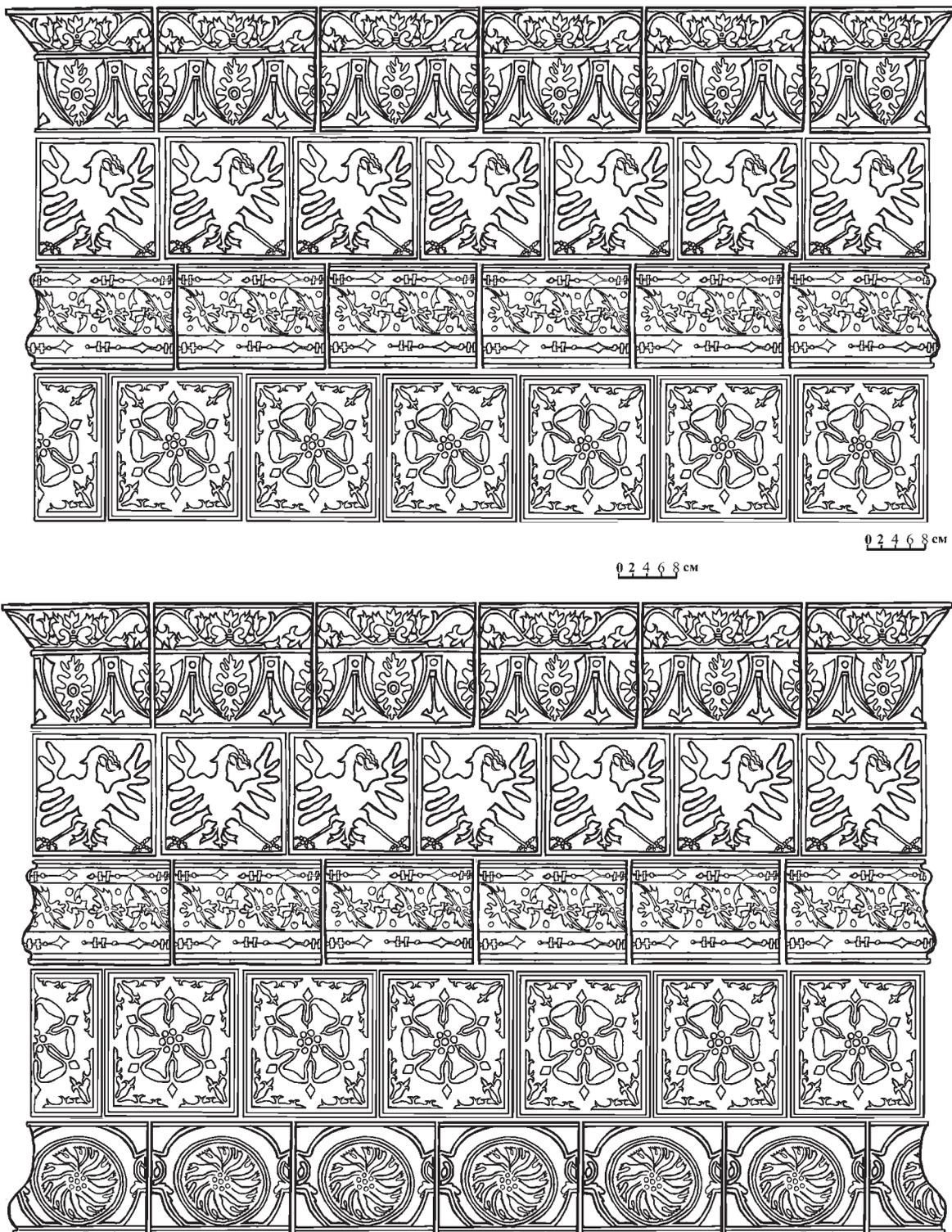

Рис. 31. 1 — вариант частичной реконструкции печного набора 2-й четверти — середины XVII в. из под пола «скромного коллегиума» конца XVII в.; 2 — вариант частичной реконструкции 3-го подобного печного набора 2-й четверти — середины XVII в. выделен из завала изразцов вторичного использования для убранства печи «скромного коллегиума» конца XVII в.

Третий набор мог включать в себя стеновые изразцы с изображениями розетки и изогнутые карнизы с розеткой в виде василька и мотивами обрамления в ковровом стиле. Не исключено, что это две части одного набора

печи, построенной в середине XVII в. и разрушенной в годы войны (1654—1667 гг.). Потом уцелевшие изразцы из развала выбрали и использовали вновь для печи библиотеки «скромного коллегиума» (рис. 31: 2).

Остальные найденные нами изразцы того времени увязать с указанными выше наборами или между собой невозможно.

Печи 2-й четверти XVII – 1-й половины XVIII вв.

Самые ранние из обнаруженных развалов печей можно отнести к зданиям «скромного коллегиума», отстроенного после русско-польской войны 1654—1667 гг.

Археологом ПГУ Д. В. Дуком в 2001 г. обнаружено четыре развала печей, они принадлежали одной из деревянных построек «скромного коллегиума», которая стояла в саду, но наиболее полно сохранилась только одна из них¹.

Развал данной печи был ориентирован по линии север-юг. Фундамент представлял собой глиняную подушку, в которую в качестве наполнителя были добавлены небольшие камни, куски кирпича и гончарных форм для изготовления стеновых «ковровых» и карнизных «аркатурных» изразцов. От базы печи сохранился осевший фрагмент кладки юго-западного угла толщиной в половину кирпича.

Скорее всего Д. В. Дуком был найден фрагмент кирпичной облицовки подиума, на котором возводилась печь. На одном уровне с ней расположены находки обломков гончарных форм, кирпичей и камни забутовки подиума. Выявленная кирпичная кладка являлась опорой под изразцовый панцирь и стенки топки печи. Площадка подиума представляла собой кирпичную вымостку, окраины и углы которой обвязывались целым кирпичом, а середина забутовывалась обломками. Она же была поверхностью пода топки. Изразцовая круглая печь на аналогичном подиуме высотой в 3—4 ряда кирпича от пола была сфотографирована в 40-х гг. XX в. в одном из монастырей г. Слонима. Позднее эта фотография была опубликована О. А. Трусовым.

Чаще всего в деревянных зданиях подиумы под печи имели каменную или смешанную облицовку. Если же печь ставилась на деревянном перекрытии, то её поднимали на деревянные или металлические ножки. Если всё же делался кирпичный или глиняный подиум, его тяжесть значительно облегчалась и распределялась за счёт устройства арок. Именно на этой основе проводилась реконструкция печей Мирского замка XVI—XVII вв.

Найденная кладка выполнена в системе «ложок — тычок — ложок», по наблюдениям Д. В. Дука, короб печи был в плане близок к квадрату со сторонами $0,92 \times 1,11$ м. Топ-

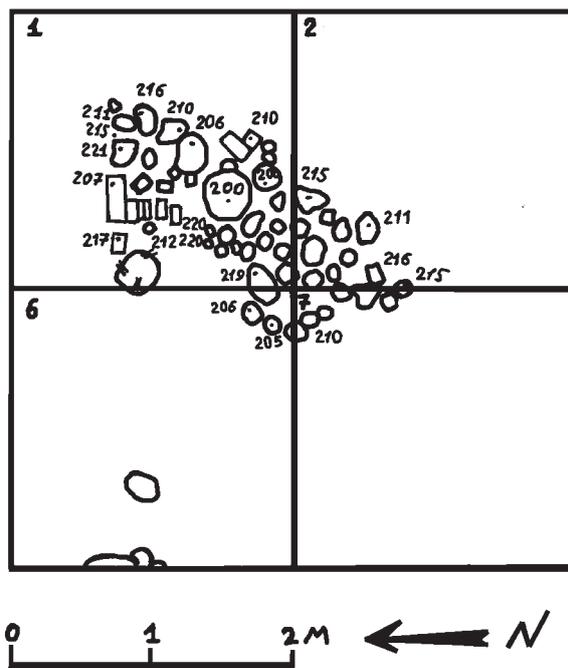

Рис. 32. Северная часть раскопа 2001 г. с развалом печи
Прорисовка фрагмента плана
из отчёта Д. В. Дука

ка с трубой примыкала к нему с юга, на их месте были найдены куски пережжённого и деформированного кирпича (рис. 32). Они могли быть как в основе топки, так и в составе её стенок. Изразцовый набор состоял из «иезуитских» и «ковровых» стеновых изразцов. Карнизы представлены целыми аркатурными изделиями и фрагментами экземпляров с растительно-геометрическим орнаментом. Коронки имели прорезной орнамент. Кроме изразцов в развале печи были найдены и фрагменты плиток пола со сторонами 15 и 30 см, толщиной 3—3,5 см.

В приведенной археологом Д. В. Дуком реконструкции этой печи обращает на себя внимание одно обстоятельство — «иезуитские» изразцы размещены внизу (база печи) и их ряды не имеют перевязки по вертикали. Так же её нет и между рядами «ковровых» изразцов в силу специфики орнамента. Похожее размещение изразцов ухудшило бы прочность стенок печи. На самом деле «иезуитские» изразцы устанавливали сверху и с перевязкой швов (на надставке), ведь мастерам очень важно было обеспечить прочность конструкции, тем более, что пластины имели христианскую символику. При этом, во время размещения «ковровых» изразцов в основе (базе) печи, отсутствие вертикальной перевязки швов между пластинами

¹ Дук, 2001, с. 6—7.

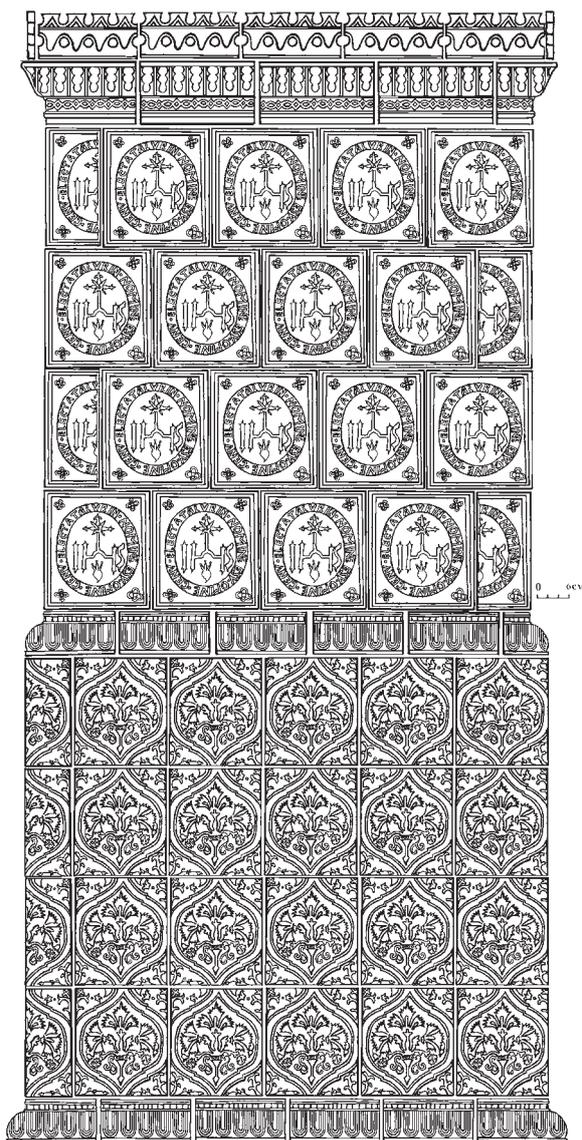

Рис. 33. Вариант новой реконструкции печи

компенсировалась наличием кирпичных стенок топки. Что касается карнизных изразцов, то аркатурные изделия были цокольными и переходными между ярусами печи, а экземпляры с растительным орнаментом были венчающими. С учётом набора панциря печи из разноформатных и разновременных изразцов, максимальная ширина швов может быть от 1 до 1,5 см, это было необходимо для равномерного распределения изразцов в стенке печи. Таким образом, взяв за основу рисунок-реконструкцию, предложенную Д. В. Дуком, с учётом известных конструктивных особенностей изразцов и кладки печей XVII—XVIII вв., мы предлагаем новый вариант её реконструкции (рис. 33).

В 2002 г. Д. В. Дуком найден развал ещё одной печи. Она так же стояла в одной из

деревянных построек «скромного коллегима». В раскоп №3 квадрат 11 попала её южная часть. Данная печь располагалась на большом отдалении от выше упомянутых печей в раскопе 2001 г. №1 и принадлежала другой постройке. От основы данной печи сохранилось глиняное пятно, расплывшаяся подушка, поставленные попарно четыре колышка $\varnothing \approx 12$ см, сохранившиеся на высоту до 40 см, что соответствует пластиам 3, 4, в которых и был прослежен опечек. Прорезка опечка показала, что он состоял из светло-серой земли с обломками кирпича $12 \times 7 \times (?)$ см, сверху его перекрывал пласт красной глины, прослеженный и в северной стенке раскопа¹. Непосредственно в печи были найдены как мелкие обломки изразцов, так и часть печной дуги с треугольными штампами на внутренней стороне. Толщина её 2,5 см, ширина более 11 см. Кирпичей в развале не обнаружено, это свидетельствует о том, что печь была полностью глиняной. Изразцовый набор данной печи был зафиксирован в нескольких прилегающих к ней квадратах раскопа. Он состоял из карнизов двух видов и стеновых изделий с «вазой с цветами», «ковровых» и геральдических с гербом «Любич» (изменённый). Обнаруженные остатки кольев, вероятно,

¹ Дук, 2002б, с. 18—20, 102: мал. 27; 9: фота 37—38.

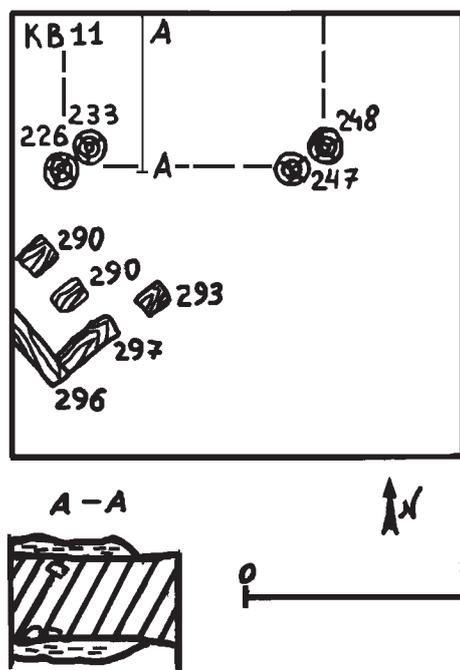

Рис. 34. Квадрат раскопа 2002 г.
-с развалом печи

Прорисовка фрагмента плана
из отчёта Д. В. Дука

являются опорами углов сооружения. Расстояние между ними было $\approx 1,0$ м, на них могла быть площадка под печь (рис. 34). Топка печи располагалась в северной части и оказалась за границами раскопа¹.

Таким образом, на основе данных материалов появилась возможность реконструировать одну из стенок печи, которая у изразцовой основы (по ряду нижних карнизов) была длиной $\approx 0,96$ м. Цоколь печи и переход между ярусами были из «аркатурных» изразцов, завершающий карниз выполнен изразцами аналогичного формата с арками и маскаронами. Внизу, как и у печи найденной Д. В. Дуком, база была обложена «ковровыми» изразцами. В надставке использованы изделия с изображением вазы с цветами и гербовых пластин. Максимальная ширина швов могла достигать 1,5 см, учитывая небольшие размеры сооружения и наличие обломка печной слабо обожжённой дуги, можно полагать, что в её составе кирпич мог и не применяться (рис. 35).

Развалы еще двух печей «скромного коллегиума» были исследованы во время изучения остатков каменной библиотеки, которая частично была встроена в состав корпуса «В» во время его строительства в середине XVIII в. (рис. 29). Первая печь была найдена в том месте, где подвала у библиотеки «скромного коллегиума» и под корпусом «В» не было. От неё остался большой оплывший глиняный бугор с близкой к квадрату верхней площадкой со стороной $\approx 0,8—0,9$ м. Высота её от основания бугра 0,1 м. Она находилась в северной наиболее высокой части шурфа Ш-4. На квадратной площадке частично сохранилась основа пода из обожжённой глины, там же были найдены и обломки румп изразцов (рис. 36; фото 63). Высота остатков фундамента печи от плиточного пола была 0,35—0,4 м, глубина их расположения под бетонным полом XX в. от 0,35 до 0,8 м. К подошве найденного нами бугра с восточной стороны примыкали потрескавшиеся плитки пола со следами пожара в виде пепла, они частично перекрывали его подошву. От них до западной стены помещения $\approx 1,6$ м. Сам же бугор глины имел пологие скаты и был близок у нижних концов к прямоугольнику со сторонами $1,0 \times 1,5$ м и без учёта высоты квадратной площадки имел толщину $\approx 0,3$ м. С учётом расположения плиточного пола можно полагать, что основа печи занимала площадку около $2,2 \times 1,6$ м, большинство изразцов концен-

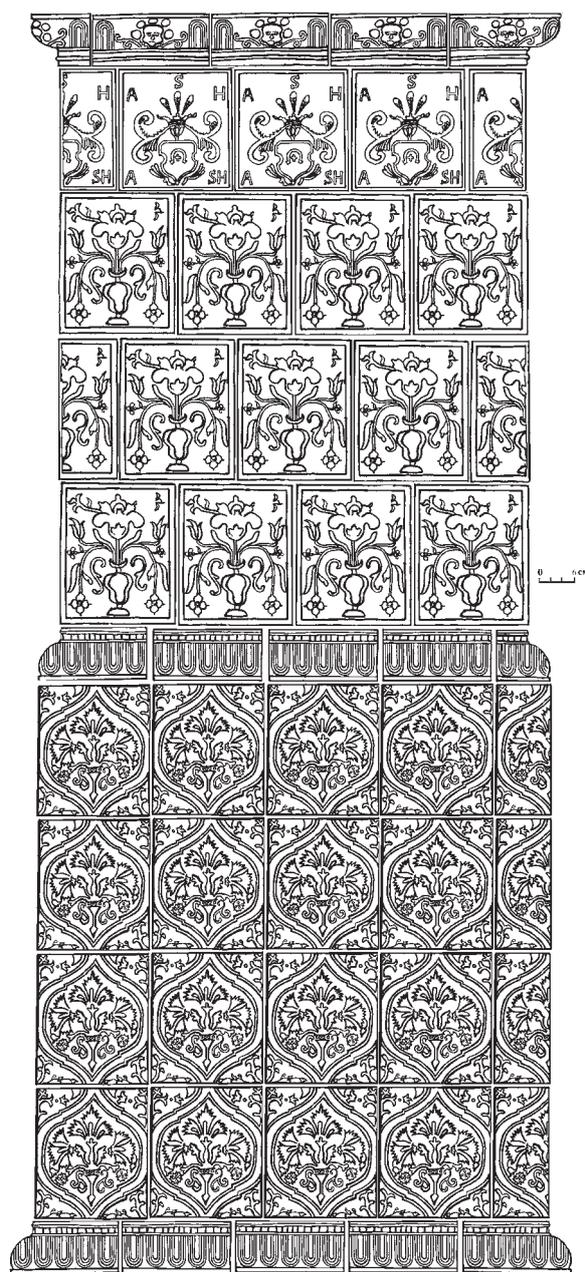

Рис. 35. Вариант реконструкции печи из раскопа Д. В. Дука 2002 г.

трировались на северном и восточном склонах бугра. С этой же стороны развала печи была проложена канализационная труба, повредившая восточную часть глиняного бугра и многие изразцы (Ш-5). Кирпичей от печи было найдено немного, он представлен фрагментами с продольными бороздами от пальцев. Наблюдения за глиняным бугром позволяют полагать, что под печи имел значительный наклон и перепад высоты для улучшения тяги в южном направлении (рис. 36; фото 63).

На основе найденных фундаментов и изразцов нами была сделана реконструкция

¹ Дук, 2002а, с. 18—20, 102: мал. 27: 9. Дук, 2002б, с. 9: фото 37—38.

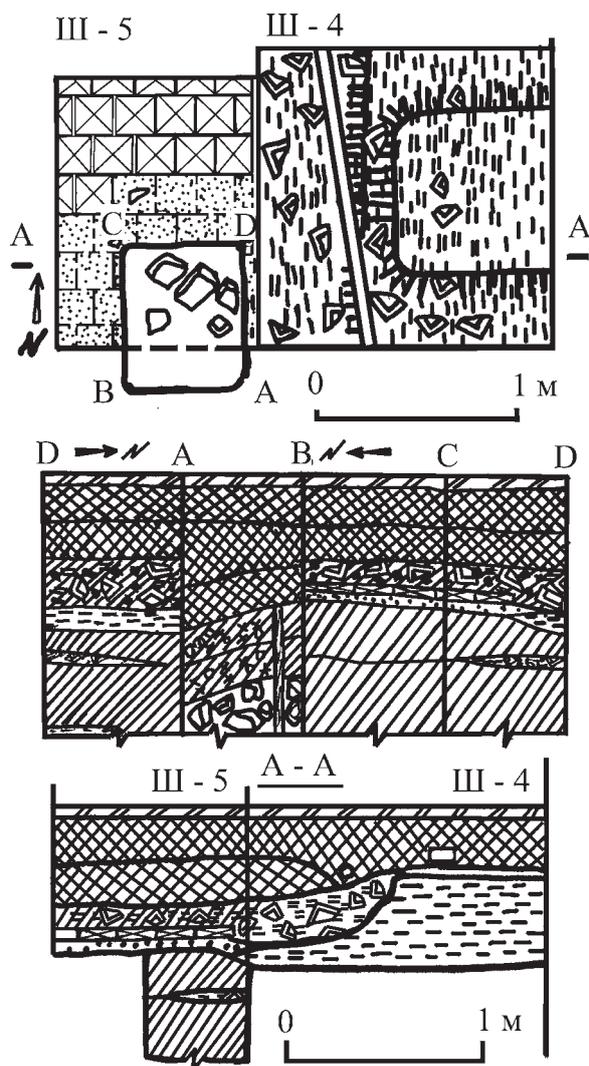

Рис. 36. Остатки прямоугольной печи скромного коллегіума» из корпуса «В»
Вверху: шурфы 4 и 5 план развала печи и примыкающего к ней пола;
в центре: развёртка стратиграфии культурного слоя врезки шурфа 5;
внизу: стратиграфия развала печи в шурфах 4 и 5

её возможного убранства и вида. По форме она напоминала заславльские L-образные печи. База найденной нами печи была сложной конструкции, вероятно, она была целиком кирпичной, с широким оштукатуренным выступом, который образовывал своеобразный подиум вокруг верха базы. Примерно, на высоте $\approx 0,5$ м он завершался широким кирпичным выступом, оформленным в виде деревянной скамьи, покрытой широкими досками. Далее была сама топка. Ее ширина $\approx 1-1,2$ м. Этот ярус разделялся по длине на две неравные части. В меньшей части

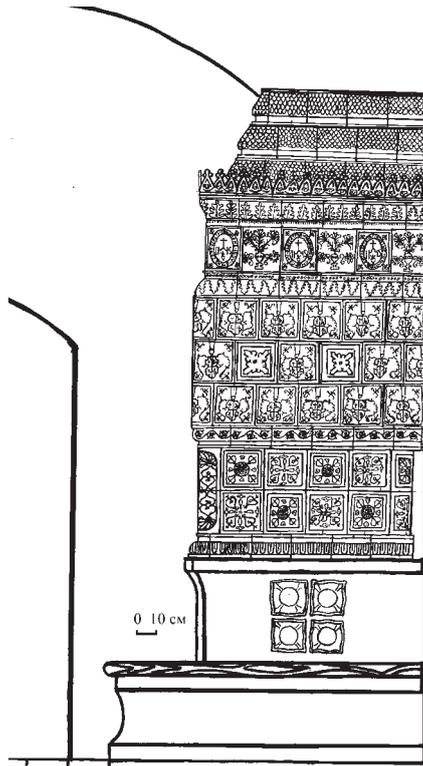
в южной стенке печи было арочное устье сводчатой топки. Под топки был, вероятно, выложен кирпичом и имел наклон в южную сторону. Эта часть топки могла иметь конический, либо округлый верх стенок с вмурованными в неё мисочными изразцами с близким к квадрату устьем. Не исключено, что в конструкцию её стенок мастерами были введены обломки и целые экземпляры плоской черепицы, которой было покрыто здание. Она могла применяться в покрытии пола, конструкциях стенок и перекрытий топки и жаровых колодцев надставки. Тем самым мастера имели возможность частично заменить дорогостоящий кирпич более дешёвым материалом, не снижая прочности печи. Исходя из размещения печи в помещении «скромного коллегіума», можно полагать, что печного проёма в южной стене помещения не было, для её растопки между стенками помещения и устьем топки была оставлено пространство шириной $\approx 0,6-0,7$ м. Северная часть топки была квадратной, со стороной $1,05-1,10$ м, исходя из размера глиняной площадки и ширины кирпича. Они служила основой для изразцовой надставки и также имела вставки мисочных изразцов в средних частях стен. Углы её были обвязаны кирпичом. Не исключено, что эта часть базы печи была обмазана глиной, отделана профилированными карнизами и побелена. Таким образом, были видны только устья мисочных изразцов.

Что касается надставки, то она была целиком собрана из коробчатых изразцов, главным был её восточный фасад, западной стороной она, вероятно, плотно примыкала к западной стене помещения, где мог находиться дымоход, возможно, с задвижкой. Таким образом, найденная нами печь имела сложную архитектуру. Она, возможно, была трёхкамерной (*trzykryniowej*), колпаковой. Высота данной печи, с учётом небольших размеров помещения и её расположения в стороне от пяты свода, могла достигать до $2,5$ м¹.

Найденные оставшиеся от неё изразцы были вторичного применения. В состав её убранства входили изразцы с мотивами «кованого металла», «иезуитские», «ваза с цветами» (фото 9,10; рис. 5: 2, 3; 6; 8: 10, 16—18; 2: 4, 5) и гербовые. Карнизные изделия, коронки и черепицы представлены фрагментами, их рисунок и размеры реконструированы на основе аналогичных или близких изделий, поэтому носят гипотетический характер. Поэтому предложенные нами реконструкции не являются окончательными и со временем, по мере

¹ Салауёу, 2009в, с. 76; Соловьёв, 2012в, с. 30.

1.

2.

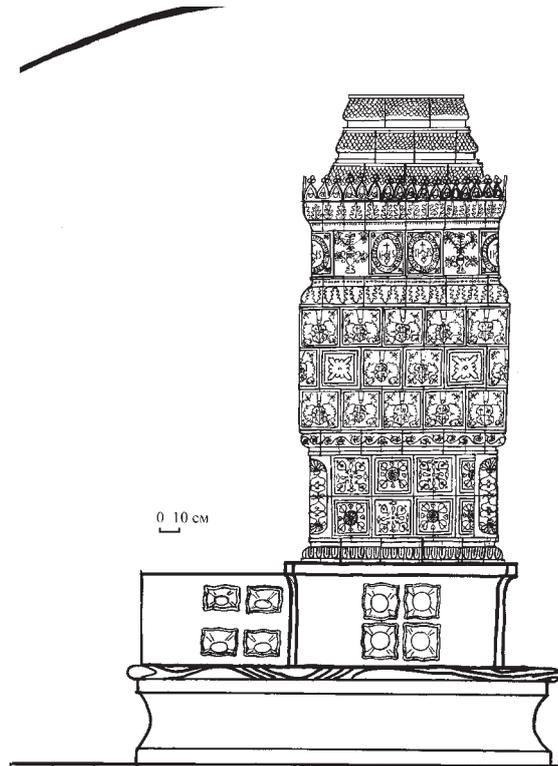

Рис. 37. Вариант графической реконструкции прямоугольной печи библиотеки «скромного коллегиума»
1 — северный фасад; 2 — восточный

выявления целых аналогичных изразцов, потребуют пересмотра и корректировки (рис. 37).

Ещё одно печище, найденное в большом северо-западном помещении каменного строения «скромного коллегиума», показало, что там была квадратная в плане печь, со стороной 1,5×1,5 м. Для этого на центральной оси свода подвала была сделана соответствующая кирпичная площадка (рис. 38; фото 64). Южной стороной она примыкала к стене коридора. Там были дымоход и печной проём, через который она топилась. С учетом того, что изразцовая «одежда» печи включала в себя разнотипные и разноформатные изразцы, надставка и база ее были целиком кирпичные. Таким образом, печь выглядела однокамерной (*jednoskryniowej*), колпаковой.

Глазурованные изделия (зелёный цвет разных оттенков) были сконцентрированы преимущественно на северном главном фасаде, боковые фасады, примыкавшие к стенам помещения, имели в своём составе в рядах терракотовых изделий вместе с квадратными и мисочные изразцы. Они, возможно, также были и в своде надставки. Во время строительства корпуса «В» в середине XVIII в. эти изразцы были использованы в качестве засыпки свода на соседнем помещении (рис. 1: 5, 6; 2: 1—3, 7—11; 4; 6: 4; 7: 1—6;

8: 1—9; 12—14; фото 1—8, 12, 14—20, 23—25, 27, 28).

Элементы изразцового набора данной печи сохранились намного лучше и представлены более разнообразно. Крупные фраг-

стена «скромного коллегиума» с перестройками середины XVIII - начала XX вв.

Рис 38. Остатки квадратной печи скромного коллегиума» из корпуса «В»
План фундамента (шурф 20)

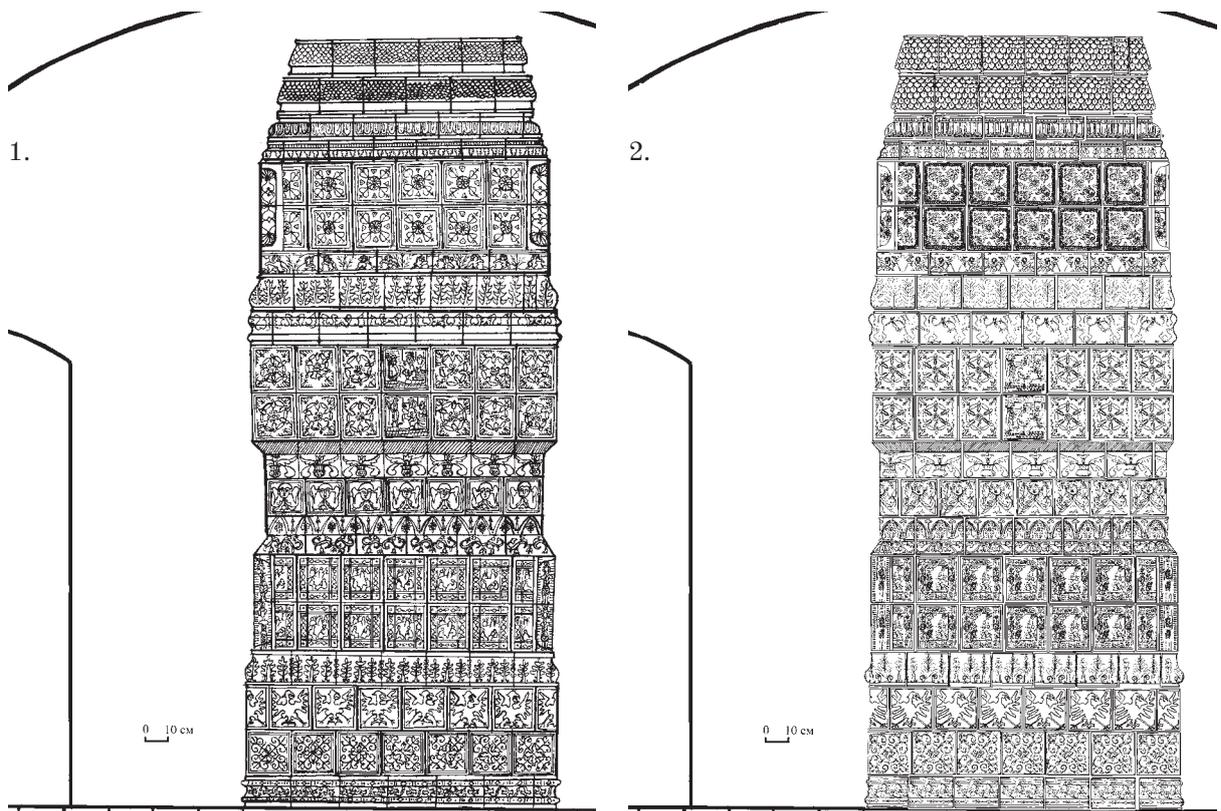

Рис. 39. Варианты реконструкции северного фасада квадратной печи библиотеки «скромного коллегиума»
 1—графическая, 2—компьютерная

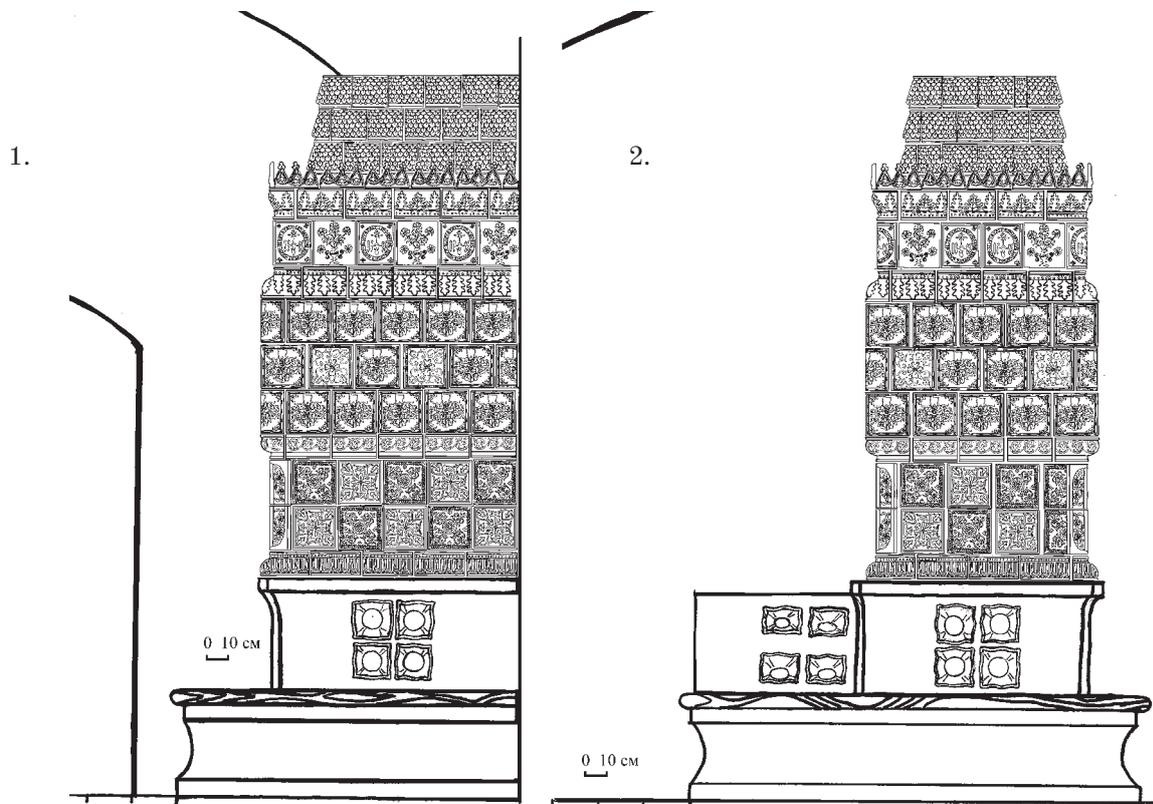

Рис. 40. Вариант компьютерной реконструкции прямоугольной печи библиотеки «скромного коллегиума»
 1—северный фасад; 2—восточный

менты карнизов позволяют более точно восстановить их рисунок и размеры. Изразцы также вторичного использования, их изучение позволяет говорить о включении в состав печи остатков нескольких более ранних печных наборов. С учётом её расположения под предполагаемым замком свода библиотеки, а также исходя из значительных размеров помещения, данная печь могла достигать 3,0—3,5 м в высоту¹. Там же среди изразцов были найдены и обломки плоской черепицы (фото 65). Они не имели следов нагара, но вполне могли применяться в массивах стенок и перекрытий жаровых колодцев. Черепицей могла покрываться внешняя поверхность свода для предотвращения образования трещин, и в противопожарных целях.

Нами были сделаны реконструкции описанных выше двух последних печей как графические, так и компьютерные с использованием программы Adobe Photoshop v. 8.0. Для последних ручная графика стала основой, был сохранён масштаб сооружений и эскиз интерьера, в который они были вписаны, последовательность рядов и расположение в них изразцов. Максимально допустимая

ширина швов 1—1,5 см, принималось во внимание то, что печи собирались из разнотипных, разноформатных, и разновременных (даже в границах одного ряда) изразцов, и это осложняло строительство. При этом было замечено, что в некоторых рядах количество изразцов имеет несовпадение в полпластины, данное обстоятельство, вероятно, вызвано тем, что в ручной графике, поскольку масштаб её был 1:10, не имелось возможности прорисовать каждый шов между пластинами изделий и она оказалась более грубой (рис. 39—40).

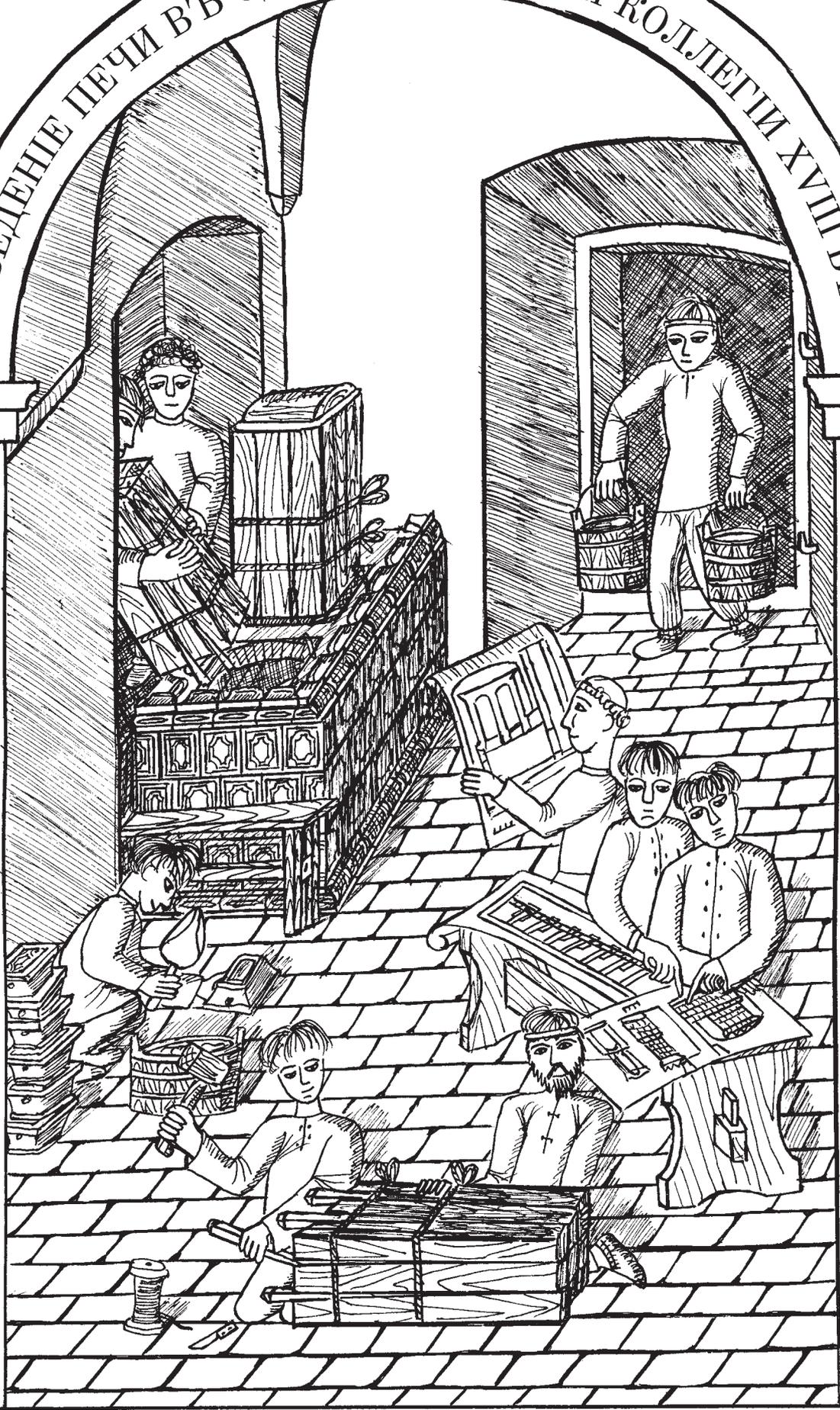
Все найденные печи «скромного коллегіума» были составлены из изразцов вторичного применения нач. — сер. XVII в., которые собраны на пепелищах довоенного деревянного коллегіума, сожжённого во время войны 1654—1667 гг.

Развалов печей кон. XVII — сер. XVIII вв. в каменной библиотеки «скромного коллегіума» обнаружить не удалось, вероятно, они находились в южной, разрушенной в начале XX в. части каменной библиотеки. Об их существовании косвенно могут свидетельствовать только изразцы того времени.

---

¹ Салаёў, 2009в, с. 77; Соловьёв, 2012в, с. 30.

ВОЗВЕДЕНИЕ ПЕЧИ ВЪ ОДНОЙ ИЗЪ КЕЛИЙ КОЛЛЕГИИ XVIII ВѢКА

ПЕЧИ СЕРЕДИНЫ — 2-й ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Значительно больше информации удалось собрать о конструкции печей в существующих корпусах коллегиума. Так, на цветной необработанной копии плана 1828 г. печи келий корпусов «А», «В» и «Г» показаны в виде вытянутых прямоугольников, закрывающих ниши (их очертания в толще стен так же отмечены линиями). Но некоторые печи ко времени составления плана уже были встроены в стены и сделаны проёмными. Так же было замечено, что крылья трёхэтажного здания по внутренней планировке келий и расположению печей в них имеют зеркальное расположение (рис. 41).

При строительстве новых зданий середины XVIII в. использование старых изразцов в новых печах было практически исключено.

Во время снятия старой штукатурки около входов в кельи со стороны коридоров корпусов «А» и «Г» были выявлены закладки лучковых, арочных проёмов. Они были шириной 0,7—0,9 м и высотой 1,1—1,2 м. На их откосах прослежена побеленная некогда полоса штукатурки со следами сажи. Ширина полосы ≈ 10 —15 см. Преподаватели кадетского корпуса А. К. Морель и В. П. Викентьев, которые касались в своих краеведческих исследованиях истории строений коллегиума, и составляли их описание к 75-летию кадетского корпуса, эти проёмы ошибочно приняли за камины (фото 66—70). Дальнейшее исследование кладки стен коридоров коллегиума около печных проёмов показало также отсутствие следов крепления завес печных дверок на 1 и 2-м этажах. Печные проёмы занимали всю толщину стены и были объёмом около кубометра (в них помещался взрослый человек). Их большие размеры и нахождение около самих дверей позволяли использовать эти проёмы и в качестве каминов при освещении коридоров. Дно их было из целого и битого кирпича. К тому же, благодаря большой арке проёмов, через них было очень удобно чистить трубы изнутри помещения, избегая выхода на крутой склон крыши¹. Стенки проёмов не штукатурились, обычно в плане проёмы

были близки к квадрату или прямоугольнику, но если места не хватало, то они имели форму раструба (фото 66). В любом случае со стороны коридора расстояние между дверью и аркой печного проёма должно было быть не менее чем в два кирпича ($\approx 0,6$ м), этого правила каменщики придерживались строго (рис. 42: 2, 6). Со стороны коридора к печным проемам были пристроены выступы толщиной «в 3 кирпича». Это облегчало сбор мусора при уборке. (Не совсем ясно, что имел в виду составитель строительного отчёта, — ширину или высоту выступа над плиточным полом. Последнее обстоятельство в дальнейшем может вызвать необходимость корректировки графических реконструкций печей). Устройство подобных предпечей было изучено Марией Дамбровской на основе археологических и письменных источников XVIII в. В основном там велась подготовка дров, которые затем, частично подожжённые, на «санках» (как и в XVII в. это была решётка на полозках, улучшавшая доступ кислорода к дровам) отправлялись в топку печи. Благодаря сохранившимся целым образцам топочных проёмов, можно выяснить и приблизительную ширину «санок» для дров, применявшихся в печах полоцкого коллегиума. Длина их, с учётом вытянутых пропорций топочных камер, могла составлять от 1,0 до 1,5 м. В связи с этим становится понятной вытянутость пропорций топочных проёмов, но кроме пропуска «санок» с дровами, они должны были обеспечивать и удаление дыма из топки, который проходил под аркой. Для этого минимальная высота топочной камеры² должна была быть не менее 0,65 м. Большие размеры позволяли даже использовать их в качестве очагов для приготовления пищи (*kominek do gotowania z którego się w piecu pali*, чаще же их называли *komorki, sionki*). Из-за наличия дверок они походили на шкафы (*kominkow szafiastych dwa*)³.

Со стороны келий также были арки. Они были не оштукатурены, на кирпичах сильный нагар. Это были топочные проёмы размерами $\approx 0,6 \times 0,45$ —0,5 м, многие из них

¹ Салаёў, 2007а, с. 33—34; Салаёў, 2007б, с. 57—58, 60—62.

² Łaskiewicz, 1997, s. 90.

³ Dąbrowska, 1987, s. 159—160.

Рис 41. Фрагмент плана 1828 г. (обработан)

сильно повреждены или уничтожены при устройстве шиберов (шаберов) для управления заслонками в трубах вентиляции в нач. XX в. Над этими проёмами (большинством из них) были прослежены более широкие разгрузочные (?) арки $\approx 0,7-0,8$ м шириной. В топочные проёмы и топки печей, найденных на нынешних корпусах коллегіума, мог пролезть даже взрослый человек. Так, автор без особых трудностей проникал в топочные проёмы 1-го этажа, а при выборке заполнения уцелевших топок в корпусах «В» и «З» свободно помещался в них не задевая свода. Необходимо так же учесть, что люди того времени, согласно исследованиям белорусского антрополога О. А. Емельяничук и польского археолога Д. В. Дука, ростом были ниже нынешних и уже в плечах. Судя по найденным остаткам¹, гробы, в которых лежали взрослые усопшие, были шириной от 0,4 до 0,5 м, а их длина колебалась от 1,5 до 1,9 м. Пустоты между арками часто была заполнены мусором, который играл роль термоизоляции между основной стеной и аркой топки (фото 71). Таким образом, в случае ремонта последней, печнику не приходилось ломать всю стену (рис. 42: 1, 3, 4, 6).

Некоторые печные проёмы не имели дополнительных арок². Их заменяло специаль-

но выложенное при устройстве стены отверстие в кладке, которое, судя по сильному нагару, предназначалось для вывода дыма в канал дымохода. Будучи расположенным выше арки печного проёма, оно полностью исключало попадание дыма в коридор, что было крайне важно при незначительной толщине стены здания на уровне 3-го этажа (≈ 1 м) (рис. 42: 5; фото 69, 72). Расположение данного отверстия для дыма позволяет полагать, что

¹ Дук, Емельяничук, 2011, с. 72.

² Возможно, что введение дополнительной разгрузочной арки связано с устройством щели для вывода дыма в дымоход печи. Она, как и оконце над топочным проемом, найденное на 3-м этаже корпуса «А», могла играть роль дымового отверстия. После разрушении или переделки печи, их заделали.

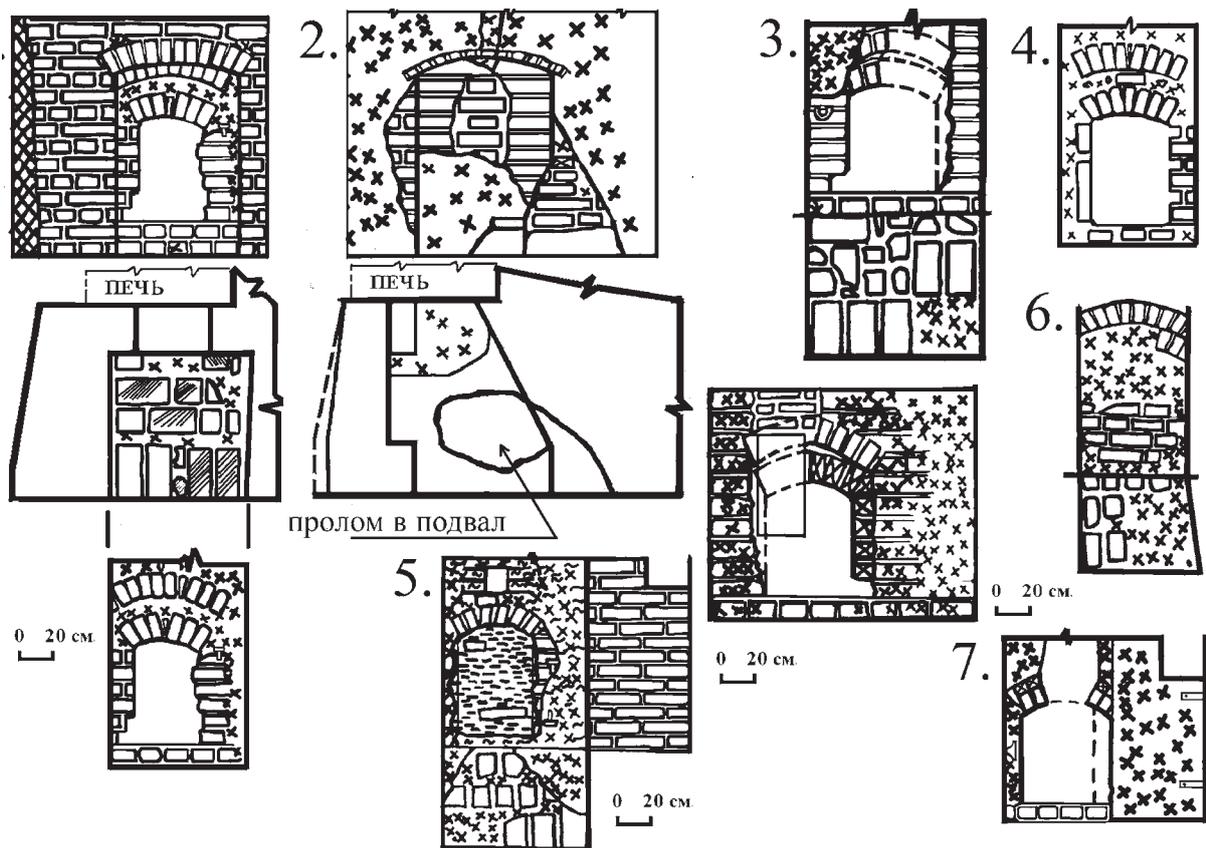

Рис. 42. Печные проёмы корпуса «А». 1, 2 — вид со стороны коридора и план проёмов 1-го этажа; 3 — печной проём 2-го этажа (развёртка дна и стенки и вид из коридора; повреждённый топочный проём — вид со стороны бывшей кельи); 4 — топочный проём 1-го этажа; 5—7 — печные проёмы 3-го этажа (развёртки дна и стенок)

надставка данной печи была на 0,5 м выше, чем у тех печей, которые его не имели¹.

Подобный целиком сохранившийся печной проём был найден на 3-м этаже корпуса «А» и оставлен в качестве экспоната. В нём сохранились два крюка от петель топочной дверцы, обращенные друг к другу (фото 69, 72).

Защитить коридор 3-го этажа от дыма должны были и металлические дверцы со стороны арки печного проёма. На штукатурке одной из них сохранились отпечатки крепёжных пластин и отверстия от гвоздей (рис. 42: 7; фото 70). В описаниях польского жилья (камениц, домов, дворцов) встречаются упоминания о печах и об устройстве печных проёмов: *sionki są drzwi do pieców na żelaznych zawiasach. W tymże korytarzu między drzwiami do pokojów są drzwi cztery z tarcic na zawiasach i hacach z klamkami żelaznymi do czeluści piecowych.*

Петельки и крючки от топочных дверок и их затворов выявлены в печных проёмах на

1 и 2-м этажах корпуса «А», но следов крепления дополнительных дверок со стороны коридора они не имели (рис. 42: 1, 3, 7). Это связано с тем, что на 2-м этаже толщина стены была $\approx 1,2$ м, а на 1-м — 1,45 м.

Между двумя проёмами в толще стен были дымоходы, которые ближе к трубе постепенно сужались (фото 72). Сужение каналов достигалось за счёт напуска кирпича каждого верхнего ряда кладки, при этом все каналы были сведены к месту соединения продольной стены коридора с поперечной стеной между кельями.

Обычно каналы разделяли перегородки толщиной в половину кирпича. Таким образом, в каждой трубе было по три дымохода (фото 73), которые вели от печей, расположенных одна под одной. Изучение дымоходов возле помещений бывших келий, показало, что надставки первоначальных печей не были вверху связаны с ними (рис. 43)². Это же подтверждают как реконструкции, прове-

¹ Салафёў, 2007а, с. 33—34; Салафёў, 2007б, с. 57—58, 60—62.

² Соловьёв, 2012в, с. 42.

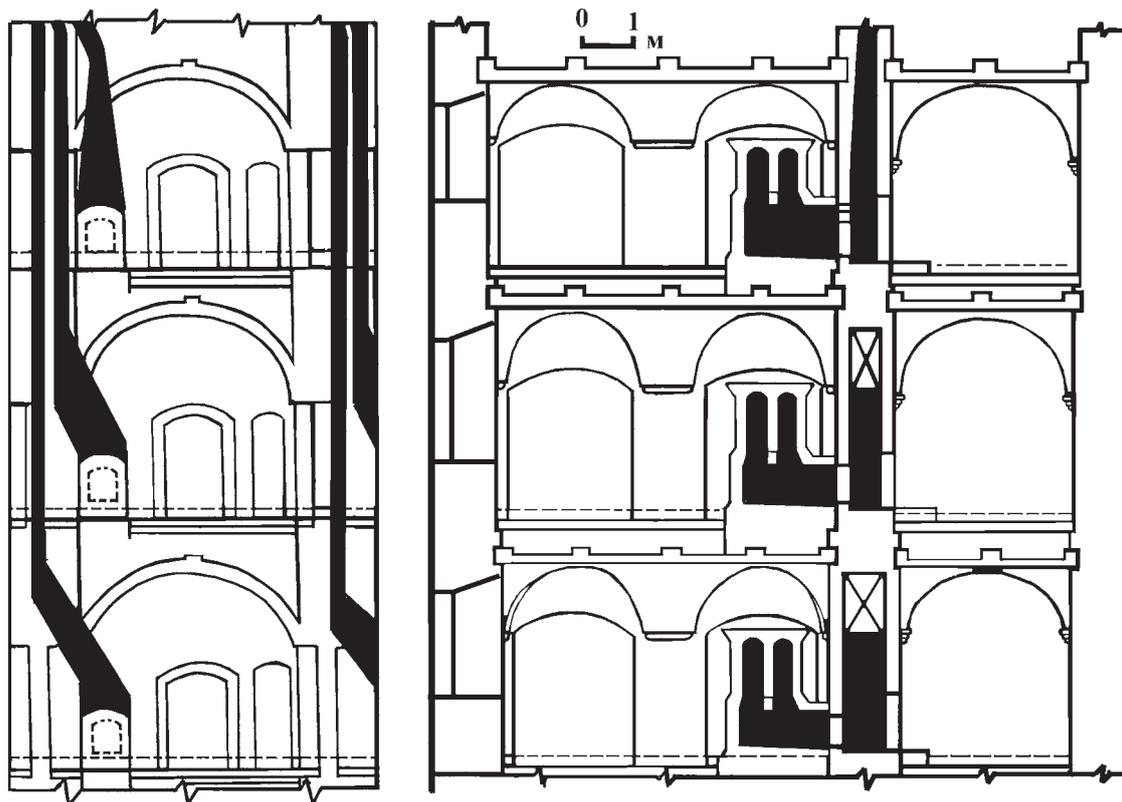

Рис. 43. Реконструкция дымовых каналов от печей келий в толще стены и продольный разрез-реконструкция келий и печей

денные польскими исследователями, так и сохранившиеся раритеты. Пространство между надставкой и стеной помещения обычно было небольшим — шириной $\approx 24,5$ см (для печей полоцкого коллегиума, которые необходимо было вписать в запечную нишу, эта цифра могла быть и больше) и по предположению Агниевки Лашкиевич выкладывалось изразцами без румп. Для этого, судя по всему, мастера в XVII — XVIII вв. использовали обычные стеновые изделия с бракованными (треснутыми) румпами, которые просто отбивали.

В кельях корпусов «А» и «Г» обычно были одинаковые по конструкции двухкамерные печи. Наличие дымового оконца вместо арки указывает на существование конструктивных особенностей располагавшейся здесь печи, которая внешне отличалась от остальных. Так, например, выход для дыма мог располагаться не вверху топки, а в нижней части надставки и представлять собой небольшой, кирпичный или изразцовый объём, скрытый в пролёте между ней и стенкой. Существование его пока не зафиксировано ни в письменных источниках, ни археологическими исследованиями, и остается только на уровне предположения. Из выявленных топочных проёмов

только на 3-м этаже был найден целый образец, который имел описанное выше дымовое оконце вместо разгрузочной арки. Там же, на 3-м этаже, обнаружен ещё один развороченный проём, имевший подобную конструкцию. В плане все печи были прямоугольные: $\approx 0,9—1,0 \times 2,0—2,1$ м у основания и примыкали торцом к стене коридора, там, где находилась арка топочного проёма. При этом они были вписаны в очертания ниш келий таким образом, что надставка обогревала помещенные всеми сторонами.

Исследование стен корпусов «А» и «Г» показало, что их запечные ниши были глубокими и довольно большими. В кельях 1-го этажа они были в плане $0,65 \times 2,2$ м, высота их от первоначального плиточного пола до пяты лучковой арки составляла $\approx 2,5$ м, в замке она могла достигать $2,8—3,0$ м. Подобные ниши имелись и в кельях на верхних этажах. Печи, закрывавшие ниши, располагались таким образом, что человек мог свободно проникнуть в запечное пространство, в котором открывался свободный доступ ко всем ее стенкам, поэтому печь можно было легко ремонтировать. Там же удобно было хранить дрова для растопки, сушить одежду и обувь. В проходной келье корпуса «Г»

запечная ниша была высотой: $\approx 3,2$ м от плиточного пола до пяты арки, и $3,4$ м до её замка. Для доступа в запечное пространство угол её одной стенки был срублен.

По наблюдениям М. Дамбровской в начале XVIII в. происходят изменения пропорций печей. Если ранее ширина сторон прямоугольного огневого нижнего яруса была в пределах 1:1 или 2:3, то теперь находят широкое распространение сооружения, вытянутые по продольной оси с соотношением длины и ширины близким к 1:2. Печи такого типа в польской литературе получили название «гданьских»¹.

Архитектоника данного вида печей сформировалась по влиянию развития фаянсового и фарфорового производства. Поэтому характерными чертами печей подобного вида стали изящные изогнутые низкие ножки из дерева, глины или металла. Они покрывались белыми и голубыми эмалями, невысокая рельефная рамка образовывала изысканной формы медальон, середина которого нередко заполнялась полихромным сюжетным рисунком. (До недавнего времени подобная печь располагалась в деревне Жамыслав Ивьевского района и была описана и зафиксирована О. А. Трусовым и Н. И. Зданович)². Практически все печи того времени имели срезанные углы, в их надставке устраивалась сквозная арка или ниша для установки вазы или скульптуры, а верх её завершался роскошным фронтоном, собранным из нескольких частей. Над ним устраивали ажурное убранство из разнообразных наверший. Название «гданьские» весьма условно и относилось к очень изящным сооружениям, напоминавшим корпусную мебель (например серванты) в стиле рококо³. Огромная популярность данных печей привела к тому, что гончары и печники Речи Посполитой, перенимая, нередко перерабатывали их убранство. Поэтому практически сразу (на протяжении 40—70-х гг. XVIII в.) появились и «торунские» и «ельблянские» (иногда их называли «поморские»), очень похожие на них. Влияние этой моды отразилось и на убранстве некоторых печей полоцкого иезуитского коллегиума⁴.

Тогда же, в XVIII в., происходит значительное понижение высоты румп изразцов от 14—10 см в XVII в. до 5—7 см в XVIII в., диктовавшее и толщину стенок печи. Это было вызвано желанием ускорить её прогрев.

Всё это отрицательно сказалось на прочности печи и в конце концов привело к широкому применению кирпичной основы стенок, что в следующем столетии окончательно превратило изразцы из самостоятельного строительного материала в отделочный⁵. К середине XVIII столетия печи с такими пропорциями стали широко применяться в постройках того времени и особую популярность получили в монастырском строительстве, благодаря их компактности и вытянутости по продольной оси, что позволяло их легко вписать в типовой интерьер кельи. Та же вытянутость пропорций вызывала необходимость устройства кирпичной основы стенок топки и перегородок, разделявших надставку на жаровые колодцы. Они должны были обеспечить необходимую прочность длинных рядов изразцов. Это же было свойственно и печам келий полоцкого коллегиума, возводимых с оглядкой на гданьские образцы.

Внешне печи отличались между собой только изразцовыми наборами, художественные качества, которых зависели от функционального назначения помещения. Обычно кирпичным в них был только нижний ярус с топкой. Надставка состояла из изразцового панциря на глине с камнями и могла иметь 2—4 жаровых колодца и «тепловые окна»⁶. При этом для её устройства делался деревянный каркас, который потом вынимался. Кирпичную основу надставка имела только тогда, когда румпы изразцов были низкими, что исключало возможность их использования в качестве самостоятельного строительного материала.

Выявленная нами конструкция напоминает известные по этнографическим исследованиям варочные кухонные печи с предтопочной камерой или предпечьем, роль которых в изучаемых нами печах исполняли печные проёмы с дымоходами в толще стен здания. Таким образом, печи, расположенные в кельях корпусов «А» и «Г», имели колпаковую конструкцию и преимущественно верхний прогрев, нижняя их часть была холодной.

Интересной находкой, связанной со строительством печей, стал деревянный миниатюрный утюжок для затирки швов между изразцами (фото 75). Он был найден в завале изразцов середины XVIII в. на 2-м этаже корпусов «Г».

Как показали наблюдения, в XVIII в. надрезанные пластины нередко использовались при наборе зеркала печи, при этом

¹ Dąbrowska, 1987, s. 168.

² Здановіч, Трусаў, 1993, с. 174—176; мал. 128—130.

³ Pospieszna, 2007, с. 166—167.

⁴ Pospieszna, 2007, с. 170—172.

⁵ Dąbrowska, 1987, s. 168.

⁶ Заяц, 1990, с. 22; Здановіч, 2005, с. 46.

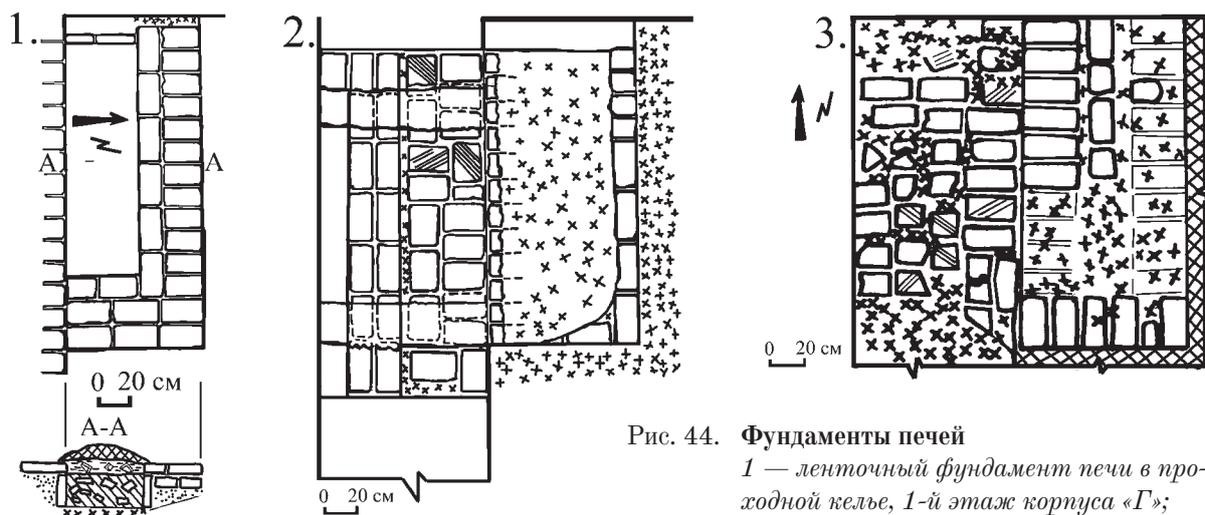

Рис. 44. **Фундаменты печей**

1 — ленточный фундамент печи в проходной келье, 1-й этаж корпуса «Г»; 2 — фундамент типовой печи в виде кирпичной площадки, срубленная перегородка и вымостка пола запечной ниши, 1-й этаж корпуса «А»; 3 — фундамент типовой печи в виде кирпичной площадки и остатки поперечной стены, 2-й этаж корпуса «А»

найлены не только изделия, разрезанные на несколько частей, но и половинные. Среди найденных экземпляров преобладают карнизы. Именно при помощи них проводилось совмещение рядов стеновых изразцов базы и надставки. Стеновые половинные изразцы ставили возле стены кельи на уровне топки. Поскольку изразцов медальонов в обнаруженных нами комплектах не выявлено, то изготовление половинных изразцов связано с особенностями набора рядов зеркала печи, который начинался с установки угловых изразцов. Далее заполнялась средняя часть стенки, тогда же определялась ширина швов, а так же место и расположение обрезных изразцов (или вкладышей), поскольку прифурговка и притёска изразцов, как и в прошлом столетии, не велась.

Вместе с тем, по наблюдениям А. Лашкиевич, размеры пластин изразцов могли различаться на 10 мм, это значительно влияло и на ширину швов между ними, нередко она могла достигать 10, а в исключительных случаях и 15 мм. Особенно это важно было при сооставлении рядов стеновых и карнизных пластин. Для этого наиболее значительные по ширине швы старались сместить к стенам помещения, где в составе печи преобладали терракотовые изделия, на фоне которых они были менее заметны. Данное обстоятельство, как и дороговизна глазурованных изделий, ещё в XVII в. приводили к тому, что общая доля терракотовых изразцов всех видов могла составлять в печном наборе того времени, судя по результатам исследований А. Лашкиевич, примерно 15—30%¹. Для печей XVIII в., стоявших в углах келий коллегиума, она могла доходить

и до 40 %. Такими изразцами выполнялись стенки печи, со стороны ниши и запечка.

Печь в проходной келье 1-го этажа корпуса «Г», в отличие от большинства находок на этажах, имела ленточный фундамент, который сохранился на 4 ряда кирпича. Его внешние размеры 2,1×0,9 м. Для строительства печи на своде была сделана известковая заливка. Размеры кирпича 30—31×15—15,5×6,5—7 см. В конструкции южной, западной и северной стенок были использованы плитки пола 22—23×28—29×6 см, поставленные на ребро. Восточная стенка была полностью кирпичная, что было вызвано крутым скатом свода подвала. Пространство между плиткой и сводом заполнялась раствором. Сверху она перекрывалась рядами кирпича, ширина шва между ними и плитками была ≈ 3 см. О возведении печи вместе со зданием свидетельствуют одинаковая конструкция ее северной и южной стенок. Толщина фундамента разная: ширина восточной стены — 47 см (в полтора кирпича), северной — 40 см (2/3 и половина кирпича), западная — в 1/2 кирпича, для южной стенки печи была использована ниша в стене помещения. Во время изучения этого фундамента² и помещения признаков отопительных ходов «тёплого пола» не найдено (фото 76). Заполнение фундамента носит двухслойный характер.

¹ Łaszkiwicz Poznan 1997 с. 89—90.

² Салауёў, 2007а, с. 36, 40.

Нижний слой $\approx 0,3$ м толщиной, содержит много угля, пережжённого и частично деформированного кирпича, сконцентрированного преимущественно в западной его части, где был топочный проём (рис. 44:1). Изразцовый материал был обнаружен как в верхнем слое заполнения фундамента, так и вокруг него. Он представлен очень мелкими обломками коричнево-глазурованных (почти чёрных) стеновых изразцов с мотивом розетки и карнизов и перемычек с белой эмалью. Вместе с ними был найден целый гладкий карнизный изразец размерами $11 \times 19 \times 14,5$ см, покрытый белой эмалью, и терракотовая перемычка, украшенная витым орнаментом (фото 77), её размеры $3,5 \times 18,5 \times 6,0$ см.

Верхний слой засыпки фундамента был толщиной $\approx 0,1$ м, он представлял собой куски красной обожжённой глины с отпечатками румп и мелких обломков пластин изразцов середины XVIII в. Они представлены фрагментами чёрно-глазурованных стеновых изделий с мотивами розеток, а так же перемычек и карнизов с белой эмалью. Там же найдена и монета «Денга» 1750 (?) г. Мелкие обломки эмалированных глазурованных и аналогичных терракотовых изразцов найдены и вокруг фундамента, один из них обнаружен в коридоре возле печного проёма данной печи. Было так же замечено, что терракотовые изделия сконцентрированы в юго-восточной части печи, среди фрагментов рельефных пластин присутствуют и гладкие изделия.

Реконструкция размеров и видов недостающих элементов печного набора была сделана нами по аналогичному комплекту, найденному на 2-м этаже этого же корпуса (фото 78). Там были обнаружены фрагменты углового стенового полихромного изразца, который имел половину пластины с тёмно-коричневой (почти чёрной) глазурью и полукруглое углубление с белой эмалью. Позже аналогичные находки во дворе коллегниума и корпусе «З», сделанные в 2007 и 2009 гг., позволят полностью реконструировать этот изразец и выяснить, что углубление, покрытое белой эмалью, украшала витая балясинка. В изделиях верхнего и нижнего рядов она завершалась «конхой» с капителью, украшенной растительным орнаментом. Переходы между ярусами и завершение базы и надставки печи делались посредством гладких и медальонных карнизов, перемычек с белой эмалью. Было так же выяснено, что стеновые изразцы имели невысокие румпы ($\approx 8,5$ см) с широким треугольным венчиком, аналогичные гладким карнизам. Карнизы с медальонами в восьми-

угольной рамке с вогнутыми стенками были с округлым венчиком румпы. Причём было замечено, что глазурованные изразцы концентрировались около северной стены печи, а терракотовые — около восточной.

При этом ряды карнизных и стеновых изразцов имели длину на 3—4 см больше, возможно, что частично это компенсировалось за счёт ширины швов или обрезных изразцов («вкладышей»), которые нам обнаружить не удалось. В любом случае, на терракотовых пластинах имелись следы побелки, которая, как и дополнительная обмазка швов, должна была скрывать дефекты кладки и помогать своевременно выявлять появление трещин. Подобные изразцы могли покрывать и запечек между надставкой и стеной помещения. Это могли быть и гладкие терракотовые изделия с отбитыми для этого румпами. Фундаментом южной стенки печи служили пол ниши и стена здания, не исключено, что тыльная сторона печи могла не иметь изразцового покрытия вообще, а быть выполнена из кирпича, на который наносился слой побелки.

Напротив фундамента печи со стороны коридора простукивался замурованный арочный печной проём. Рядом с ним тоже были обломки чёрно-глазурованных и терракотовых изразцов с мотивами розетки. Они полностью аналогичны находкам из фундамента печи. Со стороны кельи топочный проём простукивался слабо.

При определении высоты нижнего яруса печи необходимо было учесть размеры топочного проёма. Последние наблюдения и промеры позволяют полагать, что печи келий имели кирпичные подиумы над уровнем плиточного пола высотой в 1—2 ряда кирпича. За счёт их полная высота топки могла достигать до 1,5 м, в связи с этим предложенные нами графические реконструкции в будущем потребуют корректировки. Вместе со сводом высота нижнего яруса была не меньше 1,0 м (скорее всего $\approx 1,2$ м). Необходимо отметить значительную ширину фундаментов стен печи. Это могло быть связано с устройством выступа под плитки пола или, что более вероятно, с наличием у печи цоколя высотой $\approx 0,5$ м, благодаря чему снаружи она выглядела как трехъярусное сооружение, необходимая толщина стенок в нижней части достигалась использованием половых плиток. Последние по толщине были близки к кирпичу. Обращает на себя внимание необычная высота стенной ниши, в которой была устроена эта печь $\approx 3,2$ м. С учётом её размеров можно определить вероятную высоту нашей печи ≈ 3 м, которая в профиль

была L-образной формы и этим напоминала печи XVI—XVII вв., реконструкция которых была произведена археологом Ю. А. Зайцем по материалам раскопок Заславя¹. В отличие от заславльских, надставка изучаемой нами печи была прямоугольной, а не квадратной. Печь из коллегиума повторяла конструкцию *dwuscryniowych* печей, описанных М. Дамбровской². Нижний ярус этой печи включал в себя кирпич и плитки на высоту $\approx 1,2$ м. Он использовался как топка. Роль сеней выполнял коридор здания. С этим, возможно, связана и кладка стенок нижнего яруса печи толщиной в один кирпич из половых плиток (чтобы сохранить ее огнеупорность, увеличить теплоотдачу). Её свод был с отверстиями, через которые дым выходил в жаровые колодцы надставки.

Размеры надставки данной печи коллегиума, судя по расположению пяты свода и габаритам ниши, в которую она была вписана, не превышали $1,0 \times 1,4$ м, потому с учётом длины кирпича можно полагать, что печь имела 2—4 прямоугольных жаровых колодца. В их конструкциях могли так же использоваться целые и разбитые черепицы. Среди них широко использовались как старые плоские изделия XVII в. из корпусов «скромного коллегиума», так и волнистые пластины XVIII в. Черепицей было удобно перекрывать пространства жаровых колодцев печей, выравнивать ряды кладки и стенки дымовых каналов, устраивать дополнительную перевязку между рядами изразцов. Надставка похожей конструкции исполняла роль колпака, где собирался горячий воздух, который после охлаждения опускался и выходил под сводом топочного проёма³. Похожая конструкция зафиксирована на рисунке печи XVII в.⁴ Для уменьшения тяжести в свод надставки могли быть вмазаны терракотовые изразцы. Учитывая небольшую высоту их рупп, можно считать, что печь была целиком сложена из кирпича. Нижний, огневой, ярус местами имел стенки толщиной в один кирпич (например, южная) для удержания распора свода топки. Восточная и северная стенки частично были из плиток. Верхний ярус — из кирпича, поставленного на кромку.

В пользу существования кирпичной основы печи так же косвенно свидетельствует заполнение фундамента пережжённым и деформированным кирпичом. Это может

быть как его первоначальное заполнение, так и оплавленные при усиленной протопке кирпичи пода, стенок и свода топочной камеры, которые при разрушении печи были туда сброшены вместе с гладким эмалированным карнизом. В первом случае под располагался непосредственно на засыпке пустоты между ленточными фундаментами и мог иметь небольшой уклон в сторону арки топки, облегчая доступ воздуха к дровам. Во втором случае для облегчения конструкции печи внутри ленточного фундамента могла быть полость, расположенная под подом, который мог держаться на одном или двух рядах кирпичей, положенных с напуском по 14—15 см с каждой стороны. Технически это вполне было возможно, поскольку ширина топочной камеры 0,45—0,5 м, позволяла перекрыть его положенным на выступы целым кирпичом, который со стороны стенок топки мог быть зажат и четвертинками (рис. 45: 4).

Главный фасад печи был ориентирован на север и включал в себя изразцы с коричневой (почти черной) и белой эмалью. Нижнюю часть топки на ярусы разделяли гладкие карнизы, низ и верх надставки украшали изразцы с медальонами в рамках. На надставке между ними и стенными пластинами ставились и витые перемычки. Угловые стеновые изразцы состояли из черной пластины, на которой была изображена половина розетки, и угловой части, покрытой белой эмалью с вогнутой нишей и витой балясиной. Таким образом, они перекликались с изразцами-перемычками и карнизами. Восточная и западная стенки были частично терракотовыми и побеленными. Вообще же, для отделки двух главных стенок этой печи требовалось около 370 изразцов всех видов и размеров (рис. 45: 3).

Необходимость установки мощной высокой печи связана с тем, что это помещение было проходным, и для компенсации теплопотерь при движении воздуха оно требовало усиленного прогрева. Стенки со стороны ниши могли быть полностью кирпичными и белеными, следы побелки сохранились на терракотовых изразцах.

Фундамент еще одной печи на 1-м этаже корпуса «А» предоставлен кирпичной площадкой в северо-западном углу кельи. Конструктивные особенности свода подвала (значительная крутизна) не позволили сделать ленточный фундамент и строители ограничились заливкой части (угловой пазухи) свода раствором и выкладкой площадки $0,95 \times 2,09$ м кирпичом-пальчаткой $6,0—6,5 \times 14,0—15,0 \times 3,0—31,0$ см с косыми бороздами. Торцом эта площадка при-

¹ Заяц, 1990, с. 56: мал. 30.

² Dąbrowska, 1987, s. 62.

³ Литавар, Койданов, 1999, с. 23—24.

⁴ Трусаў, 1990, с. 115.

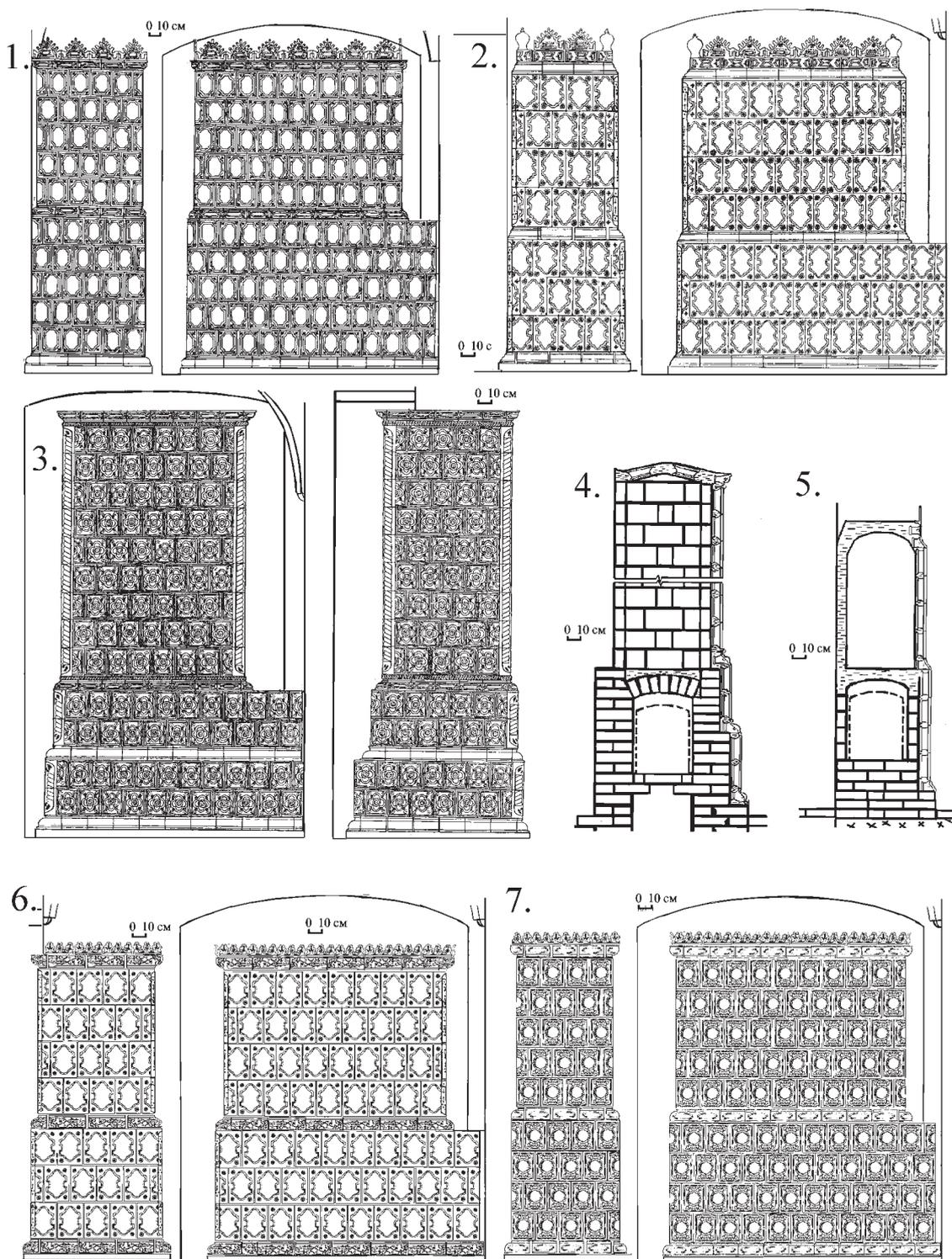

Рис. 45. Печи середины XVIII в. корпусов «А» и «Г»

1—3 — реконструкции внешнего убранства печей; 4, 5 — реконструкция их поперечных разрезов (с учетом подиума); 6 и 7 — реконструкции изразцовых комплектов печей середины — 2-й половины XVIII в. (компьютерная графика)

мыкала к топочному проёму, переделанному в дымоход. Под ним прослеживаются остатки северной стенки (?) печи в виде выступа шириной 0,2 м высотой $\approx 0,1$ м, изразцовый материал, найденный возле фундамен-

та, был представлен только мелкими кусками медальонных стеновых безрамочных изразцов с зелёной глазурью. За фундаментом найденной печи была выявлена поврежденная отмостка пола из плиток ($6,0 \times 27,0 \times 18,5$ см)

с косыми бороздами. Сохранились остатки кладки западной стенки печи в виде срубленных кирпичей (рис 44: 2).

Обломки зелёно-глазурованных стеновых изделий найдены около фундамента печи. Это были безрамочные пластины, украшенные ромашками по углам и сложно-фигурными щитами с профильной кромкой. По terra-cотовым аналогам полного профиля из завала на чердаке корпуса «А» можно восстановить размеры находок из фундамента (фото 79).

Судя по размерам ниши, высота печи была $\approx 2,5$ м. Воссоздать весь изразцовый набор печи очень сложно из-за отсутствия на фундаменте фрагментов других видов изразцов. Для реконструкции изразцового набора печи были выделены общие критерии для всех изразцов: цвет и оттенок глазури, в частности наличие небольших единичных скоплений пузырьков (вспенивания) на поверхности, профиль венчика румпы, стилистические особенности орнамента. Из находок, сделанных на чердаке, к нему возможно отнести небольшие профилированные карнизы, фризы с несложным геометрическим орнаментом, куполки и коронки (рис. 21: 3; 24: 1; 25: 16; фото 80). Сочетание профилированных карнизов и медальонных изразцов по витебским изразцовым наборам¹. К убранству печи могли принадлежать куполки, которые имели профилированное завершение, чем напоминали карнизы. Похожие изделия известны по материалам раскопок Заславля, где датированы концом XVI в., они завершали углы печи². Распространение данного вида на вершинах на печах коллегиума XVIII в. может быть связано как с началом влияния моды на «гданьские» печи³, так и с желанием создать изысканное завершение надставки.

Исходя из соотношений размеров и размещения фундаментов и топочного проёма и судя по значительной высоте румп стеновых изделий, топка печи могла иметь стенки из кирпича, поставленного на ребро, а ее свод и надставка были сделаны из глины и изразцов. Карнизы имели очень короткую румпу, поэтому при укладке в стену печи они не нависали над ней и не имели выноса за плоскости её стенок. Разница между рядами компенсировалась за счёт ширины вертикальных швов между изразцами, которые были шириной до 10 мм. Над карнизом надставки могли нахо-

диться фризы (пояски). Над ними по углам печи возвышались куполки и коронки. На основе приведенных аналогий можно предложить возможный вариант графической реконструкции внешнего вида печи. В общем, по форме и конструкции, она аналогична печи из помещения 1-го этажа корпуса «Г», но судя по фундаменту, в нишу она не была заглублена, кирпичным был только её нижний ярус, своды и надставка были глиняные. Пол между печью и перегородкой был выложен плиткой (рис. 45: 2, 5).

На плане 1828 г. эта печь отсутствует и заменена проёмной, соответственно и печной проём был замурован. Это произошло при пиарах, между 1820 и 1830 гг., когда они были вынуждены оборудовать зимнюю трапезную⁴, после того как в бывшей иезуитской трапезной (1-й этаж корпуса «Б») из строя вышли «тёплые полы». При устройстве новых печей, а их было две, для них под арками ниш были прорублены новые дымовые отверстия (прогары), расположенные уже в верхней части печей, что свидетельствует об изменении в их конструкции по сравнению с предыдущим столетием. Таких печей в трапезной было две, при расчистке заложенных проломов перегородок между нишами на краях кладки был обнаружен нагар, что свидетельствует об их плохом качестве (фото 81, 82).

Среди найденных аналогичных фундаментов⁵ на 2-м этаже наиболее хорошо сохранился фундамент печи помещения, который так же представлял собой кирпичную вымостку $0,95 \times 2,0$ м (рис. 44: 3; фото 74). Около её фундамента был встречен кусок стенового изразца 1-й полов. — сер. XVIII в. со смещённой рамкой и цветком в углу.

Благодаря ему, на основе аналогичных находок на чердаке этого корпуса, стала возможной реконструкция всего изразцового набора, который был использован в качестве утеплителя вместе с остальными изразцами от других печей. Там были найдены и отретаврированы стеновые и карнизные terra-cотовые и коричнево-глазурованные изразцы и коронки-диадемы, которые могли принадлежать этой печи (рис. 17: 1; фото 47, 51). Низ её (огневой ярус) при этом являлся топкой и мог иметь кирпичные стенки. Надставка её могла быть полностью глиняной, без кирпичных стенок (рис. 45: 1). В их составе могли использоваться пластины черепицы.

¹ Левко, 1981, с. 31.

² Заяц, 1990, с. 31; АБ, 2001, с. 342

³ Классический облик печей, присущие им специфические черты, сформировались в 40—50 гг. XVIII в. (Pospieszna, 2007, с. 167).

⁴ Для этого пиары на 1-м этаже соединили 3 смежные кельи, прорубив перегородки между нишами.

⁵ Салаўёў, 2007б, с. 55.

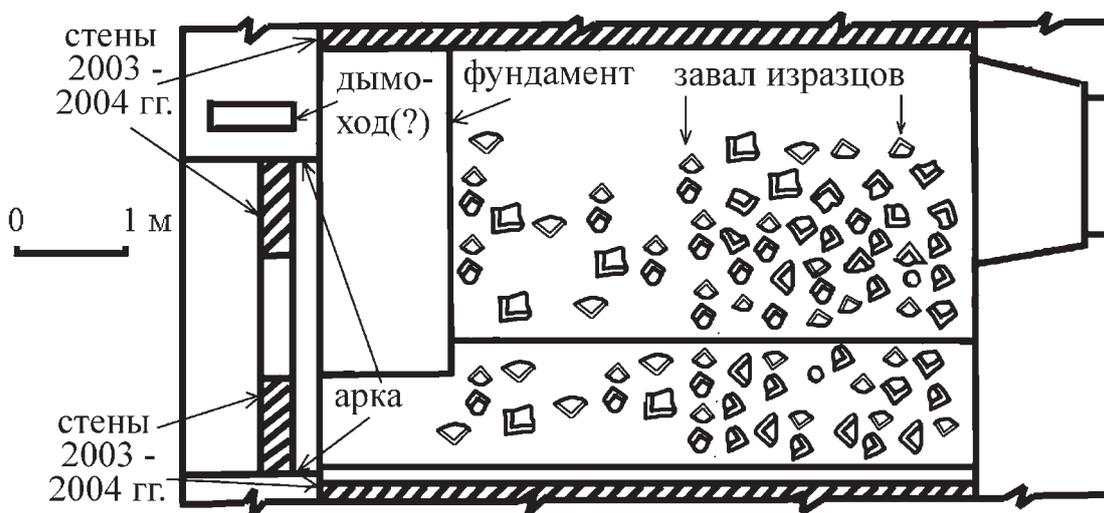

Рис. 46. Изученный участок 2-го этажа корпуса «Г» и остатки печи-камина с завалом изразцов

Печи подобных размеров и конструкции находились во всех кельях трёхэтажных зданий коллегиума. Между собой они различались только изразцовым убранством.

Фундаменты печей аналогичной конструкции прослежены и в других кельях 1, 2 и 3-го этажей корпусов «А» и «Г», изразцов при них не найдено, были определены только их размеры $\approx 0,9-1,1 \times 1,9-2,1$ м.

Вытянутость пропорций основ печей в кельях может быть связана с желанием вписать их в интерьер помещений, увязав с очертаниями ниш, или же может быть объяснена влиянием гданьских образцов. Форма и убранство печи зависели от значимости того помещения, где она устанавливалась.

На основе найденных на чердаке корпуса «А» и в мусоре вокруг корпуса «З» изразцов, с учётом их стилистических особенностей и типовых размеров фундаментов, а так же запечных ниш келий, можно предложить вариант реконструкции убранства ещё двух печей (рис. 45: 6 и 7).

Аналогичные по устройству и конструкции печи упоминаются в описаниях усадебного дома XVIII в. в имении Горспле на Полотчине: «...были это словно огромные шкафы, выложенные изразцами, с одним сводом и трубой. Стены в них были толстые кирпичные... потому к этим каменным предпечьям носили непрерывно ольховые, берёзовые или сосновые колоды и, не изрубив их, клали прямо на уголья... вот почему стенки таких печек, грубами называемых, воняли горелым»¹.

Кроме обычных печей в коллегиуме, ве-

роятно, использовались и печи-камины. На их существование может указывать не совсем обычная планировка 2-го этажа корпуса «Г», где массивные двухарочные перегородки строители заменили высокими квадратными столбами с полуциркульными арками. Подобные арки были устроены и в продольной несущей стене на 2 и 3-м этажах. Получается, что при сохранении необходимой прочности конструкции, практически не оставалось места для размещения дымоходов и печных проёмов. В южной части корпуса «Г» был обнаружен фундамент, аналогичный описанным выше находкам (так же имел вид вытянутого прямоугольника $\approx 1,0 \times 2,0$ м). Но он был ориентирован вдоль продольной несущей стены корпуса. Найденный фундамент не примыкал торцевой стороной к стене, северную его часть исследовать не удалось из-за перекрытия её перегородкой (рис. 46). В стороне от фундамента возле простенка между окнами был найден завал изразцов. Стенные пластины имели розетки и смещённые рамки, венки и медальоны, на части из них была монограмма Божьей Матери. Найденные карнизы имели квадратные медальоны и белую эмаль. Так же были найдены изразцы-перемычки.

Кроме изразцов XVIII в., в составе комплекта так же были зелёно-глазурованные экземпляры XVII в. с абстрактным растительно-геральдическим орнаментом. При изучении данного завала был найден и указанный выше деревянный утюжок для затирки швов между изразцами (фото 75, 78)².

Со строительством печей-каминов может быть связано и использование израз-

¹ Мальдзіс, 2001, с. 308.

² Салаўёў, 2007а, с. 39; Соловьёв, 2012в, с. 45.

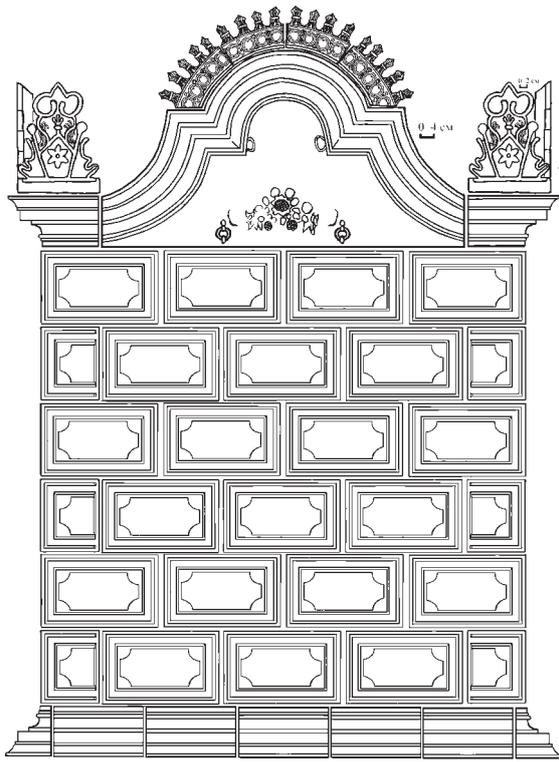

Рис. 47. Частичная реконструкция элементов убранства надставки одной из печей каминов

цов-фронтонов, украшавших их главный фасад. Среди найденных нами изделий к данному набору с изразцами-фронтонами могут относиться коронки в виде диадем, гордков и рустовые стеновые пластины. В состав комплекта так же входили изогнутые и подрезанные изразцы, изготовленные в специальных формах. Их объединяет сходство пластинчатых румп, цвет глиняного теста, отличающегося цветовой палитрой от традиционных красноглиняных находок, наличие бирюзовой эмали и карнизные изразцы, аналоги которым хорошо известны среди материалов коллегиума. Их профиль повторяет профиль верха фронтона. На основе сопоставления данных находок стала возможной реконструкция вероятного убранства верхней части (надставки) одной из печей-каминов (рис. 18: 7; 25: 12—14; 26; 47; фото 37, 52, 54, 61, 62).

Появление подобных печей полоцкого коллегиума и состав их убранства может быть самым ранним свидетельством распространения моды на «гданьские» печи. Теперь полоцкие иезуиты постарались наиболее полно воспроизвести убранство и архитектуру подобных печей, адаптировав их к местным условиям. При этом изразцовый набор для

них мог быть либо специально заказан и привезён, либо изготовлен полоцкими гончарами из привозного сырья, о чём свидетельствует более светлый (имитация фаянса) цвет глиняного теста из которого они изготовлены.

Ещё один набор мог включать в свой состав изразцы с голубой эмалью. К его комплекту можно отнести крупноформатные медальонные стеновые пластины. Границы между ярусами разделяли профильные карнизы, представленные крупноформатными цокольными пластинами более мелкими профильными изделиями.

Изучение залов бывшей библиотеки и трапезной в корпусе «Б» показали, что «тёплые полы» на 1-м этаже были первоначальными и устраивались при строительстве коллегиума. В ходе исследований на 2-м этаже явных следов систем первоначального отопления выявить не удалось. Вместе с тем, огромный зал требовал наличия мощных отопительных устройств для поддержания микроклимата, необходимого для хранения книг¹. Изучение засыпки уцелевшей части межэтажного свода в южной части корпуса позволили обнаружить фундаменты поздних печей 2-й четверти — кон. XIX в. первоначальная засыпка на сводах оказалась во многих местах почти полностью уничтоженной. У самого свода нами были обнаружены остатки изразцового печного набора, который можно отнести к середине XVIII в., состоявшего из зелёно-глазурованных стеновых и карнизных изразцов с медальонами в восьмиугольных рамках, а так же витых перемычек, покрытых белой эмалью. Зелёными так же были и коронки в виде диадем. Найденные обломки половинных стеновых изразцов со следами крепления дополнительных пластин и зелёно-глазурованных витых балясин позволяют полагать, что угловые стеновые изразцы состояли из половины стенового и витой балясины. Изделия верхнего и нижнего ряда завершались капителями. Это подтвердили зелёно-глазурованные и полихромные находки, обнаруженные в засышке сводов и подполья конюшен в корпусе «З». Среди находок необходимо указать и фрагменты замазки стенок печи с отпечатками румп данных изразцов. На некоторых обломках имелась копоть на стороне, обращённой внутрь печи, это говорит о том, что надставка кирпичной основы не имела. Гладкая поверхность указывает на то, что для её устройства делался каркас из досок. Таким образом, можно полагать, что нами была обнаружена часть изразцового убранства пер-

¹ Соловьёв, 2012в, с. 54.

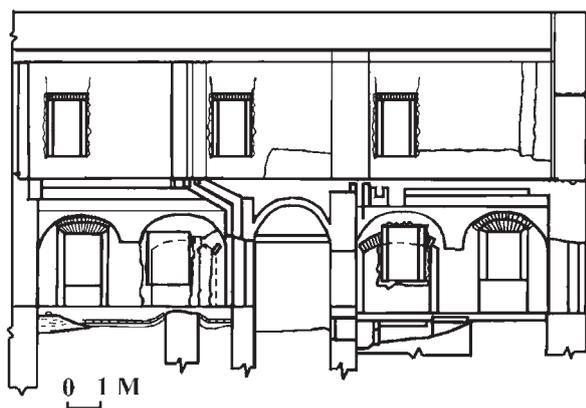

Рис. 48. Фрагмент развёртки северной стены восточной части корпуса «В» на уровне келий музыкантов с реконструкцией очертаний запечных ниш

воначальных печей обогревавших библиотеку (фото 83, 84).

Возможное место их расположения — огромные ниши, образованные путём закладки первоначальных окон. Эти изменения в проекте были проведены иезуитами ещё при строительстве здания. Первоначально огромный зал должен был иметь 11 окон с фресковой росписью их откосов и свода. Для печи же было приготовлено одно место в виде огромной ниши. Со стороны фасада она была подобна замурованному окну и имела массивный наличник. Со стороны зала ниша повторяла оконные впадины и тоже имела подготовку под роспись. Для этого вся штукатурка имела грунтовый слой, который был нанесён ко времени начала перестройки. При внесении проектных изменений, связанных с установкой печей, иезуитами были расписаны только по три окна с каждой стороны зала, а остальные превращены в глубокие ниши. Первоначальные размеры дна этих ниш $1,1 \times 1,9$ м, высота $5,5$ м (до пяты арки), позволяла частично или полностью встроить в них высокие печи-камины квадратные (со стороны $\approx 1,0$ — $1,5$ м) или прямоугольные ($\approx 1,5 \times 1$ м в плане. Этим, вероятно, и можно объяснить полное отсутствие остатков первоначальных фундаментов. Данные печи могли иметь деревянные фундаменты на резных ножках или баясинках, поставленных прямо на пол. Убранство каминов, было двухцветным, они были покрыты зелёно-глазурированными изразцами, на тёмном фоне которых выделялись белоземельные изразцы-перемычки, и обрамление проёма камина. Он мог представлять собой кирпичную, оштукатуренную арку, украшенную дополнительно лепным профилем

(обрамлением) и элементами лепного декора. Практически целый камин закрытого типа с таким убранством найден нами в корпусе «А»¹ (фото 85, 86). Для обогрева огромного зала они могли располагаться попарно в южном и северном концах, правда, до сих пор остается неизвестным место расположения их дымоходов. Возможно, их уничтожили при прорубании окон под хоры в южной стене при устройстве домовой церкви св. Николая и сносе центральной части северной стены. Скорее всего, стоявшие в библиотеке печи были связаны с дымоходами в южной и северной стенах через керамические трубы (*rury ceramiczne*). По наблюдениям М. Дамбровской в Польше они известны в XV—XVI вв. и применялись в «прямочных» печах из мисковых изразцов (устанавливались в их верхней части). Вновь их широкое применение началось в XVIII в.² Ниши и печи тоже были неоднократно перестроены при иезуитах или пиарах. На это указывает введённая дополнительная арка и закладка их верхней части, выполненные в том же столетии (фото 87). Первоначальная огромная ниша в западной стене была понижена примерно до $2,7$ м от уровня плиточного пола до пяты новой арки, и до $3,0$ м до её замка. Тем самым она по контурам стала похожа на ниши южной стены библиотеки. За счёт этого была понижена и высота вновь возводимой печи.

Печи, которые были в кельях корпуса «В», по конструкции и изразцовому убранству также повторяли печи келий корпусов «А» и «Г». Отличительная особенность в их размещении — отсутствие запечных ниш в большинстве келий.

При изучении юго-восточной части здания вместе с полом кельи, выложенного кирпичом, был прослежен развал печи по контурам и размерам аналогичный тем, что найдены в корпусах «А» и «Г». Она не имела печного проёма со стороны коридора. Нами были зафиксированы остатки подиума (нижний ряд кирпича), но изразцов от её убранства обнаружить не удалось.

Только в бывших кельях музыкантов, расположенных на 1-м этаже в восточной части корпуса «В», были обнаружены остатки этих ниш (рис. 48; фото 92). Там же со стороны сеней, расположенных между ними, найдены и следы печных проёмов, аналогичные тем, что были в корпусах «А» и «Г». При этом было выяснено, что в связи с изменениями в первоначальном проекте, проём для

¹ Салайёв, 2007б, с. 57.

² Dąbrowska, 1987, с. 155, 160.

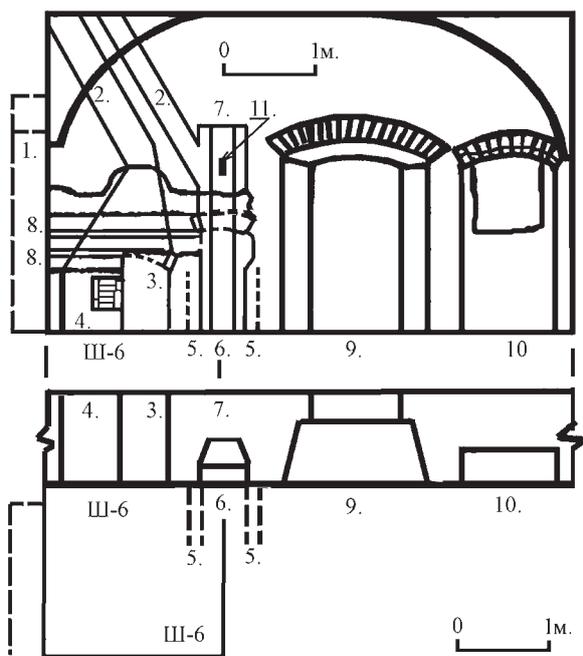

Рис. 49. Восточная стена западной кельи музыкантов и её горизонтальный разрез на уровне печного проёма

- 1 — реконструкция очертаний запечной ниши; 2 — первоначальные дымоходы; 3 — закладка для сужения печного проёма; 4 — полная замуровка печного проёма; 5 — следы срубленных стенок очага или плиты; 6 — арочный проём очага или плиты; 7 — вертикальная шахта дымохода очага или плиты; 8 — прорубленные горизонтальные дымоходы начала середины XX в.; 9 — первоначальная дверь из сеней; 10 — первоначальная ниша с закладкой; 11 — оконце в задней стенке дымохода, ведущее в полость.

печи западной кельи сперва сузили до 0,65 м, а потом и вовсе ликвидировали. Что касается самой печи, если она и была, то её конструкция и убранство существенно отличались от первоначального замысла. Разработка шурфа Ш-6 для поиска её фундамента ничего не дала. Под бетоном восточная стена помещения имела выступ — верхние ряды кладки нависали над нижними на пол кирпича. Цель подобной конструкции выяснить не удалось. Изучение восточной стены, к которой должна была примыкать печь, позволило выявить два первоначальных дымохода оригинальной конструкции. Первый из них («большой») начинался раструбом от замурованного печного проёма и далее, на высоте $\approx 2,0$ м от бетон-

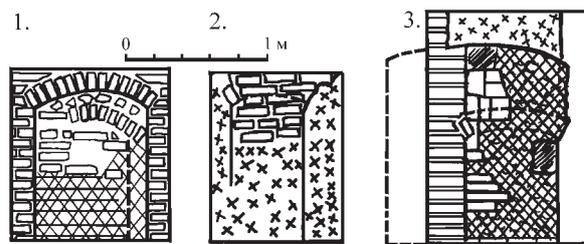

Рис. 50. Печные проёмы в коридоре корпуса «В»

ного пола¹, резко поворачивал на север, доходя практически до угла помещения. Второй («малый») со стороны кельи начинался не проёмом, а лучковой аркой (от которой сохранились отпечатки пяток) высотой 1,25 и шириной 0,4 м, далее он вёл в вертикальную гранёную шахту. В сечении она напоминала план ниши камина, найденного в корпусе «А», но не имела штукатурки. Её задняя стенка была двойной, и на уровне бокового ответвления дымохода в ней было оконце, которое вело в полость неизвестного назначения. Боковое ответвление шло параллельно «большому» дымоходу в северном направлении. Там над северным фасадом здания была труба, поэтому, чтобы не ослаблять место соединения стен и была устроена подобная конструкция. Изучение первоначальной кладки проёма «малого» дымохода показало наличие срубленных кирпичей от перпендикулярно примыкавших стенок. Они были в полкирпича и судя по отсутствию фундаментов в шурфе Ш-6 это сооружение было очень лёгким, скорее всего это была плита или очаг². Данное обстоятельство может объяснить ликвидацию печного проёма: очаг служил топкой для стоявшей рядом печи. Наличие двух дымоходов позволяло использовать его так же независимо от печи (рис. 49; фото 89—91; 93).

Печь второй кельи была позднее сильно перестроена при оборудовании в здании «тёплых полов» и обложена вновь старыми изразцами. Убранство печи представляло собой зелёно-глазурованные и терракотовые изразцы — безрамочные стеновые пластины с фигурными щитами с профильным краем

¹ Имеется в виду уровень пола начала XX в. В настоящее время при ремонте в сенях и бывших кельях музыкантов он был поднят почти на полметра!

² В польской литературе подобные сооружения назывались *kuchenki*. Согласно описаниям, опубликованным М. Дамбровской, они имели решётку и железный лист. При этом с одной плиты можно было топить две печи: *w sieni kuchenca za kratca, z których się w piecach pali, z dwoma blachami żelaznemi...* (Dąbrowska, 1987, s. 159).

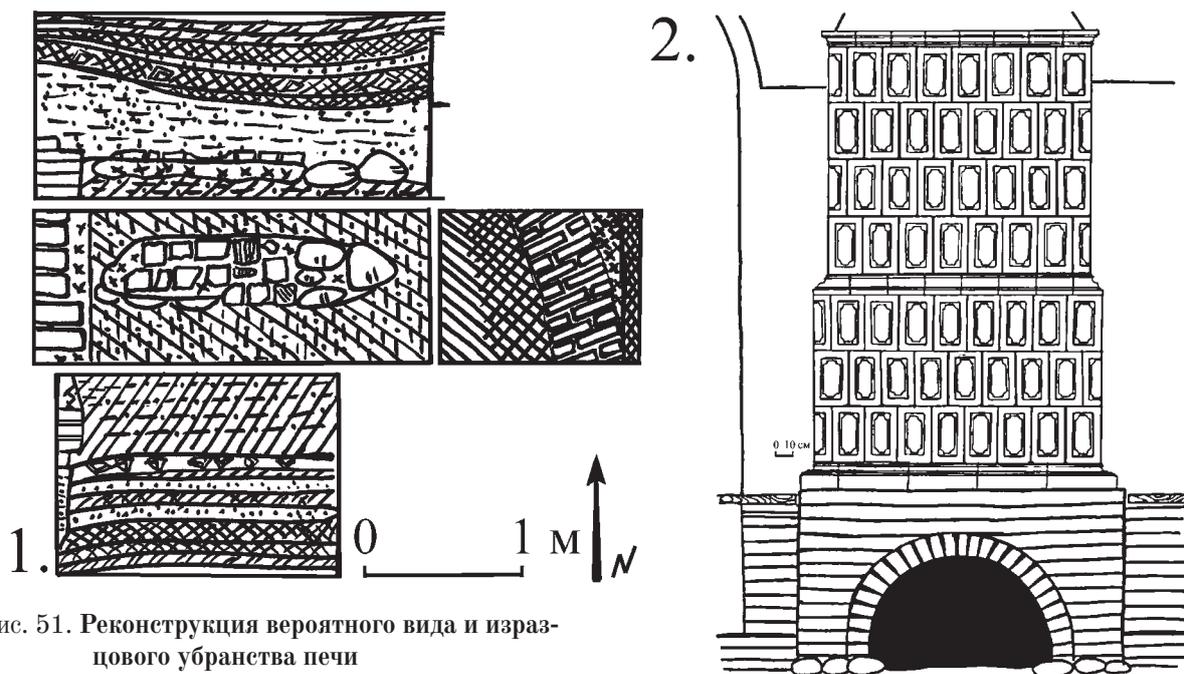

Рис. 51. Реконструкция вероятного вида и изразцового убранства печи

и профильные гладкие карнизы двух видов (фото 94)¹.

Со стороны коридора так же топились не все печи, поскольку некоторые из них не имели печных проёмов (рис. 29, 50; фото 88, 99). Это хорошо видно на примере печей, расположенных в восточной части корпуса «В», где на 1-м этаже сохранились фрагменты стен каменной библиотеки «скромного коллегиума». При этом было замечено, что многие из них имеют следы переделок в сторону сужения, их ширина теперь составляла 0,6—0,7 м и приближалась к размерам топочных проёмов (фото 93, 95—98). Судя по кладке стен, данные работы велись в ходе строительства здания в середине XVIII в.

Интерес представляют остатки печи на 1-м этаже корпуса «В». Она располагалась в бывшем зале с двумя столбами (по плану 1828 г. — хлебный магазин, к тому времени эта печь уже отсутствовала) и была обнаружена в шурфе Ш-3. К нему в ходе дальнейшего её изучения были сделаны дополнительные прирезки. Был прослежен фундамент ее северной стены, который сохранился на высоту одного ряда кирпича. От фундамента ее южной стены уцелели только небольшие камни. Глубина залегания подошвы фундамента печи $\approx 1,2$ м от современного бетонного пола. С фундаментами опорных столбов свода зала он связан не был. Первоначально фундамент, возможно, имел вид большой

полуциркульной арки, он был поставлен на перемешанный культурный слой, который заполнял котлован корпуса. Со стороны разгрузочной арки стены он дополнительно был укреплен кладкой из камней, игравших роль контрфорса, который, вероятно, был и у разрушенной южной стенки. Таким образом, данная кладка предохраняла печь от сползания под арку стены (рис. 51; фото 99). Устье топки печки, вероятно, было с южной стороны и «смотрело» в нишу. Печка была размещена таким образом, что обогревала помещение всеми четырьмя стенками и представляла собой симметричное полностью кирпичное сооружение, обложенное изразцами, которое завершалось коническим шатром. Дымовод вёл через отверстие свода и под полом 1-го этажа в толщу стены 2-го этажа, которая была поставлена на подпружную арку и ребро жёсткости свода. Печь располагалась в юго-восточном углу зала между двумя столбами, столь оригинальное расположение и отдалённость от входа привели к тому, что во круг топки со всех сторон было свободное место и в восточной стене зала ещё при строительстве корпуса в углу был сделан низкий сквозной проём с лучковой аркой. Он был высотой (в замке) 0,75 и шириной $\approx 1,0$ м, через неё из соседнего помещения подавалось топливо, которое складировалось и сушилось возле печи (фото 100). В нач. XX в. при сносе стены и сводов его северная часть была разрушена, а южная замурована в пилон для опоры швеллеров. Изразцовый набор печи состоял из безрамочных стеновых изразцов

¹ Салауёу, 2010, с. 48; Соловьёв, 2012в, с. 38—39.

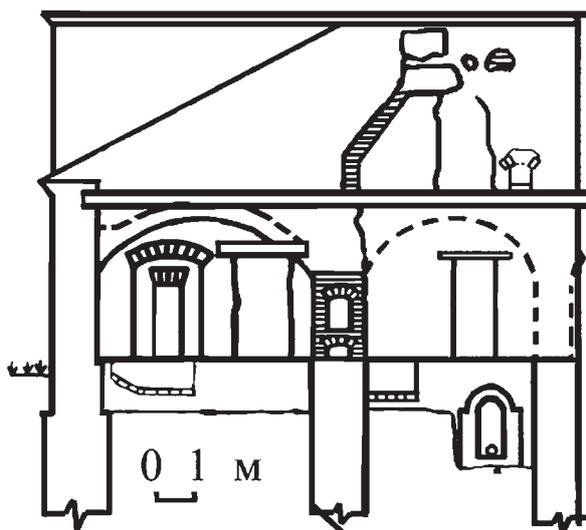

Рис. 52. Фрагмент разреза корпуса «В», с северной стеной пекарни и чердаком

с глубокими профилированными нишами (фото 42) и 3-х видов карнизов (рис. 19: 13; 22: 7; 51: 2)¹. Аналоги последним хорошо известны по материалам исследования других корпусов коллегиума. Изразцы были покрыты тёмно-коричневой глазурью. Стеновые изделия имели жёлтые пятна, терракотовые изделия — следы побелки. На основе выявленных материалов был реконструирован её вид.

Почти ничего доподлинно неизвестно об убранстве пекарской печи в корпусе «В» (рис. 29), раскопки её остатков позволили выяснить, что она была поставлена на мощные стены и арки фундамента здания, занимала практически четверть помещения и была спрятана за опорным квадратным столбом. Более полное представление о её устройстве даёт проектный рисунок XVII в., сделанный Богуславом Радзивиллом². Шурф 15, врезанный на месте расположения пекарской печи, выявил сплошные забутовки одновременным кирпичом, которые послойно пришлось разбирать. На глубине 0,9 м начинался суглинок, заполнявший котлован здания и покрытый сверху просевшей кирпичной вымосткой, прослеженной на глубине от 1,1 до 1,35 м. Восточная часть забутовки, где был тоннель не разбиралась. Под ней было обширное подполье (?), мощёное кирпичом, через него проходил канализационный тоннель, куда из квасной выводились стоки. Сама печь частично или полностью могла быть сложена на известковом растворе. Из-

учение северной стенки пекарни позволило проследить контуры срубленных ниш, расположенных на уровне подпечья и предтопочной камеры с дымоходом (фото 104). Исследования чердака пекарни показали, что их было несколько, и они выходили в северную стену пекарни. Там же обнаружены остатки оконца 0,5×0,6 м для прочистки одного из них (рис. 52; фото 103).

Таким образом, данные архитектурные остатки относятся к предпечью пекарской печи, которое было возведено вместе со стенами пекарни (фото 104). Близкое расположение опорного столба помещения позволяло перекрывать проёмы устья и топки перемышками либо в виде лучковой арки, либо прямыми клинчатыми. Столб и стена помещения принимали на себя их горизонтальный распор. На плане 1828 г. у столба была зафиксирована дополнительная небольшая Г-образная печь, примыкавшая к нему с южной и восточной сторон и соединявшаяся с пекарской печью возле предпечья. Судя по размерам она была отопительной, с ней можно увязывать найденные у самого пола некоторые из мелких обломков терракотовых и эмалированных изразцов. Опорой для неё служила разгрузочная арка между южной стеной пекарни и столбом. С восточной стороны данной печи располагался лаз под пекарскую печь, прослеженный при разработке Ш-15. Свидетельством этого является выкладка из поставленного на кромку кирпича 7×15×30 см, характерная для конструкции лестничных ступенек, порогов и подоконников. Она найдена при разработке Ш-13 (фото 105, 106). Данная кладка расположена на расстоянии ≈ 1,2 м от пекарской печи и глубине 0,5 м от современного пола. Этого было достаточно чтобы устроить 2—4 ступеньки, ведущие вниз. Длина их ≈ 1,2—1,3 м определялась с западной стороны разгрузочной аркой, а с восточной — стенкой канализационного тоннеля, пересекавшего здание. Ниже арки на глубине 0,8—0,9 м от бетонного пола были остатки вымостки обломками кирпича. Эта вымостка прослежена и в Ш-14 на глубине ≈ 1,0 м под просевшими плитками пола, формат её кирпича (?)×14,5×28 см плитки (?)×27×18 см. Назначение данной вымостки неизвестно, скорее всего она играла роль своеобразной гидроизоляции пола на песчаной подушке от сырости, поднимавшейся от земли. Таким образом, пролезая под аркой, человек попадал в подпечье, которое представляло собой сводчатую камеру с выложенным кирпичом полом. Её свод был цилиндрическим, лучковой формы, он опирался на

¹ Салауёў, 2011б, с. 80—81.

² Габрусь, 2012, с. 64.

восточную и западную стены, находясь выше уровня современного пола. Свод был основой для наклонного пода. Его северная сторона была опорой для северной стены и свода топочной камеры. Высота под аркой была $\approx 0,3$ м. Через него и камеру вёлся слив производственных отходов в тоннель (рис. 53).

Данная печь могла иметь и металлическую заслонку в трубе. Остаётся неясным вопрос о первоначальном изразцовом убранстве пекарской печи: найденные мелкие обломки изразцов относятся к кон. XVIII в. С учётом того, что печь была спрятана за центральным столбом помещения, изразцовым мог быть только её западный фасад¹. Исходя их выше изложенных наблюдений, приходим к выводу, что данная печь во многом схожа с радзивиловской (рисунок Богуслава Радзивилла)².

Конструктивные и декоративные особенности печей бывшей иезуитской кухни восстановить довольно сложно, их фундаменты были снесены или повреждены при строительстве дровяной плиты для нужд кадетского корпуса. Сохранился только фундамент «большой печи», известной по Инвентарю 1807 г. Печь была сложена из кирпича-пальчатки $30 \times 15 \times 6,5$ см с косыми бороздами и имела топку в западной части. Это было большое трёхкамерное сооружение, спрятанное за несущей перегородкой. Размеры его основания были $\approx 420 \times 230$ см (фото 107), вполне вероятно, что изразцами мог быть выложен только её главный фасад, обращённый на запад. Судя по раскопанному фундаменту, наиболее мощными были боковые стены печи, на них опирались своды подпечья и топки. Перед ней сохранился первоначальный плиточный пол, который, вероятно, в этом месте помещения был на 1—2 ряда кирпича ниже остального и образовывал своеобразный приямок. За счёт этого он и сохранился при перестройках здания. Плитки его были terra-cottowymi с косыми бороздами $29—30 \times 27—28—6—7$ см.

Натурные исследования стен бывшей кухни, показали, что даже многие следы первоначальных перегородок и сводов утрачены при перестройках, проведенных в кадетский период в кон. XIX — нач. XX вв. Из-за этого никаких следов первоначального примыкания печи к дымоходам в несущей стен не найдено. При этом удалось выяснить, что первоначальные вертикальные дымоходы печей кухни находились в южной стене и далее шли в тол-

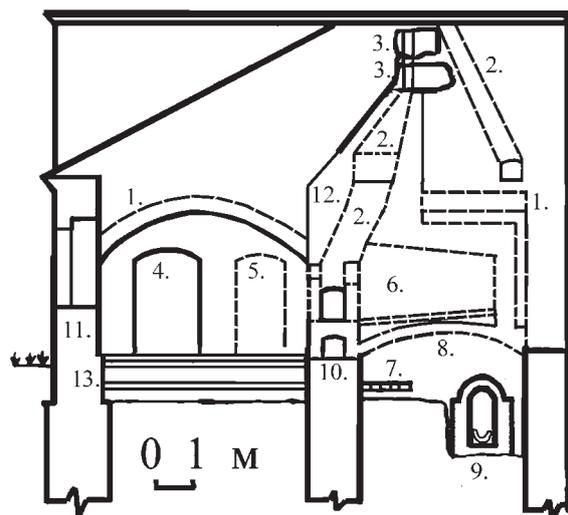

Рис 53. Пекарня с реконструкцией разреза пекарской печи по продольной оси (схема)

Толстые линии — существующие натурные остатки, тонкие линии — элементы, остатки которых удалось проследить при изучении, пунктир — полностью утраченные и реконструируемые элементы.

1 — своды, 2 — направления дымоходов, 3 — массивы кладки на уровне начала трубы (?), 4 — существующая ниша с пробитым при пиарах входом, 5 — предполагаемая ниша (по плану 1828 г.), 6 — топочная камера, 7 — подпечье и кирпичная вымостка его пола, 8 — свод подпечья, с находящимся над ним подом, 9 — канализационный тоннель для слива отходов, предпечье с остатками ниши на уровне подпечья и предтопочной камеры, 11 — западная стена пекарни с окном, 12 — кирпичный шатёр, место выхода дымохода из предтопочной камеры в стену, 13 — первоначальный уровень пола и кирпичная отмостка под ним

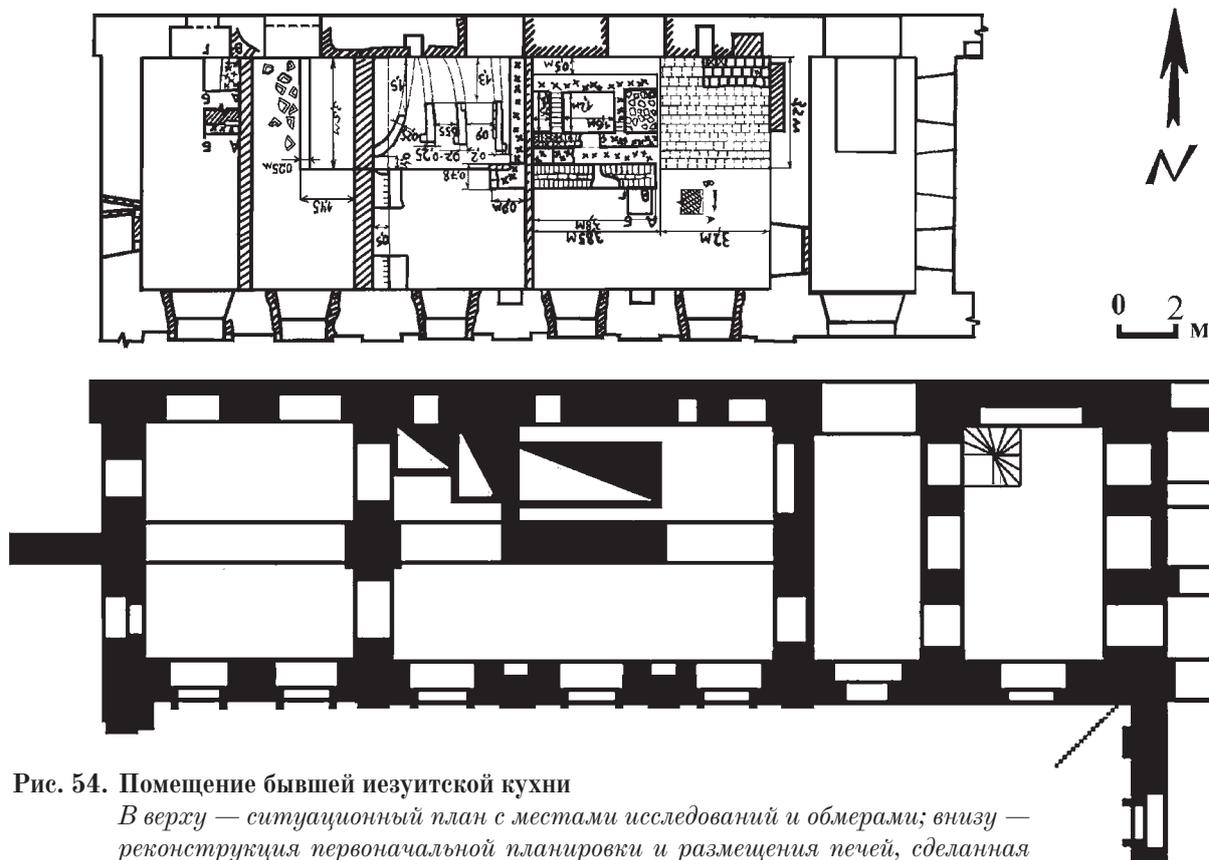
ще наружной стены за пилястрами (рис. 54). Данная печь, вероятно, была разрушена при пиарах, которые вели перепланировку кухни и перегородку, за которой она располагалась, сломали, оставив только опоры под пятнами сводов³. На фундаменте печи возвели другое сооружение, близкое к ней по габаритам, оно указано на обмерном плане 1-го этажа коллегииума 1828 г.

Во время одного из ремонтов конца XVIII в. была заменена её топочная дверка

¹ Салаўёў, 2010, с. 49; Соловьёв, 2012в, с. 38.

² Габрус, 2012, с. 64.

³ Салаўёў, 2009а, с. 317, 319.

Рис. 54. Помещение бывшей иезуитской кухни

Вверху — ситуационный план с местами исследований и обмерами; внизу — реконструкция первоначальной планировки и размещения печей, сделанная на основе плана 1828 г., Инвентаря 1807 г. и натурного изучения

с отверстиями вместо поддувала. Размеры её 29,5×34,0 см. Данная дверца, с учётом толщины своей рамки, была увязана по габаритам с крупноформатными гладкими стеновыми изразцами конца XVIII в., высота которых составляла 28,5—30,5 см, а ширина — 20,0—22,0 см. Таким образом, высота дверной рамки была приближена к стеновым изделиям, а ширина её укладывалась (с учётом шва) в 1 1/2 ширины пластины. В случае же не совпадения, края изразцов подрубались. Подобные экземпляры выявлены в завале на чердаке корпуса «А». Это же обстоятельство приводило к тому, что мастера старались совместить расположение топочной дверцы и рядов изразцов огневого яруса. Особенно это важно будет при перестройках, проводившихся пиарами, которые некоторые печи келий сделают таким образом, что их будут топить непосредственно из помещений (зимняя трапезная на плане 1828 г, корпус «А»). Она найдена рабочими под вымосткой из битого кирпича, выполненной на красной обожжённой глине при сносе остатков топки в 2006 г. Это указывает на то, что под топки был наклонный. Найденная дверца имела роскошное рельефное изображение готического здания с рыцарями в ни-

шах. Элементы готики имело и обрамление изображения. Ручка дверцы располагалась по середине и, вероятно, имела запорный механизм. Следов крепления петель дверцы не обнаружено. Скорее всего, они изготавливались отдельно и соединялись с ней на заклёпках (рис 55; фото 108)¹.

Печи конца XVIII — начала XIX в. после 1773 г.

В связи с прибытием в полоцкий коллегиум новых насельников и необходимостью их обустройства, последняя четверть XVIII в. века была отмечена масштабным строительством и реконструкцией коллегиума. Многие печи середины XVIII в. перестраиваются из-за ветхости или в связи с устройством «тёплых полов». При этом используются как старые изразцы, так и новые, украшенные в соответствии с требованиями классицизма (фото 48, рис. 56).

Одной из причин распространения гладких стеновых изразцов была необходимость их росписи, столь характерной для «гданьских» печей. Под влиянием гданьской моды

¹ [152, 153]

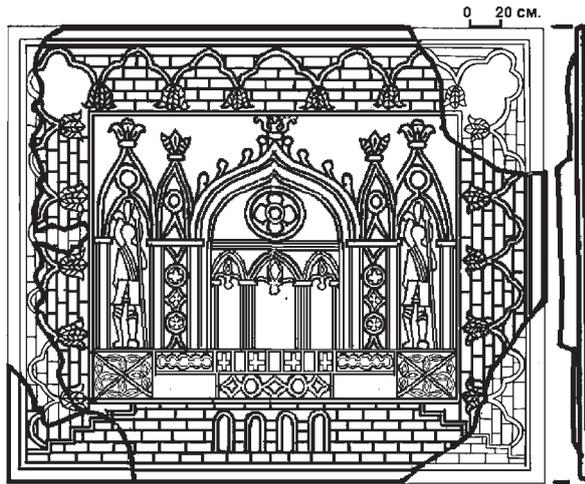

Рис. 55. Топочная дверца от «большой печи» бывшей иезуитской кухни

появились так же разнообразные коронки в виде погребальных урн и диадем с обрезанными по лекалу нижними подошвами. Они, как и упомянутые выше городки, обрамляли верхнюю часть фронтона. Именно за счёт лекальной нижней поверхности диадем и реконструированного аналога, стало возможным провести реконструкцию примерных очертаний фронтона, принадлежавшего печи кон. XVIII в. Там же, на чердаке корпуса «А» и в заполнении ленточного фундамента печи (плиты?), построенной после 1831 г., были найдены аналогичные изразцы с пятнистой зелёной глазурью. Таким образом, на их основе стала возможной реконструкция всего убранства печи в «гданьском» стиле кон. XVIII в. стоявшей в одной из келий 1-го этажа корпуса «А» (рис 56: 2) ¹.

Рельефный декор фасадов сосредотачивается на карнизах и коронках ². Получают широкое распространение и пятнистые глазури, имитирующие мрамор и чистые эмалированные изделия. Покрытие пятнистыми глазурями зафиксированно уже на рельефных пластинах 2-й полов. XVIII в. Они, возможно, должны были заменить расписные изделия «гданьского типа», которые стоили очень дорого и выпонялись на основе гравюр и картин лучших художников того времени ³. Подобными изразцами были переложены многие печи в корпусе «А» (рис. 56) ⁴.

Конструкция печей в основном оставалась прежней. Это были колпаковые двухкамер-

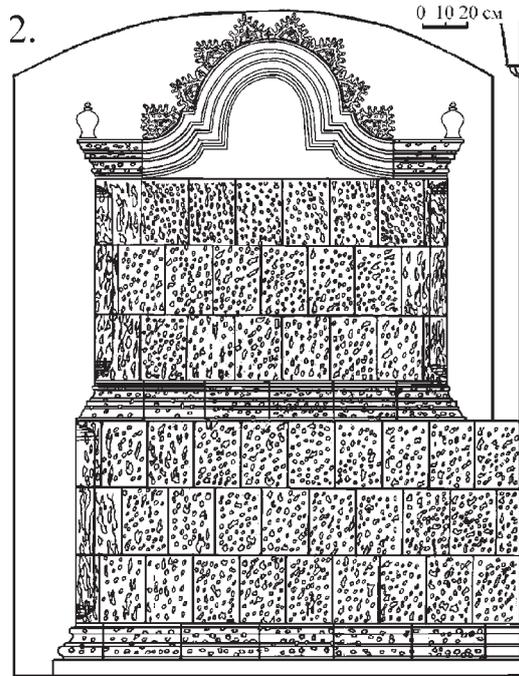
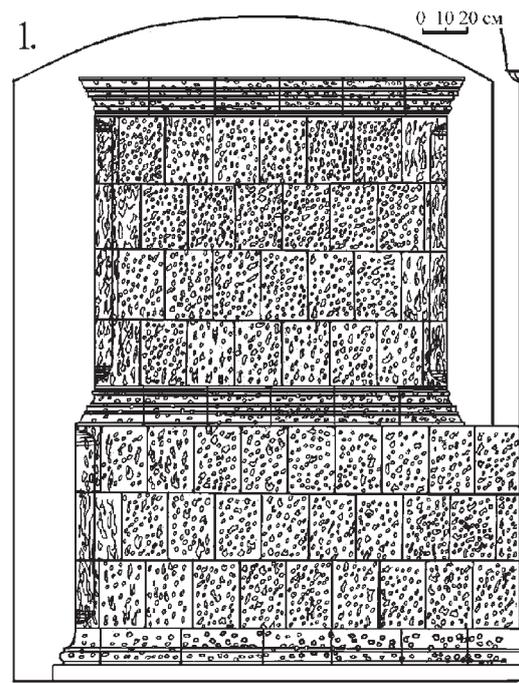

Рис. 56. Реконструкция убранства изразцовых «пятнистых» печей последней четверти XVIII в. в одной из келий корпуса «А» 1 — коричневые; 2 — зелёные (печь выполнена в «гданьском» стиле, реконструированные элементы не закрашены)

ные сооружения. Вместе с тем появляются и печи новой конструкции — щитки (стеночки). Они были полностью кирпичными и могли встраиваться в стену. Их топка, как и у грубок, могла находиться в соседнем помещении. Нередко это были камин или плита

¹ Barbara Pospieszna 2007 Białystok, с. 166.

² Здановіч, 1993, с. 72—74.

³ Barbara Pospieszna, 2007, Białystok, с. 167—170.

⁴ Салаўёў, 2007а, с. 43; Салаўёў, 2007б, с. 56.

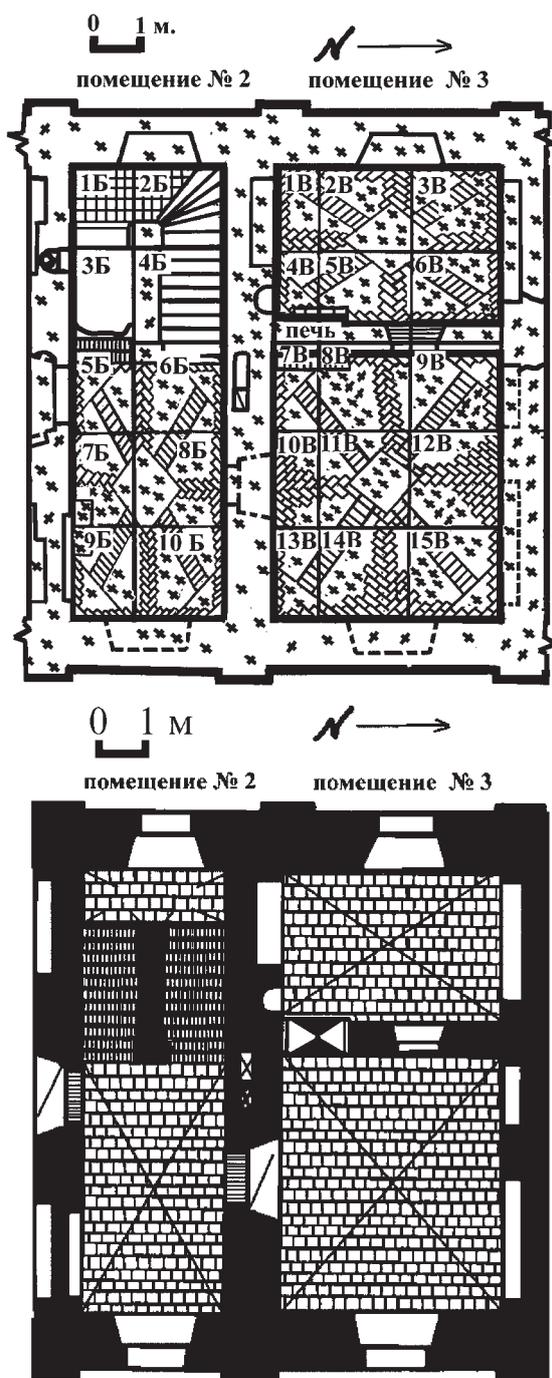

Рис. 57. Фрагменты планов 2-го этажа.
*вверху: фиксация найденных остатков
 печи и стен после расчистки свода
 внизу: реконструкция помещений,
 связанных с расположением проёмной
 печи-стенки (корпус «З»)*

(очаг), они не имели изразцового убранства и были побелены.

Остатки печи были найдены на 2-м этаже корпуса «З» в бывшей комнате смотрителя. Она была сооружена в специальном проёме капитальной перегородки между смежными

помещениями. Первоначальные размеры фундамента были $\approx 0,8 \times 1,6$ м (рис. 57; фото 109 и 110), печь через очаг (плиту?) в большей комнате соединялась с дымоходом в стене, поэтому с восточной стороны она, возможно, изразцового убранства не имела.

Что собой представляли эти очаг или плита осталось не выясненным. С учётом размеров основания щитка и расположения дымоходов можно полагать, что это было близкое к квадрату сооружение со стороной 1,2—1,6 м, и оно было достаточно лёгким, чтобы не делать под него специальной основы, а просто поставить его на плиточный пол. Это сооружение, как и находка в корпусе «В», могло иметь стенки толщиной в полкирпича.

Изучение вертикального дымохода, выходящего в трубу, показало, что он имел перестройки. Удалось проследить остатки первоначального канала из комнаты кучеров, позже рядом с ним был прорублен (или продлён) канал от печи 2-го этажа. Для этого со стороны лестницы (помещение № 2) стена была выломана и заложена на извести тем же кирпичом. Подобные переделки указывают на отсутствие следов печного проёма и изменения в конструкции дымоходов. Это уже было целиком кирпичное сооружение. Горизонтальных соединительных дымоходов, вероятно, было два: нижний предназначался для подачи жара из топки, верхний — для вывода в трубу. Печь была оборудована люфтами для их прочистки, которые, вероятно, были заложены меньшими по размерам изразцами или оформлены в виде небольших литых дверок (фото 111). Они располагались в верхней и нижней части печи. Его восточный фасад был, вероятно, побелен.

Для прочности щиток мог иметь несколько жаровых колодцев, соединявших верхние и нижние дымоходы. Таким образом, они могли являться прототипами дымовых каналов (дымооборотов). По наблюдениям М. Дамбровской, появление их связано с переводом печей в XIX в. на каменный уголь. Данное обстоятельство привело к необходимости задержания в печи раскалённых газов с целью повышения её коэффициента полезного действия¹. Возможно, что подобные печи появились уже в полоцком коллегиуме при иезуитах или пиарах в первые десятилетия XIX в.

Главным был западный фасад печи, который был обложен гладкими коричнево-глазурованными стеновыми изразцами, сверху и снизу он был украшен профилированными карнизами с низкими румпами. За счёт этого

¹ Dąbrowska, 1987, s. 160.

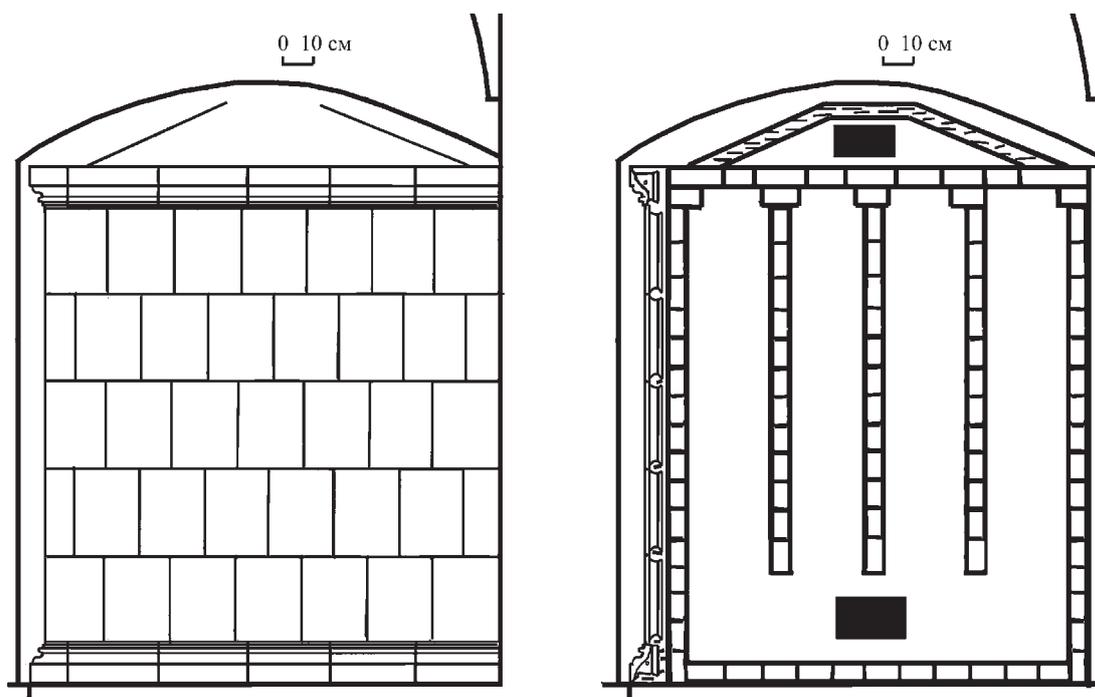

Рис. 58. Реконструкция продольного разреза и изразцового убранства печи-стенки из корпуса «З»

печь выглядела *jednoskrzyniowej*. Возможно, что ее изразцовая «одежда» целиком закрывала арку проёма, в котором она находилась.

По очертаниям она напоминала запечные ниши корпусов «А» и «Г». Более точно её размеры, как и высоту пят свода помещения, где стояла печь, удалось реконструировать по фрагментам северной стены 2-го этажа и аналогичным аркам 1-го. Данный проём, с учётом фундамента печи, был шириной 1,6—1,65 м, высота его до пяты была 1,8—1,9, а в замке — 2,05—2,1 м. При этом низ проёма, как и у остальных стеновых ниш, был приподнят над уровнем первоначального пола на 10—15 см. Всего же на данную печь требовалось около 60 изразцов всех видов. Сегодня это наиболее ранний образец проёмного отопительного щитка в Полоцке (рис. 20: 9, 10; 22: 10; 58)¹.

Нередко печи кон. XVIII в. заглубляются в землю и перед ними устраивается кирпичный приямок (фото 116). Это была попытка решения основной проблемы печей с колпаковой конструкцией — преимущественного верхнего прогрева и один из способов увеличения тяги в каналах вновь возводимых «тёплых полов». При этом данные печи устраиваются прямо в жилых помещениях и для их убранства используют старые изразцовые наборы. Остатки уникальной печи, имевшей две топки и обогревавшей всю восточную

часть корпуса «В», были найдены в 2006 г. в бывшей келье музыкантов (рис. 29, 59; фото 112—115).

Она была возведена на месте старой печи в последней четверти XVIII в. таким образом, что являлась частью мощного гипокауста, который обогревал «тёплые полы» на двух этажах в восточной части здания. В помещение, куда выходила топка, был устроен кирпичный приямок, заглублённый ниже первоначального пола. Так же был растёсана и перестроена нижняя часть печного проёма. Таким образом, его высота теперь составила ≈ 1,5 м.

Эту печь топили из бывших сеней, где в нач. XX в. была прорублена проездная арка. Шурфами было расчищено две камеры, одна из которых (0,95×1,0 м) была печным проёмом и имела значительный нагар на стенах и, по-видимому, выше переходила в дымоход (фото 112—115). В заполнении камеры было много обломков от изразцов — профилированных карнизов и медальонов 2-й полов. XVIII в., встречались обломки посуды того же времени. Этот завал прослежен до глубины 1,0 м от уровня современного пола (на 2006 г.), далее шла земля с битым кирпичом и камнями. Данная камера имела одну конструктивную особенность: западная её часть в толще стены была частично обмазана известью и сложена на известковом растворе. Восточная её часть была сложена на глине со стенками толщиной в половину кирпича.

¹ Соловьёв, 2012в, с. 67—68.

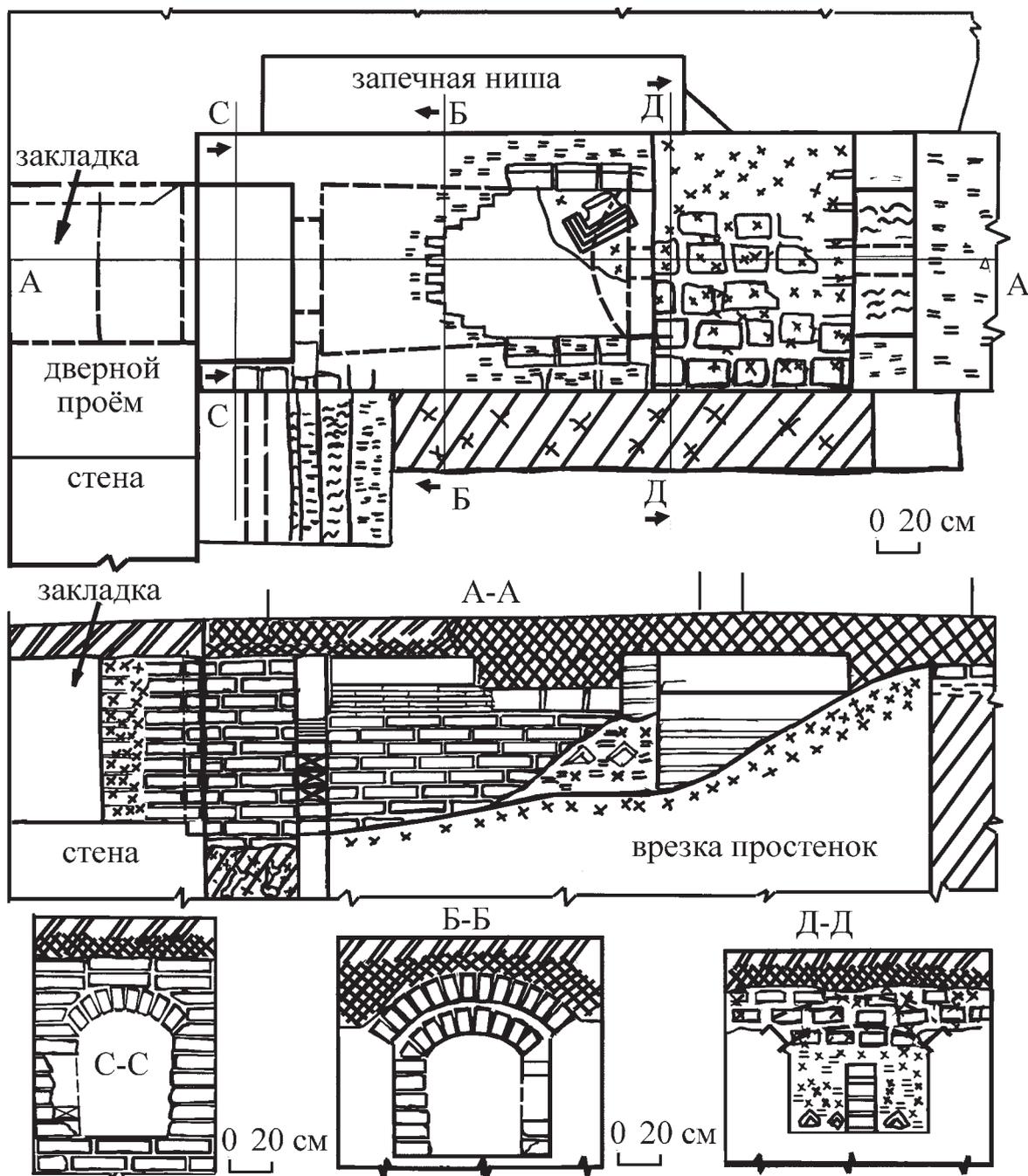

Рис. 59. План и разрезы топки гипокауста в бывшей келье музыкантов в корпусе «В»

От следующей камеры её отделял арочный проём $0,45 \times 0,6$ м (фото 112, 114). Эта камера была топкой, она сужалась в восточном направлении на ширину от 0,95 до 0,75 м. Первоначально она была перекрыта частично сохранившимся цилиндрическим сводом на длину 1,5 м (фото 113, 114). Восточная часть топки была перекрыта фундаментом другой печи (фото 115). Она показана на плане 1828 г. Возле этого фундамента были пролом и завал печной обожжённой глины, в которой был найден неповрежденный угло-

вой карнизный изразец, там же начинались и каналы калориферов. Длина камеры была 1,8 м, под имел значительный уклон, $\approx 0,1$ м на длину 1,5 м в сторону арки, он был частично сделан из кирпича и замазан прочным известковым раствором, возможно, с добавлением золы или суглинка, давшим серый оттенок. От пяты свода топки он был на глубину 0,4—0,6 м. Данная топка обогревала калориферы 1-го этажа. Над ней располагалась 2-я топка, которая завершалась кирпичным белёным шатром, выводившим жар через

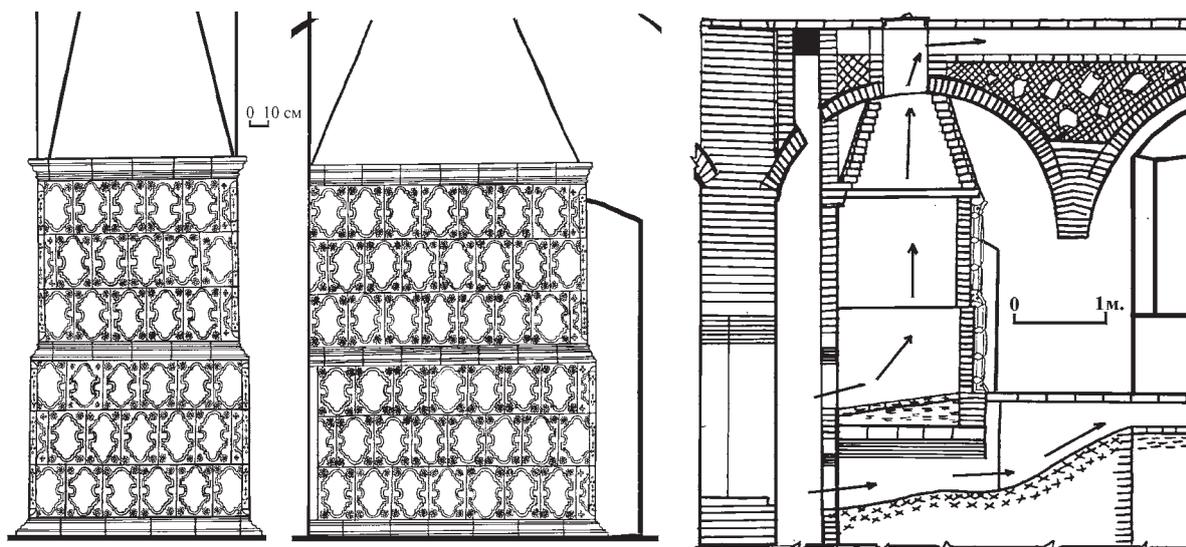

Рис. 60. Реконструкция продольного разреза и изразцового убранства печи с двумя топками из корпуса «В» с каналами «тёплых полов»

пролом свода в каналы 2-го этажа. Для этого там был устроен жаровой колодец, сложенный на глине. Вся топка была кирпичной и снаружи обложена упомянутыми выше изразцами. За счёт двухъярусного изразцового убранства и двух топков с общей белой камерой-предпечьем, она выглядела *trzykryniowej* (рис. 60)¹.

Аналогичная печь обнаружена при изучении корпуса «З». При этом на 1-м этаже в помещении № 2 корпуса «З» был раскопан сохранившийся приямок перед проёмом печи. При устройстве в кон. XVIII — нач. XIX в. проезда через амбар и в ходе связанного с этим ремонта, пол в изучаемом нами помещении был поднят и выстлан вновь кирпичом и плиткой. При этом стенки приямка, вероятно, были наращены и стали выступать над поверхностью пола (фото 116). Печь, обогревавшая комнату кучеров (помещение № 3), была прямоугольной, её габариты $\approx 1,5 \times 1,2$ м (рис. 61). Длинной стороной она примыкала к дымоходу в толще стены и топилась со стороны помещения с лестницей. Была расчищена её топка $0,7 \times 1,1 \times 0,8$ м, под её был выложен кирпичом². В ходе дальнейших исследований выяснилось, что северная стенка топки более поздняя, хоть и сложена в технике тычковой кладки из кирпича-пальчатки на известковом растворе (фото 117—119). Ряды кирпича стенок не совпадают и не имеют перевязки. Таким образом, найденная нами топка имела продолжение

в северном направлении, это же подтвердили и остатки калориферов, найденные в 2012 г. в северо-западной части помещения (комната кучеров). При сравнении её с находкой из корпуса «В», обращает на себя внимание одна деталь: данная камера имеет сужение в сторону остатков трёх калориферов, но место их соединения исследовать не удалось. Она имела лучковый свод и толстые стенки в кладке которых, с учётом сужения топки, кроме обычного кирпича могли использоваться и массивные плитки пола, для получения нестандартной толщины (рис. 62).

Найденная нами печь оказалась впущена в землю на глубину $0,65—0,7$ м от первоначального пола. Под, выложенный кирпичом, был горизонтальным, ближе к каналам он имела подъём для обеспечения тяги в калориферах. Она имела топочный проём $\approx 0,6 \times 0,7$ м с лучковой аркой и была перекрыта лучковым сводом в полкирпича, его пяты со стороны западной стенки были усилены целыми кирпичами. В последнем были видны следы нагара на некоторых кирпичах, там, вероятно, были 2—4 жаровых колодцанадставки. Последнее обстоятельство может указывать на перестройку, либо полную замену свода при устройстве колпаковой надставки. Данная реконструкция скорее всего произошла при пиарах по причине выхода «тёплого пола» из строя.

При такой конструкции изразцами выкладывался только верхний ярус — надставка печи. Таким образом, внешне она могла выглядеть *jednoskryniowej*. Низ представлял собой массивный (вероятно побеленный) по-

¹ Салайёв, 2010, с. 48.

² Соловьёв, 2012в, с. 65—66.

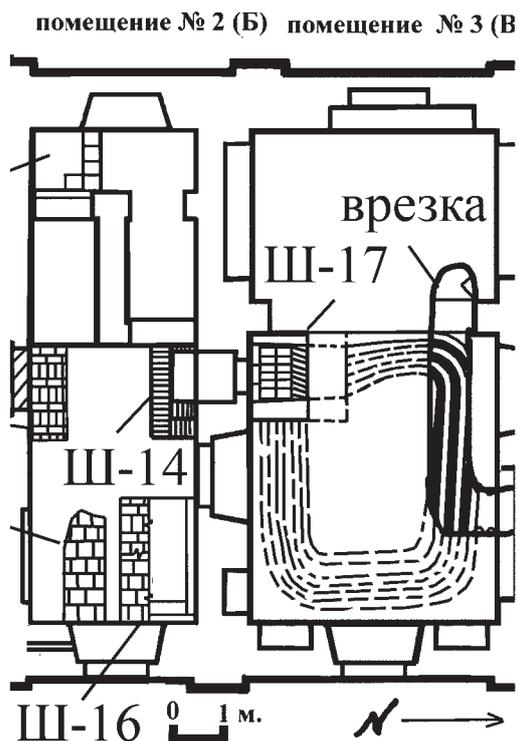

Рис. 61. Фрагмент плана 1-го этажа корпуса «З» по итогам исследований 2012 г.

стамент высотой $0,4\text{--}0,5\pm 10\text{ м}$ над уровнем первоначального пола, отсутствие стеновых изразцов не позволяет точно реконструировать её фасады. Единичная находка терракотового карнизного изразца с профильной пластиной при расчистке приемка перед печным проёмом позволяет полагать, что стеновые изразцы были либо гладкими пластинами, либо безрамочными изделиями с медальонами сложной конфигурации (возможно, изразцовый набор был аналогичен находке в корпусе «В»). Высота печи до уровня пяты свода была $2,0\text{--}2,5\text{ м}$ (рис. 60)¹.

Это была единственная «колпаковая» печь, заглубленная в землю. При этом для облицовки её надставки был использован старый изразцовый комплект, оставшийся после разборки или ремонтов печей в главных корпусах. Первоначально же топка «тёплого пола» могла быть полностью скрытой под его плиткой или иметь вид выступа с люками в своде для выпуска жара в помещение после протопки. Вместе с тем, наличие изразцовой надставки над первоначальной топкой гипocaustа так же вполне допустимо. Будучи связанной с ней через отверстия свода, она позволяла максимально полно использовать горячий воздух, который первоначально на-

гревал её и только потом попадал в каналы, прогревая и пол. Для огромного жилища кучеров, связанного с тремя помещениями, такая мощная отопительная система должна была компенсировать потери горячего воздуха при сквозняках.

Исследования корпуса «Ж» (бывшая бурса), построенного в 1789 (?) г., показали, что он не имел коридоров. Печи топились со стороны соседнего помещения, для этого в поперечных стенах были устроены печные проёмы, аналогичные тем, что были в корпусах «А», «В», «Г». Поскольку стены здания бурсы были уже достаточно тонкими, больших и глубоких ниш в них не было. Это же наложило свой отпечаток и на конструкцию дымоходов и печных проёмов. Толщина стенок дымоходов была в половину кирпича. Проёмы выносятся в поперечные капитальные перегородки и для получения необходимых размеров, со стороны печи возводится белёный короб со стенками толщиной в половину кирпича (это напоминало устройство печного проёма в корпусе «В») (фото 121, 122). Сама печь имела ленточный П-образный фундамент, не связанный со стенами здания (фото 120). Середина его была забита строительным мусором на известковом растворе. Обнаруженные обломки изразцов от её убранства показали, что стеновые пластины были гладкие, терракотовые или покрытые зелёной эмалью. Ещё одна особенность расположения печей в данном корпусе — это отсутствие запечных ниш. Печи были расположены таким образом, что между ними и стенкой был узкий проход в $20\text{--}30\text{ см}$ шириной.

Вероятно, в первых десятилетиях XIX в. появились и первые печи новой конструкции, имевшие дымовые каналы (дымообороты) и специальные оконца для их прочистки (люфты), которые находились в местах поворотов и соединения горизонтальных и вертикальных каналов. Для этого в коллегиуме началось изготовление небольших дверок². Фрагмент подобной дверки обнаружен возле остатков аптеки. На фрагменте центральной части было расчищено аллегорическое изображение «воинствующей церкви» (?). В центре медальона изображён наездник в колеснице, запряженной четверкой (?) лошадей. Одной рукой он держит поводья, в другой — крест, вокруг медальона расположены различные виды холодного оружия: сабли, топоры, пики, палаши, тесаки и прочее. Аналогичные, но целые, дверки (вторичного использования) были обнаружены в 2010 г.

¹ Соловьёв, 2012в, с. 66.

² Зданович, 2005, с. 46.

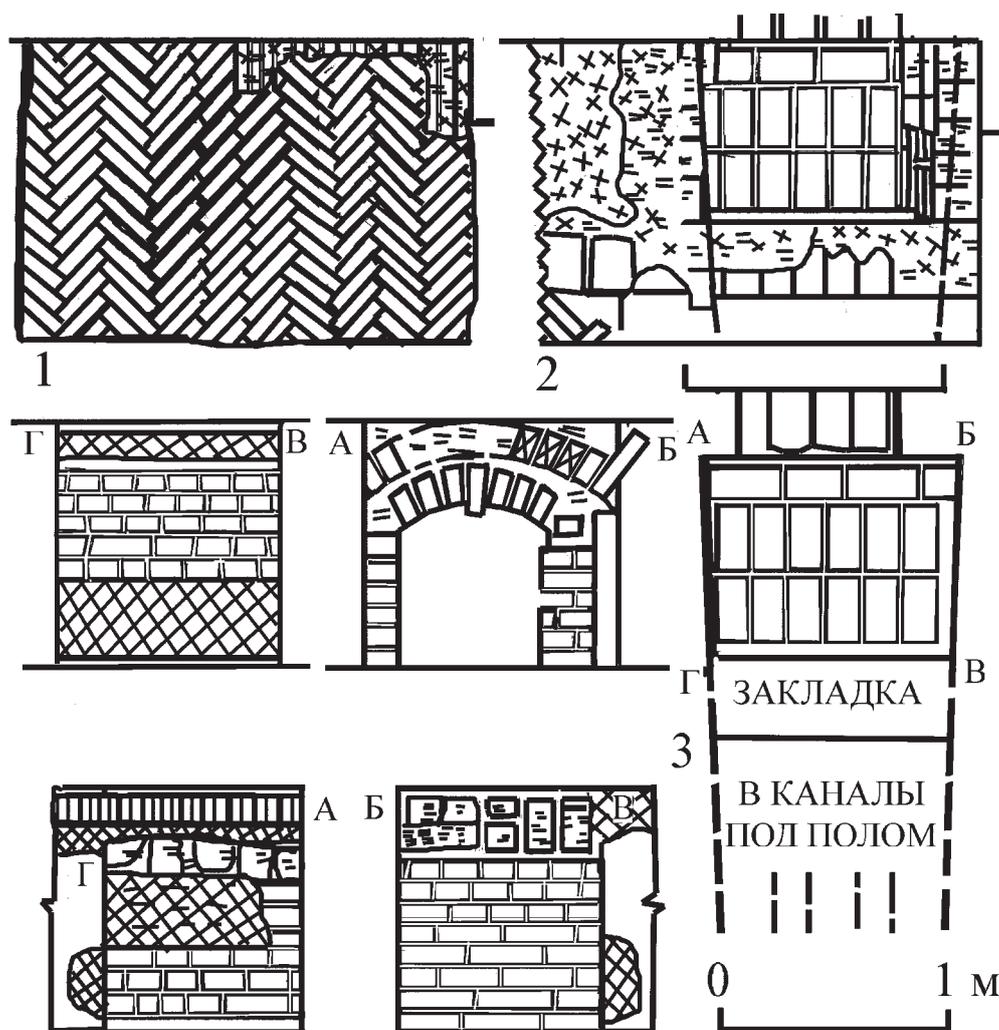

Рис. 62. План и развёртки стенок топки гипocaustа, перестроенной в «колпаковую» (?) печь в бывшей комнате кучеров в корпусе «З»

1 — свод топки в кладке пола 1831—1835 гг.; 2 — план расчищенной топки после снятия пола; 3 — реконструкция первоначальных очертаний топки и рисунка кладки её стенок

в спортивной школе в Боровухе 2-й — бывшем военном городке¹. Обломок подобной дверки найден рабочими при строительно-земляных работах на территории Домика Петра Первого (ул. Нижне-Покровская, 33) весной 2012 г. Во-первых, у нее более богатый декор обрамления, во-вторых, отливка более изящная. На обратной стороне пластины хорошо видны углубления высокого рельефа орнамента. Таким образом, найденная в коллегииуме дверка, может являться ранним исходным образцом, по которому позднее начали лить дверки для печей Полоцка.

Среди найденных печей нами не встречено останков ни одной круглой печи. На их наличие может указывать только находка изразцов с изогнутой лицевой пластиной. Нами

были обнаружены поясковые и стеновые изделия, к ним же можно отнести и изразцы-пильстры из завала на бывшей иезуитской кухне. В данном наборе не хватает капителей, баз, карнизов и купольного навершия печи.

Единственным образцом круглой изразцовой печи может служить изображение опубликованное В. П. Викентьевым. При этом он указывает, что она располагалась в камере (одной из спален) 3-й роты². Эти помещения, согласно плану Б. Г. Вержболовича³ (составленному им по памяти) в 1901—1909 гг., находились в корпусах «А» и «Г». Анализ фото и графических документов, как и обследование сохранившихся зданий не позволили определить место её расположения.

² Викентьев, 1910, с. 21.

³ Выпускник (1909) Полоцкого кадетского корпуса.

¹ [154].

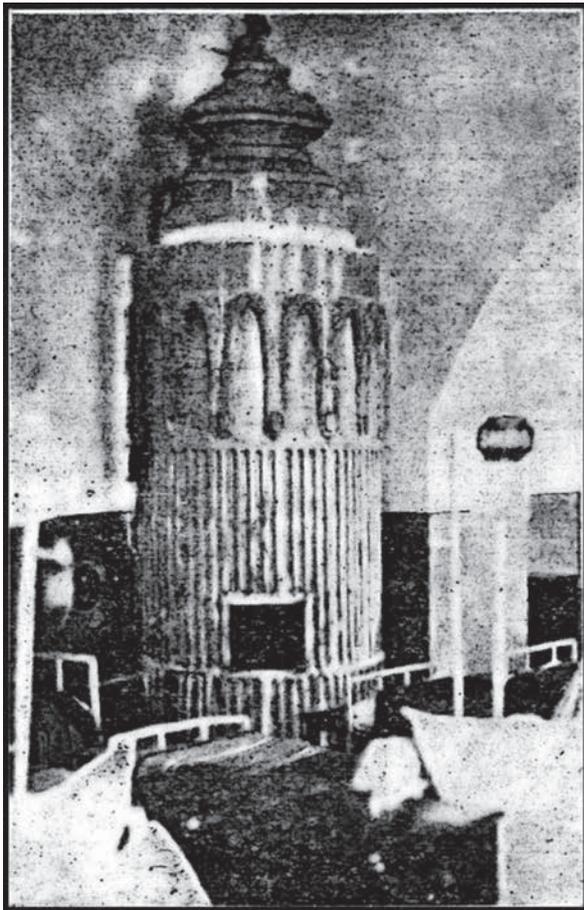

Рис. 63. Иезуитская печь последней четверти XVIII в. Фото из книги В. П. Викентьева «Полоцкий кадетский корпус»

Уровень пят арки, возле которой изображена печь на фотографии, и сохранившихся сегодня арок продольной стены расположены на разных уровнях. Различия имеют очертания и диаметр как самих арок, так и кирпичного свода. Скорее всего, печь располагалась в разрушенном ныне здании бывшего театра (построено в 1778 г.) имеющем сходные конструкции арок и сводов. Они не были разрушены при перестройке коллегиума под кадетский корпус. Указаний на неё не обнаружено и в строительных отчетах 1831—1835 гг. хотя печи из старых (?) изразцов упоминаются (рис. 63).

Изучая фотографию самой печи, можно констатировать, что это было уникальное сооружение, которое по стилистическим особенностям убранства, можно датировать последней четвертью XVIII века. Набор печи состоял из эмалированных и поливных изразцов, многие из которых были полихромными (двухцветными?). Венчал печь фигурный купол, который очертаниями своих профилей

напоминал крупноформатные карнизы, найденные на корпусах «А» и «З». Он мог быть собран из специальных изогнутых карнизов, составлявших половину или четверть круга, но скорее всего, это было огромное цельное изделие, сформованное на гончарном круге. Купол печи выполнял роль стяжки стеновых изразцов, которых было несколько видов. Из тёмных изделий выкладывалась верхняя часть стенок, аркада, колонки и консоли под них. Остальные части печи были светлыми (или белыми). Наличие желобков на поверхности её стенок, позволяет полагать, что такой приём убранства фасада мог являться имитацией триглифов¹ или каннелюр (вертикальных желобков обычно на стволе колонны или пилястры) и указывает, что стеновые изразцы располагались без перевязки вертикальных швов. Таким же образом был украшен и её цоколь. Он состоял из изразцов верхнего и нижнего ряда. Высокое расположение дверки топки ($\approx 0,5$ м от пола) свидетельствует о наличии подиума и преимущественно верхнем прогреве печи. Так же замечено, что печь не имела печного проёма. Её дымоход примыкал на уровне надставки, что так же не характерно для найденных натуральных остатков сооружений того времени. Исходя из сложной архитектоники изразцового убранства и наличия дымохода в верхней части, можно полагать, что печь могла иметь кирпичную основу.

Исходя из выше приведённых наблюдений вполне допустимо, что изображённая на фотографии печь могла быть переложена в связи с изменением конструкции или перенесена сюда из другого помещения при перестройке коллегиума под кадетский корпус.

В 2012 г. в заполнении иезуитского колодца найдены обломки набора изразцов 1-й трети XIX в. Стеновые и угловые изделия ещё имели румпу высотой около 9 см, которая соответствовала половине ширины пластины лицевой, а срединные уже были с румпой 5,5 см, т.е. аналогичны фабричным. При изготовлении отверстия в этих изразцах прорезывались как пальцами, так и специальным стержнем ($\varnothing 8$ мм). Подобные отверстия имел и цокольный карниз с пазом в верхней части для плотного прилегания стеновой пластины. Вероятно, они служили для продевания в них проволоки и стяжки зеркала печи по вертикали.

¹ В античной архитектуре деталь фриза в виде плиты с тремя желобками, имела незначительный выступ за его общую плоскость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная монография посвящена дальнейшему изучению архитектурно-археологических материалов, собранных при исследовании корпусов Полоцкого иезуитского коллегиума. Нами был взят период конца XVI — 1-й трети XIX вв. Это было время создания коллегиума и владения им полоцкими иезуитами, время его расцвета и превращения в мощный очаг развития материальной культуры, создававшейся на основе местных и европейских традиций. Благодаря массовости изразцового производства и сходства технологии строительства печей в данной работе была сделана попытка её исследования на основе коллекций одного памятника. При этом, полученные результаты исследований можно будет применять при изучении других исторических объектов.

За восемь лет археологического изучения полоцкого коллегиума собраны сотни разнообразных изразцов кон. XVII — нач. XIX вв. При этом большинство изображений их пластин удалось реконструировать и расшифровать. Многие изразцы, которые раньше при археологических раскопках в разных частях Полоцка находили только в виде фрагментов, теперь были собраны и склеены в целые изделия. На основе обнаруженных экземпляров стало возможным реконструировать состав печных изразцовых наборов.

Особую ценность найденных изразцов составляет то, что многие из них обнаружены в развалах печей существующих сейчас помещений коллегиума или увязываются с ними на основе аналогий. Это позволило более точно восстанавливать размеры и архитектуру печей при их графической реконструкции и увязке с интерьерами помещений.

Исследования печей в помещениях коллегиума позволили собрать разнообразный материал и по конструкции печей. Обычно при традиционных археологических раскопках исследователи находят развалы печей в виде прослоек красной обожжённой глины с камнями, обломками изразцов и кирпичей. В лучшем случае сохраняются нижние части их стенок. Уникальной по сохранности можно считать только находку из г. п. Мир, там О. А. Трусовым была найдена печь, сохранившаяся на высоту 1 м (база), с угловым карнизным изразцом у подошвы. В любом случае, у исследователей полностью отсутствует информация по устройству их верхней части и дымоходов.

Данный пробел может частично восполнить только всестороннее изучение остатков печей при ремонтах и реконструкциях исторических зданий. Исследования на этажах полоцкого иезуитского коллегиума позволили выявить и точно определить не только габариты изразцовых печей, которые стояли в кельях, но и некоторые особенности их внутреннего устройства. Так, обнаруженные печные проёмы и дымоходы в толще несущей стены играли роль своеобразных предпечей, через которые осуществлялось обслуживание печей со стороны коридора. Удалось выяснить, что печи коллегиума нач. XVII — нач. XIX вв. в основном имели колпаковую конструкцию.

Как показали исследования 2012 г., обе раскопанные нами заглубленные в землю топки принадлежали гипокаустам — мощным отопительным системам, получившим широкое применение при ремонтно-строительных работах, связанных с модернизацией коллегиума, проводившейся иезуитами в последней четверти XVIII в. Благодаря им стало возможным более точно рассчитать объем топочной камеры и изучить конструкцию её свода.

Кроме того, при изучении коллегиума впервые на территории Полоцка удалось выявить археологические остатки проёмной печи-стенки (щитка), который позднее приобретёт широкую популярность. Исходя из размеров топочного проёма, фундамента, изразцового набора, пят сводов и арок ниш бывших келий можно рассчитать высоту печи, габариты надставки и базы. Таким образом, открывается возможность для максимально полных и точных реконструкций печей, как их внешнего убранства, так и внутреннего устройства.

Вместе с тем, совершенно очевидно и другое, то, что местные мастера и архитекторы не просто усвоили, но и творчески переработали технологические приемы. Например, как и ранее, печи на ножках не использовались. Предпочтение отдавалось надёжным фундаментам из кирпича, который устраивали в пазухах сводов. Сохраняется и двухкамерность печи.

Исследование изразцового материала показало, что в возведении печей полоцкого коллегия принимали участие не только местные специалисты, но и мастера из других городов, в частности из Витебска и Лиды, которые привозили с собой и образцы форм, характерных для той местности.

В середине XVIII в. на производство изразцов оказывает влияние мода на «гданьские» печи, а так же на характерное для них роскошное убранство. Своеобразным способом переделки новых веяний стало появление безрамочных крупноформатных пластин с выпуклыми сложно фигурными медальонами с профилированным краем. Их очертания имеют определённое сходство с «гданьскими» изделиями, но в то же время и существенно отличаются от них. Гданьское влияние сказалось и на расширении ассортимента изразцов-наверший (представлены в виде погребальных урн, куполов, изогнутых и обрезанных по лекалу коронок; в составе одного печного набора их могло быть два-три вида), которые, в отличие от модных образцов, сосредоточивались при строительстве печи не по бокам центрального фронтона надставки, а непосредственно на его верхней части, образуя керамическое кружево. Для этого их нижние кромки имели специальную обрезку по лекалу. Во 2-й полов. — кон. XVIII в. под влиянием данной моды полоцкими мастерами было активно освоено производство крупноформатных изделий как из привозного, так и из местного сырья. В то же время получает широкое распространение покрытие изразцов пятнистой поливой — это была не только попытка имитации мрамора и «растворения» громоздкости печи в интерьере, но и замена дорогих расписных «гданьских» изразцов более дешевыми.

С 1-й трети XIX в. начинается активное формирование современной архитектоники изразцов и способа их крепления в зеркале печи с помощью железных элементов. В частности, в них появляются отверстия для проволоки, проделанные с помощью специального стержня, которые применялись наряду с традиционными проколами, сделанными пальцами. Румпы срединных стеновых изделий становятся низкими, похожими на современные. Угловые стеновые изразцы делаются ещё по старым традиционным образцам и состоят из целой и половинной пластины, которая и определяет значительную высоту румпы. Позднее она так же будет понижена, ее меньшая сторона составит около $\frac{1}{4}$ ширины лицевой пластины. Именно такие угловые изразцы используются сегодня. Это позволяет полагать, что углы кирпичной основы печи могли быть скошенными или вогнутыми. Специальные отверстия имели верхняя и нижняя стороны румпы цокольного изразца. Его румпа не выступала за габариты пластины, а верхняя часть имела специально сформованный шаблоном паз для стыка со стеновыми изделиями. Таким образом, эти изразцы сочетали в себе признаки отхода от традиционного способа изготовления и элементы новой технологии, получившей развитие при мануфактурно-фабричном производстве XIX — нач. XX в.

Целью данной монографии стало введение в научный оборот обширного изразцового материала и выявленных архитектурных конструкций печей, которые при традиционных полевых исследованиях не встречаются. Так же в данной работе предлагается попытка более детальной реконструкции технологии изразцового производства, происхождения орнамента (связи Полоцка с другими городами) и строительства печей. При этом были прослежены происходившие в них изменения под влиянием различных эпох и стилей на протяжении двух с половиной столетий. Именно в это время складываются предпосылки для возникновения современной нам технологии изразцового производства и строительства печей, которая окончательно сформировалась в кон. XIX — нач. XX вв. Предлагаемые в данной работе интерпретации и реконструкции не являются окончательными, в дальнейшем они потребуют корректировок по мере накопления материалов при архитектурно-археологическом изучении других памятников архитектуры. Таким образом, несмотря на ограниченность данного исследования и существование многочисленных публикаций по изразцам и печам Полоцка и других городов Беларуси, оно должно помочь архитекторам, археологам и реставраторам ещё лучше и точнее понять и интерпретировать архитектурно-археологический материал при выявлении, изучении, реконструкции и реставрации печей.

ЛИТЕРАТУРА

- АБ, 2001. Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст.
- Барвенава Г., 2002. Гатычны касцюм ВКЛ // *Castrum, urbis et bellum: 36. навук. прац. Баранавічы*. С. 45—78.
- Беларуская кафля, 1989. / Укл.: Собаль В. Е., Ткачоў М. А., Трусаў А. А., Угрыновіч У. В. Мн.
- Беларусы, 1995. У 8 т. Т. 1: Прамысловыя і рамесныя заняткі / Рэдкал.: В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, В. С. Цітоў. Мн.
- Бохан Ю. М., 2002. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI стст. Мн.
- Бохан Ю. М., 2003. Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385—1576. Мн.
- Викентьев В. П., 1910. Полоцкий кадетский корпус: Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк.
- Габрусь Т. В., 2012. Паэзія архітэктуры. Мн.
- Дук Д. В., 2001. Цеплыня ад цеплыні: дэкор полацкай кафлі XVII ст. // *Мастацтва*. Мн. С. 42—46.
- Дук Д. В., 2010. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.). Наваполацк.
- Дук Д. В., Соловьёв А. А., 2004. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI—XVIII вв. (По итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000—2002 гг.) // *ГАЗ*. 2004. № 19. С. 241—250.
- Дук Д. У., 2000. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях ў г. Полацку ў 2000 г. — (Архіў ін-та гіст. НАН Беларусі. Вопіс 1. Справаздача № 1880).
- Дук Д. У., 2001. Справаздача аб палявых даследаваннях ў горадзе Полацку ў 2001 г. — (Архіў ін-та гіст. НАН Беларусі. Вопіс 1. Справаздача № 1921).
- Дук Д. У., 2002а. Справаздача аб палявых даследаваннях ў горадзе Полацку ў 2002 г. У 2 ч. — (Архіў ін-та гіст. НАН Беларусі. Вопіс 1. Справаздача № 2046а).
- Дук Д. У., 2002б. Справаздача аб палявых даследаваннях ў горадзе Полацку ў 2002 г. У 2 ч. Ч. 1. Тэкст; Ч. 2. Фатаздымкі/ Д. У. Дук — (Архіў Ін-та гіст. НАН Беларусі. Воп. 1. Справаздача № 2046-2047).
- Дук Д. У., 2007. Полацк XVI—XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. Наваполацк.
- Дук Д. У., Емельянчык В. А., 2011. Могілікі полацкага гарадзішча (па выніках археалагічных раскопак у 2007 г.) / *Матэрыялы археалогіі Беларусі*. Выпуск 21. Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150 годдзя Полацка). Мн. С. 61—73.
- Думін С., 2007. Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2. Мн.
- Заяц Ю. А., 1990. Заслаўская кафля. Мн.
- Заяц Ю., Пазнякоў В., 2007. Кафлярства // *Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя*, У 2 т. Т. 3. Дадатак. А—Я / 2-е выд. Мн. С.261—266.
- Здановіч Н. І., Трусаў А. А., 1993. Беларуская паліваная кераміка XI—XVIII стст. Мн.
- Здановіч Н. І., 2005. Кафлярства ў Беларусі: (на матэрыяле калекцыі полацкай кафлі): метадапама. Мн.
- Казуля С., 2007. Жахоўскі Кіпрыян // *Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя*. У 2 т. Т. 1. 2-е выд. Мн.
- Корабельников В. А., Корабельникова Т. В., Корабельников А. В., 1993. Легенды и быль о собаках. Первые прирученные человеком. М.
- Левко О. Н., 1981. Витебские изразцы XIV—XVIII вв. Мн.
- Левко О. Н., 1992. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Мн.
- Левко О. Н., 2006. Исследования территории Задунавья в г. Витебске в 1977—2005 гг. / *Археалогія эпохі сярэднявекі (да 75-годдзя нараджэння П. Ф. Лысенкі) / Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. Мн. ДНУ Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. № 12. 240 с. 197—214.
- Литавар В. В., Койданов Г. Л., 1999. Как построить печь, камин, баню. Мн.
- Мальдзіс А., 2001. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Мн.
- Раппопорт П. А., Колчин Б.А., Борисевич Г. В., 1985. Жилище // *Древняя Русь. Город, замок, село*. М. (Археология СССР).

- Рошаль В. М., сост., 2003. Полная энциклопедия символов. М.—СПб. 2003.
- Сагановіч Г. М., 1994. Войска ВКЛ XVI—XVII стст. Мн.
- Соловьёв А. А., 2004. Археологическое изучение дома № 15 по ул. Толстого в г. Полоцке при проведении ремонтных работ // Матэрыялы навук. практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г.). Полацк. С 64—78.
- Салаўёў А. А., 2007а. Кафляныя печы XVIII — пачатку XIX стст. Полацкага езуіцкага калегіума (па назіраннях на першым паверсе карпусоў «А» і «Г») // Матэрыялы навук. практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2005 г.). Полацк. С. 33—62.
- Салаўёў А. А., 2007б. Вынікі натуральных даследванняў на другім і трэцім паверхах корпуса «А» Полацкага езуіцкага калегіума пад час яго мадэрнізацыі // Матэрыялы навук. практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2006 г.). Полацк. С. 55—80.
- Салаўёў А. А., 2008. Археалагічнае вывучэнне паддашша корпусаў «А» і «Г» // Матэрыялы навук. практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.). Полацк. С. 79—100.
- Салаўёў А. А., 2009а. Вынікі натуральных даследванняў на першым паверсе карпусоў «А» і «Г» Полацкага езуіцкага калегіума падчас рамонтна-рэстаўрацыйных работ // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы V міжнарод. навук. канф. (24—25 кастрычніка 2007 г.). Полацк. С. 316—336.
- Салаўёў А. А., 2009б. Даследванні другога паверха корпуса «В» (пад час рамонтна-рэстаўрацыйных работ 2003—2008 гг.) // Матэрыялы навук. практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2008 г.). Полацк. С. 60—81.
- Салаўёў А. А., 2009в. Каменныя будынкі Полацкага езуіцкага калегіума апошняй чвэрці XVII — першай паловы XVIII стст. (па выніках натуральных даследванняў корпуса «В») // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку): зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20—21 лістап. 2008 г. Наваполацк. С. 70—79.
- Салаўёў А. А., 2010. Натурныя даследванні падвала і першага паверха корпуса «В» былога езуіцкага калегіума ў Полацку // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. № 1. С. 42—51.
- Салаўёў А. А., 2011а. Новыя знаходкі сюжэтных кафляў у Полацку / Матэрыялы археалогіі Беларусі. Выпуск 21. Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150 годдзя Полацка). Мн. С. 220—224.
- Салаўёў А. А., 2011б. Рэканструкцыя першапачатковай планіроўкі і функцыянальнай структуры корпуса «В» Полацкага езуіцкага калегіума (па выніках археалагічных даследаванняў 2006—2008 гг.) // Полацкі музейны штогоднік : зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г. Полацк. С. 71—86.
- Салаўёў А. А., 2011в. Да вынікаў археалагічных даследаванняў на вуліцы і завулках Ф. Міронавай у 2005—2006 гг. // Беларускае Падзвінне: зб. навуковых прац рэсп. Навук.-практ. канф. Наваполацк. Ч. 1. С. 114—124.
- Соловьёв А. А., 2012а. Археологическое изучение территории домика Петра Первого (ул. Нижне-Покровская, 33) в 2010 г. / Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнарод. навук. канф. (Полацк, 22—23 мая 2012 г.) / НАН Беларусі, ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Коваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. Мн. С. 400 — 416
- Соловьёв А. А., 2012б. Архитектурно-археологическое исследование дома № 33 по ул. Нижне-Покровская в ходе ремонтно-реставрационных работ // Полацкі музейны штогоднік : Зб. навук. арт. за 2011 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, І. П. Воднева, С. В. Нікалаева. Полацк. С 304—333
- Соловьёв А. А., 2012в. Полоцкий иезуитский коллегіум в ретроспективе (1581—1914) : Архитектурно-археологический очерк. Полоцк.
- Самосюк А., Самосюк Л., Чекалов-Шидловский И., 2012. История рода Косаревских. Мн.
- Трусаў А. А., 1990. Старонкі мураванай кнігі. Манументальная архітэктура эпохі феадалізма і капіталізма. Мн.
- Трусов О. А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв. : Архитектурно-археологический анализ. Мн.
- Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К., 1986. Архитектурно-археологическое исследование Мирского замка и городского посёлка Мир Гродненской области // СА. №4. 1986. С. 216—235.
- Чарняўскі І, Цішкін І., 1987. Віцебская ратуша // ПГКБ. №2. С. 17—20.
- Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн.
- Шуази Огюст, 2010. Всеобщая история архитектуры. М.
- Якубаў В., 2010. Страбоўскія // Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя, У 2 т. Т. 3. Дадатак. А—Я. 2-е выд. Мн. С. 399.

Dąbrowska M., 1987. Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII w. / Studia i materiały z historii kultury materialnej. TLVIII.

Dąbrowska M., 2007. O siedemnastowiecznych kaflach i piecach z tereny ziem polskich. // Średniowieczne i Nowożytne Kafle (Regionalizmy—Podobienstwa—Różnice). MPB Białystok. S. 143—160.

Łaskiewicz Agnieszka, 1997. Kafle i piece kaflowe z dworu na kopcu w krajkowie pod mosiną, woj. poznańskie. Poznan.

Pospieszna Barbara, 2007. Piece i kafle Gdanskie w XVIII wieku. // Średniowieczne i Nowożytne Kafle (Regionalizmy—Podobienstwa—Różnice). MPB Białystok. S. 161—173.

Uruski Hr., 1931. S-Rodzina Herbarz szlachty polskiej. T. 15. Warszawa.

---

151. НПИКМЗ КВФ – 5 6887   154. НПИКМЗ КВФ – 5 7324
152. НПИКМЗ КВФ – 5 7323/1   155. НПИКМЗ КВФ – 4 7524
153. НПИКМЗ КВФ – 5 7323/2   156. НПИКМЗ КВФ – 4 7525
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АиСБ — Архитектура и Строительство Беларуси
АиС — Архитектура и Строительство
в. — век
вв. — века
ВКЛ — Великое княжество Литовское
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік
г. — год
гг. — годы
КВФ — Книга вспомогательного фонда
КП — Книга поступлений
нач. — начало
НПИКМЗ — Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник
НРО — Научно-реставрационный отдел
ПИКМЗ — Полоцкий историко-культурный музей-заповедник
ПГУ — Полоцкий государственный университет
рис. — рисунок
СА — Советская археология
св. — святой
сер. — середина
т. — том
УПК — Учебно-производственный комбинат
ЦГАКФФД — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов.
Ш- — шурф

СОДЕРЖАНИЕ

OMNIA MUTANTUR, NIHIL INTERIT	3
ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава 1.</i> ИЗРАЗЦЫ КОНЦА XVI — 2-й ТРЕТИ XVII ВВ.	9
<i>Глава 2.</i> ИЗРАЗЦЫ 2-й ТРЕТИ XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII В.	23
<i>Глава 3.</i> ИЗРАЗЦЫ СЕРЕДИНЫ XVIII — XIX ВВ.	35
<i>Глава 4.</i> ПЕЧИ ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА ДО СЕРЕДИНЫ XVIII В.	49
<i>Глава 5.</i> ПЕЧИ СЕРЕДИНЫ — 2-й ПОЛОВИНЫ XVIII В.	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	89
ЛИТЕРАТУРА	91
МАТЕРИАЛЫ	94

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

1, 2 — мисочные изразцы (вид сверху и снизу); 3, 4 — угловые и стеновые изразцы с мотивами «кованого металла»; 5—7 — стеновые изразцы с четырёхсторонним растительным орнаментом на основе мотивов «кованого металла»; 8 — стеновой изразец с сетчатым орнаментом; 9 — стеновые безрамочные изразцы с вазой с цветами; 10, 11 — стеновые «иезуитские» изразцы (терракотовый и полихромный).

12.

13.

14.

15.

16.

17.

18.

19.

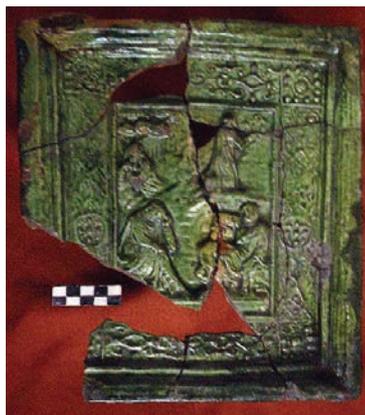
20.

21

22.

23.

24.

25.

12 — стеновой сюжетный изразец «Поклонение волхвов»; 13 — фрагмент стенового сюжетного изразца с головой коня и кириллической надписью; 14—16 — карнизные изразцы, 17 — фризовый (поясковый) изразец; 18 — стеновой изразец с растительным орнаментом на основе мотивов вазы с цветами; 19 — стеновой изразец с розеткой; 20 — стеновой изразец с монограммой Антония Селявы; 21 — стеновой изразец с гербом и инициалами Киприана Жаховского; 22 — стеновой «иезуитский» изразец в лавровом венке; 23 — стеновой сюжетный изразец «Моление о Чаше»; 24, 25 — фрагменты стенового углового сюжетного изразца «Моление о Чаше» со скульптурой в нише.

26.

27.

28.

29.

30.

31.

32.

33.

34.

35.

36.

37.

38.

39.

40.

41.

42.

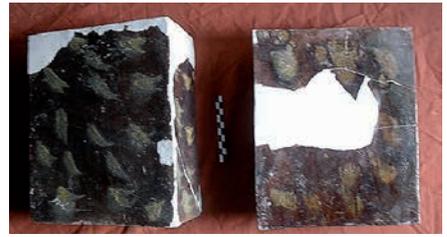
26 — фрагменты безрамочного стенового изразца с растительным узором; 27 — изразцы-«черепицы» для покрытия свода печи; 28 — обрезной карниз; 29—31 стеновые и угловые изразцы с румпами, формованными на гончарном круге; 32 — карниз с глазурованной пластиной румпы «полочкой»; 33 — карниз с перегородкой в румпе; 34 — карниз с румпой из пластин и перегородкой; 35, 36, 41 — полихромные стеновые угловые изразцы с балясинкой; 39, 40 — стеновые изразцы с фигурными выпуклыми медальонами, 42 — полихромный стеновой угловой изразец с нишей.

43.

44.

45.

46.

47.

48.

49.

50.

51.

52.

53.

54.

55.

56.

57.

58.

59.

43 — стеновый изразец с низкой румпой и отпечатками штампа; 44 — изразец-пилятра с румпой из пластин;
 45—46 — стеновые и угловые пятнистые гладкие изразцы; 47 — комплект медальонных изразцов,
 48 — комплект пятнистых изразцов; 49 — изразцы-перемычки (виды крепёжных шипов); 50 — навершие-купол;
 51—53 — навершия диадемы; 54 — фрагменты изразца фронтона; 55—56 — обрезные карнизы (вкладыши) —
 синий с «полочкой»; 57—58 — полихромные изразцы (фрагмент стенового и перемычки);
 59 — фрагменты изразцов-гибридов.

60.

61.

62.

63.

64.

65.

66.

67.

68.

69.

70.

71.

72.

73.

74.

75.

76.

77.

60—62 — изразцы с составом формовочной массы от жёлтого до алого цветов; 63 — верх бугра от прямоугольной печи каменного здания «скромного коллегиума» (корпус «В»); 64 — часть площадки с поздней прикладкой от квадратной печи каменного здания «скромного коллегиума» (корпус «В»); 66—70 — печные проёмы (корпус «А»); 71 — топочный проём с разгрузочной аркой (корпус «А»); 72 — оконце для выхода дыма и дымоход (корпус «А»); 73 — дымоходы келий и остатки трубы (корпус «А»); 74 — фундамент печи (корпус «А»); 75 — утюжок для затирки швов между изразцами; 76 — ленточный фундамент печи (корпус «Г»); 77 — часть изразцового комплекта из заполнения ленточного фундамента.

78.

79.

80.

81.

82.

83.

84.

85.

86.

87.

88.

89.

90.

78 — комплект изразцов от печи-камина; 79—80 — фрагменты изразцов, найденные возле фундамента печи, и целые изделия с чердака, которые могли быть в составе комплекта; 81—82 — прорубленные прогары и проломы с нагаром между нишами келий для проёмных печей, известные по плану 1828 г. (корпус «А»); 83—84 — изразцовый набор от печи-камина в библиотеке; 85—86 — общий вид камина и его арка (корпус «А»); 87 — первоначальная печная ниша в западной стене библиотеки с поздней аркой конца XVIII в. и шахтой начала XX в.

(корпус «Б»); 88 — кирпичный пол и остатки подиума печи в юго-восточной келье «старого коллегиума»;

89 — общий вид вскрытых дымоходов в восточной стене западной кельи музыкантов; 90 — «большой» дымоход в толще восточной стены в бывшей западной келье музыкантов.

91.

92.

93.

94.

95.

96.

97.

98.

99.

100.

101.

102.

103.

104.

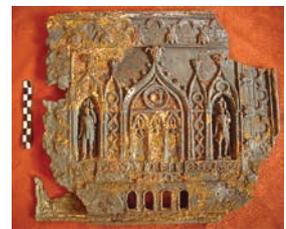
105.

106.

107.

108.

91 — «малый» дымоход в толще восточной стены в бывшей западной келье музыкантов (корпус «В»); 92 — часть запечной ниши в восточной бывшей келье музыкантов (корпус «В»); 93 — замурованный проём под печью западной келье музыкантов; 94 — комплект изразцов вторичного использования из развала печи в восточной келье музыкантов; 95—98 — печные проёмы в коридоре (корпус «В»); 99 — фундамент северной стены печи в зале с двумя столбами (корпус «В»); 100 — арка для подачи дров (корпус «В»); 101—102 — подполье пекарской печи (корпус «В»); 103 — дымоходы пекарской печи, 104 — ниша предпечья пекарской печи (корпус «В»); 105—106 — ступенька лаза в подполье; 107, 108 — фундамент и топочная дверца «большой печи» на кухне (корпус «А»).

109.

110.

111.

112.

113.

114.

115.

116.

117.

118.

119.

120.

121.

122.

109—110 — фундамент проёмной печи (щитка) с поздними прикладками (корпус «З»); 111 — фрагмент дверцы люфта (?); 112 — печной проём заглубленной в землю печи для нагрева «тёплых полов» (корпус «В»); 113—115 — топка заглубленной в землю печи для нагрева «тёплых полов» (корпус «В»); 116 — приямок перед печным проёмом печи заглубленной в землю печи для нагрева «тёплых полов» (корпус «З»); 117—119 — топка печи заглубленной в землю печи для нагрева «тёплых полов» (корпус «З»); 120 — фундамент печи (корпус «Ж»); 121 — срубленные кирпичи южной стенки короба с дымоходом печи (корпус «Ж»); 122 — южный откос печного проёма с поздней закладкой (корпус «Ж»).

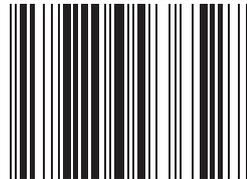

Александр Александрович Соловьев родился в 1979 г. в г. Полоцке. После окончания средней школы №187 в г. Санкт-Петербурге продолжил учебу в Российском лицее традиционной культуры, который закончил в 1997 г. В 2000 г. поступил на историко-филологический факультет Полоцкого государственного университета. В 2011 г. после защиты диссертации получил степень магистра. Участвовал в раскопках и шурфовке на территории полоцкого иезуитского коллегиума. Осуществлял археологический надзор за земляными работами на территории Полоцка. В настоящее время работает старшим научным сотрудником научно-реставрационного отдела Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Имеет более двадцати пяти научных публикаций, автор книги «Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581—1914). Архитектурно-археологический очерк» (2012).

В настоящем издании археолог Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника А. А. Соловьев представляет результаты исследования изразцов и печей крупнейшего на территории Беларуси комплекса зданий бывшего иезуитского коллегиума времён его становления в конце XVI—первой трети XIX в. Монография познакомит читателя с коллекциями изразцового материала, собранного за восемь лет археологического изучения автором книги этого уникального архитектурного памятника. В работе раскрывается специфика строительства и конструктивных особенностей печей вышеуказанного периода на примере их остатков, найденных на территории и в корпусах бывшего коллегиума.

Книга адресована историкам, археологам, реставраторам и всем, кто интересуется историей материальной культуры позднего средневековья и нового времени.

ISBN 978-985-6936-52-7

9 789856 936527